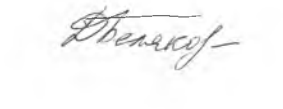
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского»

На правах рукописи

БЕЛЯКОВ Дмитрий Александрович

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ДОГОВОРНОЙ УСТУПКИ АЛЯСКИ

12.00.01 – Теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель (консультант)
доктор юридических наук, профессор
Биюшкина Надежда Иосифовна

Нижний Новгород – 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3
1. ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.. 16
1.1. Понятие и характеристика публично-правовых отношений в Российской империи во второй половине XIX в. 16
1.2. Теоретико-правовые основы реализации внешнеполитической функции Российского государства в пореформенный период 58
2. ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И США НАКАНУНЕ ПРОДАЖИ АЛЯСКИ.... 74
2.1. Предпосылки добровольного отказа от Русской Америки: историко-правовой аспект 74
2.2. Разработка проекта соглашения об уступке российских колоний в Северной Америке 113
3. ДОГОВОРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И США ПО ПОВОДУ ПРОДАЖИ АЛЯСКИ 131
3.1. Особенности государственного управления Аляской и правовое регулирование ее уступки по Конвенции от 1867 г. 131
3.2. Вид и правовые особенности соглашения об уступке Аляски 149
3.3. Причинно-следственные аспекты заключения сделки купли-продажи Аляски 165
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 185
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 189
ПРИЛОЖЕНИЯ 227

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Проблема уступки и присоединения территорий не утрачивает своей актуальности и в современный период. Данный вопрос необходимо рассматривать в двух плоскостях: 1) установление территориальных границ; 2) непосредственная передача или приобретение новых территорий.

Историческое прошлое российских колоний в Северной Америке все чаще привлекает внимание современных отечественных и зарубежных исследователей – политологов, историков, а также широкой общественности, которая живо интересуется проблемами уступки и присоединения тех или иных территорий к Российскому государству.

В настоящее время в свете серьезного ухудшения российско-американских отношений, санкционной политики Западной Европы и США внимание ученых к вопросу уступки Аляски в разрезе проблем территориальной целостности и разграничения государственных границ во многом продиктовано недавним присоединением Крыма к РФ, военным конфликтом в Украине, непрекращающимися спорами России и Японии относительно принадлежности южных Курильских островов, попытками Каталонии обрести независимость от Испании, а Шотландии – от Великобритании.

Следует сделать акцент и на том, что формирование российского геополитического пространства является многовековым историческим процессом присоединения к России новых территорий, а именно: завоевание новых владений, добровольное объединение народов Российского государства, мирное открытие и освоение новых земель отечественными мореплавателями и первопроходцами. Отторжения принадлежащих России территорий происходили, как правило, только в результате военных поражений. Однако история знает и пример добровольного отказа правящей элиты от своих земельных владений: уступка Аляски Соединенным Штатам

в 1867 г., ставшая следствием публично-правовых отношений Российской империи во внешнеполитических связях с США.

Внешнеполитический курс Российского государства пореформенного периода в целом и продажа Аляски в частности вызывают различные оценки как у научных деятелей, так и всего населения России. Проблема уступки Русской Америки представляется актуальной также и в связи с тем, что факт добровольного отказа от территорий Аляски в пользу США имеет столь важное значение, что последствия этой сделки еще долго будут сказываться на мировой геополитике.

Степень научной разработанности темы исследования. На настоящий момент в российской и зарубежной юридической науке заявленная проблематика исследования является малоизученной.

Проблему правового регулирования договорных отношений Российской империи и США невозможно изучать в отрыве от актуальных аспектов развития правовой политики, международного права и дипломатии. В частности, А. Ю. Саломатин исследовал модернизацию государства и права США, а также значение теории правовой политики в отечественной юриспруденции. Вопросами дипломатии как отдельной государственной единицей занимался В. Н. Лешков. Д. И. Каченовский в своих трудах разработал вопрос о дуализме международного права и международных договоров, В. П. Даневский изучал их сущность. Двойственная природа международного права была проанализирована немецким ученым Г. Трипелем (H. Triepel). Новая классификация государств в разрезе международного права была предложена немецкими исследователями А. В. Гефтером (A. W. Heffter) и А. Меркелем (A. Merkel).

Различные аспекты российской колонизации и геополитики рассматриваются в работах С. В. Кодана, Р. Ф. Туровского, А. Г. Дугина, А. В. Гринева, М. К. Любавского.

Анализу становления и развития российско-американских отношений, а также истории Аляски посвящено лишь небольшое количество

исследований. Среди отечественных историков и научных деятелей, занимавшихся указанной проблемой, следует выделить Н. Н. Болховитинова, А. И. Алексеева, А. Ю. Петрова; среди зарубежных авторов – Дж. Р. Гибсона (J. R. Gibson), Н. Э. Сола (N. E. Saul), Р. Дж. Йенсена (R. J. Jensen).

В поле зрения указанных ученых находились в основном проблемы исторического, социально-экономического и политического развития Русской Америки и российско-американских отношений в ущерб непосредственно правовой составляющей.

Труды М. Ю. Зыряновой, Г. А. Аграната, А. В. Гринева, Д. И. Завалишина, С. Б. Окуня, А. Ю. Петрова предоставляют сведения об образовании и деятельности Российско-американской компании, а также об отдельных причинах и факторах, повлиявших на продажу Аляски. Зарубежная историография по данной проблематике базируется на работах Дж. Р. Гибсона (J. R. Gibson), А. Г. Мазура (A. G. Mazour), Р. А. Пирса (R. A. Pierce), С. Р. Томпкинса (S. R. Tompkins).

Таким образом, проблемы правого регулирования договорных отношений Российской империи и США по поводу купли-продажи Аляски до настоящего момента не являлись предметом специального комплексного изучения в историко-юридической науке. Указанные аспекты впервые исследуются на монографическом уровне в разрезе теории и истории государства и права.

Объектом диссертационного исследования выступает совокупность социально-экономических, внутри- и внешнеполитических отношений, сложившихся в Российской империи во второй половине XIX в. и повлиявших на процесс подготовки проекта договора об уступке Аляски и вступления его в законную силу.

Предметом исследования является правовое регулирование договора об уступке Аляски как цессионного межгосударственного соглашения, совершенного на компенсационной основе; правовые особенности указанной

сделки, а также причинно-следственные аспекты (в том числе роль государственных деятелей) ее заключения.

Хронологические рамки исследования. Нижняя временная граница – конец XVIII в. – определяется тем, что именно к данному периоду относится становление российско-американских отношений, которые получили дальнейшее развитие уже в XIX в.

Апогеем сближения Российской империи и США стали 1860-е гг. Именно в данный период и было заключено исследуемое соглашение об уступке российских колоний в Северной Америке (1867 г.).

Верхняя временная граница – рубеж XIX–XX вв. – обусловлена тем, что в это время наиболее ярко проявились позитивные последствия заключения изучаемой сделки для США, выразившиеся в обнаружении богатых месторождений золота и нефти.

Цель исследования заключается в выявлении причинно-следственных аспектов, правовых свойств и особенностей юридического оформления соглашения об уступке Аляски в свете господства идеологии либерализма в Российском государстве пореформенного периода, а также роли и историко-правового значения данного договора в разрезе теории и истории государства и права.

Поставленная цель достигалась решением следующих **задач:**

- охарактеризовать публично-правовые отношения, сложившиеся в Российской империи во второй половине XIX в.;
- определить направленность внешнеполитической функции Российского государства пореформенного периода;
- всесторонне изучить предпосылки продажи Аляски в историко-правовом аспекте;
- дать оценку роли государственных деятелей в подготовке и проведении сделки об уступке Аляски;
- провести правовой анализ процесса разработки проекта соглашения о продаже российских колоний в Северной Америке;

- с объективных позиций выявить цель уступки Аляски по Конвенции от 30 марта 1867 г.;
- классифицировать договор купли-продажи Аляски и определить его правовые свойства;
- исследовать характер последствий заключения сделки об уступке Аляски.

Методологическая основа диссертации определяется целями и задачами исследования. Общую методологическую базу диссертационного исследования составили материалистический, диалектический методы и метод научного абстрагирования, которые предоставили возможность изучать русско-американские отношения в их развитии, раскрыть причинно-следственные аспекты заключения договора об уступке Аляски.

Комплекс общенаучных методов (методы анализа, синтеза, дедукции и индукции, системно-структурный метод и др.) позволил провести правовой анализ процесса подготовки соглашения купли-продажи Аляски, определить его характерные черты и сформулировать выводы относительно его влияния на мировую геополитику.

Частноправовые методы (формально-юридический, догматический, историко-юридический, сравнительно-правовой, исторического толкования, политико-правовой и др.) использовались для получения достоверных знаний о нормативном содержании правовых и архивных источников, обобщения исследованного материала. Применение указанных методов позволило сравнить политико-правовые взгляды и мнения общественных и государственных деятелей, а также различных ученых по заданной проблематике.

Теоретическая основа исследования. Диссертантом были проанализированы и использованы фундаментальные теоретико-правовые труды историко-юридического характера таких авторов, как: Н. М. Коркунов, П. И. Новгородцев, Н. К. Нелидов, А. С. Алексеев,

С. А. Котляревский, Ю. С. Гамбаров, М. М. Ковалевский, Г. Ф. Шершеневич, И. Т. Тарасов, А. Д. Градовский, С. Л. Франк, Б. А. Кистяковский и др.

Источниковая база исследования представлена как опубликованными материалами, так и документами, хранящимися в архивных фондах.

Основными носителями нормативно-правовой информации выступили Полное собрание законов Российской империи как инкорпорированный по хронологическому критерию акт систематизации законодательства и Свод законов Российской империи, в основу систематизации которого положен отраслевой признак.

Отдельную категорию источников составляют официально-документальные материалы, акты официального российского и американского делопроизводства, сборники документальных материалов.

Особой ценностью обладают архивные материалы фондов Архива внешней политики Российской империи МИД РФ (АВПРИ): № 133 «Канцелярия Министерства иностранных дел», № 170 «Посольство в Вашингтоне», № 341 «Собрание документальных материалов по истории Российско-американской компании (РАК) и русских владений в Северной Америке»; Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ): № 678 «Александр II»; отдела рукописей Российской государственной библиотеки (РГБ. ОР.): № 169 «Милютин Д. А.»; Российского государственного исторического архива (РГИА): № 560 «Общая канцелярия министра финансов», № 565 «Департамент государственного казначейства Министерства финансов», № 994 «Мордвиновы», № 1149 «Департамент законов Государственного совета», № 1284 «Департамент общих дел Министерства внутренних дел», часть из которых впервые вводится в научный оборот.

Важной категорией источников диссертации стали и обобщающие исследования отечественных и зарубежных авторов, касающиеся отдельных вопросов истории Русской Америки, русско-американских отношений и продажи Аляски.

Периодическая литература также заняла свое место в источниковой иерархии исследования, в связи с чем следует выделить следующие издания: «Журнал Министерства юстиции», «Юридический вестник», «Вестник права», «Юридический мир», «Русская старина» и др.

Документы мемуарно-эпистолярного характера (дневники, письма, воспоминания, записки), изученные в рамках настоящего исследования, хранятся в вышеуказанных архивных фондах и также являются важной частью источниковой базы диссертации.

Научная новизна диссертации заключается в том, что в рамках настоящего исследования впервые на монографическом уровне раскрываются многообразные аспекты правового регулирования отношений Российской империи и США с конца XVIII в. до рубежа XIX–XX вв. Диссертационное исследование представляет собой системный правовой анализ факторов, повлиявших на процесс разработки и подписание договора об уступке Аляски, а также последствий его заключения.

В отличие от изданных ранее работ, в основном касавшихся лишь отдельных аспектов и предпосылок уступки Русской Америки, данное исследование охватывает весь комплекс причин, побудивших царское правительство продать свои североамериканские колонии. Это позволило обосновать надуманность военной угрозы российским владениям в Северной Америке и установить, что одну из главных, если не первостепенную роль в подписании соглашения от 30 марта 1867 г. сыграли личные мотивы (деятельность великого князя Константина Николаевича, Э. А. фон Стекля и иных либерально настроенных государственных деятелей).

Личный вклад автора состоит в постановке проблемы продажи Аляски под новым ракурсом: так, впервые исследовано влияние либерального курса, изучены последствия историко-юридического характера, проведен правовой анализ архивных документов, некоторые из которых впервые вводятся в научный оборот. Диссертантом также впервые выполнен и опубликован

профессиональный постатейный перевод на русский язык договора об уступке Аляски и его ратификации Соединенными Штатами.

По результатам проведенного исследования диссертантом сформулированы **основные положения, выносимые на защиту:**

1. Публично-правовые отношения, сложившиеся в Российском государстве в пореформенный период, характеризовались следующими признаками: а) более высокой степенью организованности в свете несистематизированного законодательства о государственной службе; б) стабильностью на фоне сложной бюрократической административной структуры, которая сочетала в себе элементы единоначалия, коллегиальности и народного представительства; в) в сфере международного права – вторичным характером по отношению к частно-правовым отношениям – в силу этого в регулировании публично-правовых отношений между Российской империей и США регулятивные нормы права доминировали над охранительными.

2. В условиях либерального политического курса, возобладавшего в России к середине XIX в., реализация внешнеполитической функции применительно к совершению сделки купли-продажи Аляски происходила в нехарактерной для Российской империи направленности – уступка принадлежащих ей территорий Русской Америки.

3. Диссертантом выявлено, что предпосылки продажи Аляски можно условно разделить на внутренние и внешние. В первую группу включаются: 1) природно-географические факторы – удаленность колоний от центра, трудности с поставками продукции из метрополии, суровый климат, невозможность развития сельского хозяйства; 2) демографические факторы – крайняя малочисленность коренного русского населения на Аляске (не более 500 человек); 3) идеологические факторы – господство либерального политического курса в Российской империи в середине XIX в.; 4) экономические факторы – системный кризис Российско-американской компании, управлявшей Аляской, в заключительный период ее деятельности;

5) финансовые факторы – острый дефицит государственного бюджета после поражения в Крымской войне. Ко второй группе относятся: 1) военная угроза со стороны иностранных держав; 2) укрепление дружественных связей с США в целях противодействия Великобритании; 3) континентальная направленность российской колонизации в отличие от заокеанского характера развития Русской Америки; 4) неспособность Российской империи конкурировать с другими державами в Тихоокеанском регионе. Из приведенной авторской классификации видно, что внутренние факторы преобладали над внешними и во многом обусловили уступку Аляски США.

4. Автором диссертационного исследования доказано, что «военный фактор», выдвигавшийся сторонниками сделки купли-продажи Аляски в качестве важнейшего аргумента в пользу ее заключения, был явно надуманным. Потенциальная военная угроза могла исходить только от трех держав: Англии, США и Франции. Однако середина XIX в. ознаменовалась в Великобритании глубоким экономическим и политическим кризисом. Кроме того, обеспокоенность Англии в большей степени объяснялась возможностью американской экспансии в отношении Канады. Франция к 1860-м гг. фактически оказалась в состоянии изоляции. Отношения между Российской империей и США в рассматриваемое время характеризовались сотрудничеством и установлением деловых связей. Более того, русские колонии сами по себе не были совершенно беззащитными: их оборонительная фортификация находилась на современном на тот период уровне. Таким образом, «военный фактор» обосновывался скорее ведомственными интересами. В реальности международная обстановка середины XIX в. объективно способствовала безопасности Аляски и ее сохранению в составе Российского государства.

5. Господство либерализма во второй половине XIX в. привело не только к преобразованиям внутри страны, но и к новой для России внешнеполитической доктрине. Ее носителями применительно к предмету исследования выступали: председатель Адмиралтейств-совета великий князь

Константин Николаевич, царский посланник в Вашингтоне Э. А. фон Стекль, министр финансов М. Х. Рейтерн, морской министр Н. К. Краббе. Находившиеся под их влиянием император Александр II и министр иностранных дел А. М. Горчаков поначалу сомневались в необходимости уступки Аляски, но после аргументации великого князя Константина Николаевича и его сторонников приняли положительное решение по данному вопросу. Великим князем Константином Николаевичем, стремившимся добиться продажи Аляски, двигали личные мотивы – в случае военного конфликта и потери колоний ответственность легла бы на военно-морское управление и, таким образом, лично на него. Реализовав идею об уступке Русской Америки, великий князь Константин Николаевич обеспечивал себе достаточно спокойное будущее с сохранением всех государственных должностей. Э. А. фон Стекль также стремился укрепить дружественные русско-американские отношения и получить личные финансовые выгоды. Диссертант приходит к выводу о том, что великий князь Константин Николаевич и барон Э. А. фон Стекль, опираясь на свои личные интересы, убедили императора в необходимости совершения сделки купли-продажи Аляски и стали ее главными инициаторами.

6. Диссертантом выяснено, что первая, хоть и фиктивная попытка продажи Аляски была предпринята еще в эпоху правления Николая I в 1854 г. В ходе дискуссий по поводу заключения этой мнимой сделки был поставлен вопрос о возможности реальной продажи Русской Америки, что удалось осуществить уже в период либерального курса Александра II. Подготовка и разработка проекта договора купли-продажи Аляски заняли около 10 лет. Этот процесс происходил в режиме строгой конфиденциальности – о намечающейся уступке Русской Америки были осведомлены лишь члены Особого комитета: император Александр II, великий князь Константин Николаевич, министр иностранных дел А. М. Горчаков, министр финансов М. Х. Рейтерн, морской министр Н. К. Краббе и царский посланник в Вашингтоне Э. А. Стекль. Результатом

переговоров с американской стороной стало подписание Конвенции об уступке российских владений в Северной Америке от 30 марта 1867 г.

7. Автором зафиксирован дуализм целей, преследуемых совершением договора купли-продажи Аляски. Официальная цель сделки заключалась в укреплении альянса между Россией и США и устранении возможных противоречий в будущем. В то время как истинная цель подписания соглашения об уступке Аляски состояла в удовлетворении потребностей и субъективных интересов определенного круга правящих элит.

8. Соглашение купли-продажи Аляски представляло собой цессионный межгосударственный договор на компенсационной основе. Сумма компенсации составила 7,2 млн. долларов золотом. В целом исследуемый договор можно классифицировать как типовое соглашение купли-продажи со всеми присущими ему признаками. Единственной характерной особенностью сделки стал ее уникальный предмет – территории Российского государства на американском континенте. Это объясняется тем, что никогда ранее Россия на добровольной основе, пусть и за денежное вознаграждение, не уступала находящиеся под ее юрисдикцией владения.

9. Автором разработана следующая классификация негативных для России последствий заключения договора купли-продажи Аляски, в основу которой положен критерий направленности воздействия: 1) экономические – потеря материальной выгоды от открытых на Аляске на рубеже XIX–XX вв. богатых месторождений золота и нефти; 2) социально-демографические – утрата населения американского севера; 3) военно-политические – уступка стратегически важной территории и потеря влияния на Тихом океане; 4) юридические – создан опасный прецедент по юридическому оформлению добровольного отказа от государственных владений путем обыкновенной финансовой сделки, что в будущем может представлять определенную угрозу территориальной целостности России. Таким образом, отрицательные последствия совершения сделки об уступке Аляски неизмеримо превзошли минимальные финансовые показатели, характеризующие указанное

соглашение. Заключение исследуемого договора обернулось для России крупным стратегическим проигрышем в историко-правовом ракурсе.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования определяется тем, что полученные автором результаты могут быть использованы при написании обобщающих трудов по истории Русской Америки, Российско-американской компании, становлению и развитию российско-американских отношений.

Основные положения и выводы, сформулированные в рамках исследования, могут применяться специалистами в системе высшего профессионального юридического образования в процессе преподавания дисциплин «Отечественная история», «История отечественного государства и права», «История государства и права зарубежных стран», при разработке специальных курсов, семинарских и практических занятий по истории Аляски, российско-американским отношениям во второй половине XIX в., деятельности Российско-американской компании, восполняя тем самым пробелы в изучении соответствующих разделов правоведения.

Материалы диссертации также могут быть полезны при подготовке словарей, энциклопедий, учебных пособий и справочных изданий по теме исследования.

Результаты проведенного исследования могут найти практическое применение и стать основой для дальнейшей научной разработки и анализа проблем историко-правого развития Аляски, международных отношений в северо-западной части американского континента в XIX в.

Апробация результатов диссертационного исследования. Основные положения диссертационного исследования нашли свое отражение в различных публикациях автора (из них 4 в научных журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ), в сообщениях и докладах на научно-практических конференциях: IV Международная научно-практическая конференция «Бизнес и право: проблемы и перспективы» (Нижний Новгород, 30 декабря 2013 года), Методическая конференция

ННГУ им. Н. И. Лобачевского «Инновационные методы обучения в высшей школе» (Нижний Новгород, 12–13 февраля 2015 года), а также участии в различных научных конкурсах (Грант РГНФ: Основной конкурс 2017 года, заявка 17-03-00602 от 15 сентября 2016 года).

Результаты диссертационного исследования рассматривались и обсуждались на заседании кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

Структура диссертационного исследования соответствует логике изложения материала и состоит из введения, трех глав, объединяющих семь параграфов, заключения, списка использованной литературы и приложений.

1. ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

1.1. Понятие и характеристика публично-правовых отношений в Российской империи во второй половине XIX в.

Проблема формирования публично-правовых отношений и ее изучение представляется сложной, многоаспектной задачей для исследования. В этой связи анализ развития публично-правовых отношений предшествует формированию понятийного аппарата, кристаллизующего качественные особенности и закономерности развития указанной сферы общественных отношений. В соответствии с логикой работы эмпирический этап изучения публично-правовых отношений в Российской империи проходил во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. Следующий, более сложный этап, – период расцвета российской юридической науки, – вторая половина XIX в.

Вначале уместно упомянуть, что многие актуальные аспекты, касающиеся развития публично-правовых отношений в Российской империи, а также формулирования категориального аппарата нашли квалифицированную оценку в трудах отечественных мыслителей, таких как И. Т. Тарасов[1], С. А. Котляревский[2], Н. К. Нелидов[3], Ю. С. Гамбаров[4], А. Д. Градовский[5], С. Л. Франк[6], М. М. Ковалевский[1],

---

[1] Тарасов И. Т. Краткий очерк науки административного права. Т. 1: Конспект лекций. Ярославль: типо-лит. Э. Г. Фальк, 1888. 386 с.

[2] Котляревский С. А. Власть и право. Проблема правового государства. М.: тип. «Мысль» Н. П. Меснянкин и Ко, 1915. 420 с.

[3] Нелидов Н. К. Юридические и политические основания государственной службы. Государственная служба. Отд. 1. Ярославль: тип. Губ. зем. управы, 1874. 292 с.

[4] Гамбаров Ю. С. Курс гражданского права. Т. I. Часть общая. СПб: тип. М. М. Стасюлевича, 1911. 793 с.

[5] Градовский А. Д. Начала русского государственного права. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1875. Т. 1. О государственном устройстве. 436 с.

[6] Франк С. Л. Русское мировоззрение. СПб.: Наука, 1996. 736 с.

Г. Ф. Шершеневич[2], П. И. Новгородцев[3], Н. М. Коркунов[4], А. С. Алексеев[5], Б. А. Кистяковский[6], М. М. Сперанский[7] и др.

Для того, чтобы дать очертание границ формирования правовой мысли, следует отметить, что либеральная традиция в России начала формироваться в XVIII в., когда первые ее зерна попали на русскую почву с «западными» преобразованиями Петра I и Екатерины II. Либеральная идея новизны, противопоставляемая Петром I всему старому и изжившему, в России выразилась в преобразовании всех сфер жизни общества, прежде всего таких ведущих, как экономическая и образовательная.

Вновь старые устои были поколеблены Екатериной II, которая продолжила просветительское дело Петра I, налаживая связи с французскими мыслителями, массово издавая в России их переводы. Увлекаясь произведениями Вольтера, Д. Дидро, Ш.-Л. Монтескье, Екатерина II именно по их трудам составляла Наказ Комиссии о сочинении проекта Нового Уложения (1767 г.)[8], мечтала о новом кодексе законов. Однако отсутствие

---

[1] Ковалевский М. М. Взаимоотношение свободы и общественной солидарности // Вехи. Интеллигенция в России. М.: изд-во Мол. гвардия, 1991. С. 269–293.

[2] Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. По изд. 1907. М.: Спарк, 1995. 556 с.

[3] Новгородцев П. И. Государство и право // Вопросы философии и психологии. 1904. Кн. IV (74). М.: Высш. шк. 450 с.

[4] Коркунов Н. М. Русское государственное право. Т. 1. Введение и общая часть / Под ред. и с доп.: Авалов З. Д., Горенберг М. Б., Соколов К. Н. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1914. 633 с.; Коркунов Н. М. Русское государственное право. Т. 2. Часть особенная. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1897. 596 с.

[5] Алексеев А. С. Русское государственное право. М.: изд-во «Грамота», 1892. 473 с.

[6] Кистяковский Б. А. Государство и личность // Права человека и правовая мысль России (XVIII – начало XIX вв.): Антология / Авт.-сост. Грачев А. А., Куницын А. С. Курск: изд-во РОСИ, 2001. С. 219–246.

[7] Сперанский М. М. Проекты и записки / Под ред. С. Н. Валка; АН СССР. Ин-т истории. Ленингр. отд-ние. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1961. 244 с.

[8] Наказ, данный Комиссии о сочинении проекта Нового Уложения от 30 июля 1767 г. Ст. 12.949. // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XVIII. Данный Наказ Екатерины II стал отправной точкой для принятия таких основополагающих нормативных актов, как Устав благочиния (1782 г.), Жалованная грамота дворянству (1785 г.) и Жалованная грамота городам (1785 г.). В итоге Комиссия так и не создала Нового Уложения: причиной послужили и Русско-турецкая война, и Пугачевский бунт, и разрозненные действия представителей различных сословий – все перечисленное в значительной степени усложняло совместную работу по кодификации законодательства. Из положительных моментов издания Наказа нельзя не отметить

профессиональных юристов-соотечественников и экономическая отсталость страны помешали это сделать.

Во второй половине – конце XVIII в. было сильно влияние на русскую мысль идей естественного права, что отразилось на характере многих реформаторских проектов по устройству парламента, отмене крепостного права и т. д. (проекты Н. И. Панина, Д. И. Фонвизина, А. Н. Радищева, Н. И. Новикова и др.), продолженных и в первой четверти XIX в. А. П. Куницыным, М. М. Сперанским, декабристами.

В начале XIX в. появилось несколько проектов конституционного устройства России за авторством М. М. Сперанского, Н. Н. Новосильцева, Н. М. Муравьева, П. И. Пестеля и др. Большинство из них предлагало создание в России конституционной монархии, что было вполне приемлемо для того периода. Первоначально подготовка проектов конституции и реформаторского преобразования инициировалась самим императором Александром I на волне его настроений в первый довоенный (до Отечественной войны 1812 г.) период его царствования. Однако позже, опасаясь широкого интереса к конституционным идеям, который вел к появлению радикальных проектов, Александр I отказался от своих замыслов и предпринял гонения на будущих декабристов. Этот период конца XVIII – первой четверти XIX вв. является первым этапом формирования русского либерализма, а также эмпирическим этапом изучения публично-правовых отношений в Российской империи.

Эпоха Николая I открывает второй этап развития российской юридической науки и русского либерализма, сформированного в концепциях Б. Н. Чичерина, К. Д. Кавелина, западников, а также вернувшегося из опалы М. М. Сперанского, который приступил к систематизации российского законодательства при Николае I.

следующие факторы: разработка совершенно новой для российского права юридической техники, подготовка новых принципов системы законодательства.

Период реформ Александра II был временем радикального преобразования, пронизывающим все сферы жизни общества: образовательную, экономическую, военную, самоуправления, судебную. Радикальный либерализм передался от организаторов реформ к их исполнителям – земцам, присяжным, адвокатам, представителям местного самоуправления. Именно с появлением адвокатуры в России стала реальной свобода слова, которая хотя и была ограниченной привилегией, но в то же время стала открытием и достоянием общества. С введением суда присяжных представители общественности впервые взяли на себя властные полномочия решать о виновности или невиновности, и груз такой ответственности коренным образом изменял менталитет народа. Деятельность земцев впервые предоставила общественности возможность для самостоятельного определения приоритетов на местах, и они были отданы медицине, здравоохранению, образованию.

Таким образом, первыми просветителями России можно по праву назвать Петра I и Екатерину II, благодаря усилиям которых были подготовлены первые предпосылки для кодификации российского законодательства. Особенностью XVIII в., который многие склонны называть философским, в России, особенно на заре и закате его истории, наблюдался устойчивый интерес к европейской культуре. Так, Петр I поддерживал переписку с Г. В. Лейбницем, Х. фон Вольфом, граф И. И. Шувалов – с Вольтером, Д. Дидро, К. А. Гельвецием, Екатерина II – с Д. Дидро, Ф. М. Гриммом, Вольтером, А. Д. Кантемир – с Ш.-Л. Монтескье, Е. Р. Дашкова – с Д. Дидро, А. Смитом, Д. А. Голицын – с К. А. Гельвецием, Д. Дидро, Вольтером, Г. Г. Орлов – с Ж.-Ж. Руссо[1].

Екатерина II при подготовке Наказа Комиссии о сочинении проекта Нового Уложения использовала следующие труды европейских ученых:

---

[1] Философский век. Альманах. Вып. 2. Просвещенная личность в российской истории: проблемы историософской антропологии. Материалы Международной конференции. Санкт-Петербург, 23–26 июня 1997 г. / Отв. ред. Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. СПб.: Санкт-Петербургский Центр Истории Идей, 1997. С. 7.

«О духе законов» Ш.-Л. Монтескье, «Политические наставления» Я. Ф. Бильфельда, раздел «Полиция» 12-томной «Энциклопедии» Д. Дидро и Ж. Л. Д'Аламбера. В данном Наказе Екатерина Великая фактически рассуждала о введении принципов конституционной монархии в России, утверждая, что Российское государство является европейской державой, а значит, должно развиваться по европейским историческим законам. Рассматриваемый Наказ стал концентрированным изложением идей французских просветителей с комментариями императрицы. Размышляя о свободе и равенстве, Екатерина II перефразировала идеи Ш.-Л. Монтескье: равенство граждан состоит в подчинении всех одним законам, равенство требует хорошего установления (ст. 33-34); свобода понимается как то, что не запрещено законами и не наносит вред обществу или отдельному человеку (ст. 41)[1]. Именно законы, утверждала Екатерина II, предохраняют государство от бед, обеспечивают безопасность каждого гражданина, и именно поэтому необходимо создать в России хранилище законов, которым призван быть Сенат. И если нравы и обычаи создаются народом, то законы должны создаваться законоположниками, т. е. законодателями.

Увлечение идеями западноевропейского Просвещения в среде российских государственных и общественных деятелей, возникшее в XVIII в., стало традицией в развитии российской политико-правовой мысли. Так, на рубеже XVIII–XIX вв. правовая школа немецкой философии оказала огромное влияние на российскую юриспруденцию и государственное строительство. Российский либерализм формировался во многом под воздействием идей западноевропейского философского течения. Это было обусловлено тем, что: а) первые профессора приглашались в Академию наук и Московский университет из Германии; б) Петровские преобразования были ориентированы прежде всего на структуры немецкого и шведского государственных управлений; в) в первую очередь распространялись переводные труды немецких правоведов и философов; г) в XVIII–XIX вв.

[1] Глушкова С. И. Права человека в России. М.: «Юристъ», 2005. С. 33.

Германия воспринималась как единственный центр университетской науки в Европе, попасть в который мечтал любой образованный подданный Российской империи. Среди немецких мыслителей, оказавших решающее влияние на формирование русской философии права, нужно выделить И. Канта, Ф. В. Й. фон Шеллинга, Г. В. Ф. Гегеля.

Идеи западноевропейского (Дж. Локк, Вольтер, Ш.-Л. Монтескье, Д. Дидро, К. А. Гельвеций) и американского (Т. Джефферсон, Б. Франклин, Т. Пейн, А. Гамильтон) Просвещения сыграли в России роль стимулятора, подтверждая и облекая в теоретические формы жизненный опыт русских просветителей. Основателем русской юридической школы второй половины XVIII в. и первым русским профессором права стал С. Е. Десницкий, разработавший под влиянием Ш.-Л. Монтескье, А. Смита, Д. Юма, Т. Гоббса, Дж. Локка, Г. С-Дж. Болингброка, Д. Гаррингтона, Б. де Мандевиля и др. прогрессивных деятелей западноевропейской общественной мысли ряд важнейших идей, получивших дальнейшее развитие в трудах А. Н. Радищева, М. М. Сперанского, Б. Н. Чичерина, П. И. Новгородцева и др.: механизм защиты права собственности; новую правовую терминологию; разграничение прав и их содержание; идеи законоучения и законоискусства как прообраз конституционного права; механизм разделения властей; необходимость изучения положения крестьянства и улучшения его общественного благосостояния.

XVIII в. является периодом становления в России научной мысли, в том числе и теоретической правовой науки в русле западноевропейской правовой традиции. Этим временем можно считать все столетие, но состояние русского правоведения в первой половине века следует все же признать периодом «ученичества», который начался с перевода по распоряжению Петра I произведений немецкого юриста и философа Самуэля фон Пуфендорфа, основывавшихся на теории естественного права и общественного договора («О должности человека и гражданина», «Введение в историю знатнейших европейских государств»). Перевод был выполнен

наставником Московской академии епископом Гавриилом Бужинским, выдающимся русским просветителем и сторонником петровских реформ. Кроме С. Пуфендорфа были переведены и изданы труды Гуго Гроция – сочинениями этих двух главных теоретиков естественного права было предписано руководствоваться при изучении и преподавании юриспруденции в России. Еще В. Н. Татищев в своих трудах использовал в основном различные постулаты и теоретические разработки других ученых (хотя и по-своему их трактовал). При описании различных видов государств и форм правления он ориентировался на известную книгу Ш.-Л. Монтескье «О духе законов», а классификацию наук заимствовал у С. Пуфендорфа[1].

Важно отметить, что самостоятельный характер развития отечественная философско-правовая мысль приобрела лишь во второй половине XVIII столетия. Это проявилось в следующем:

– во-первых, окончательно сформировался научный понятийно-категориальный аппарат на русском языке. Так, профессор юриспруденции С. Е. Десницкий с 1767 г. осуществлял преподавание права на русском языке в Московском университете[2] (Указ Екатерины II о преподавании в Университете на русском языке был опубликован вслед за этим начинанием 15 января 1768 г. в № 5 «Московских ведомостей»). Кроме того, первый в России русскоязычный учебник по основам философского знания был выпущен Г. Н. Тепловым в 1751 г.[3], а в 1764 г. В. Т. Золотницкий в своем компилятивном издании систематизировал теоретические юридические категории и отразил положения естественно-правовой теории на русском языке[4];

---

[1] Зеньковский В. В. История русской философии. М.: Академический проект, Раритет, 2001. С. 89.

[2] Балабанова Н. А. Государственно-правовые воззрения С. Е. Десницкого. Дисс. … канд. юрид. наук: 12.00.01. Владимир, 2006. 148 с.

[3] Теплов Г. Н. Соч.: Знания, касающиеся вообще до философии для пользы тех, которые о сей материи чужестранных книг читать не могут. СПб., 1751 // http://litcey.ru/filosofiya/42177/index.html. Дата обращения: 13.04.2015.

[4] Золотницкий В. Т. Сокращение естественного права, выбранное из разных авторов для пользы российского общества. СПб.: тип. Сухопут. кадет. корп., 1764. 148 с.

– во-вторых, в России центрами развития научной мысли (в том числе юридической) были учебные заведения. Так, в работе «Философия права в России» Э. В. Кузнецов отмечает: «Основы русского правоведения были заложены отечественными университетами, поэтому история развития юридической науки в России, по существу, неотделима от истории развития этих университетов»[1]. Дело в том, что академии были все же корпоративными учреждениями, духовные интересы их представителей ориентировались еще на религиозную традицию. Университеты же стали центрами сосредоточения светских, секуляризованных знаний. Следует отметить, что со времени своего основания в 1755 г. Московский университет придерживался гуманистических и демократических традиций общеевропейского университетского образования. Это проявлялось в ориентировании изучаемых в его стенах дисциплин на действительные проблемы времени;

– в третьих, в России во второй половине XVIII в. произошел подъем и расцвет дворянской культуры (Манифест о вольности дворянства 1762 г.[2], Жалованная грамота дворянству 1785 г.[3]), в основе которой лежала идея автономии личности. Так, просвещенные передовые представители российского дворянства переосмыслили западноевропейскую общественно-правовую и философскую мысль применительно к российской государственно-правовой действительности и активно участвовали в теоретических разработках и практических попытках по ее улучшению;

– в-четвертых, усилились секуляризационные тенденции, начатые еще при Петре I, что меняло духовную ситуацию в стране в период формирования национальной юриспруденции. Речь идет об отчуждении

---

[1] Кузнецов Э. В. Философия права в России / Вступ. ст.: Д. А. Керимов. М.: Юрид. литер-ра, 1989. С. 33.

[2] Манифест «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» от 18 февраля 1762 г. Ст. 11.444 // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XV.

[3] Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства от 21 апреля 1785 г. Ст. 16.187 // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXII.

церковных земель в пользу государства в 1764 г., а также о передаче их Коллегии экономии, появлении новой категории «экономических крестьян», которые обладали личной свободой.

Интеллектуальная деятельность в Европе и в России в XVIII в. шла в целом в русле Просвещения. В области государственно-правовых отношений можно усмотреть объединяющие мотивы: во-первых, общим является идеал гражданского общества и необходимость гражданских свобод как его неотъемлемой части, во-вторых – идея правового государства, в-третьих – свобода личности. Однако русскому правоведению уже на этапе его становления были присущи характерные особенности. Как известно, тип юриспруденции определяется типом общества, к которому она относится. В связи с этим особенности процесса становления русской юриспруденции отражали социокультурное своеобразие развития Российского государства.

Первая особенность проявилась в определении понимания свободы в России в указанный исторический период. Речь идет о свободе политической или гражданской. В XVIII в. применительно к России можно говорить только о гражданской свободе, поскольку у значительной части населения нет ни политических, ни гражданских свобод (крепостные крестьяне), а тем более – права управления государством. Необходимо отметить, что в Уложенной комиссии 1767–1787 гг. работали представители от всех сословий российского общества, кроме крепостных.

В Российской империи в XVIII в. впервые появилась частная собственность на землю – одна из базовых ценностей буржуазного устройства общества. По замыслу Екатерины II Жалованная грамота дворянству 1785 г.[1] должна была положить начало формированию в России гражданского строя. Понятие «свободный» к жителям России до тех пор не применялось. Все находились «в крепости»: дворяне – у императора, крестьяне – у помещиков. Но при Петре III (Манифест 1762 г. «О даровании

[1] Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства от 21 апреля 1785 г. Ст. 16.187 // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXII.

вольности и свободы всему российскому дворянству»[1]) и позднее при Екатерине II происходит выход из холопского состояния одного сословия: дворянство получает права свободных граждан. Таким образом, было положено начало освобождению «из крепости» российских подданных, но крепостным крестьянам, как известно, пришлось ждать еще почти век.

Вопрос о политическом переустройстве государства в рассматриваемый период времени не поднимался: абсолютизм был крепок. Но идеи гражданских свобод подготовили «изнутри» почву для возникновения политических прав, а в дальнейшем – и конституционных свобод.

В европейской теоретико-правовой мысли второй половины XVIII в. обозначилась тенденция отхода от концепций «естественного права», «общественного договора», «общего блага». Выявилась ограниченность этих теорий. Юридическая идеология стала тяготеть к утилитаризму, приведшему в будущем к теории «разумного эгоизма» и теории «интереса». Прежние теории права и морали получили в XIX в. новую, «натуралистическую» трактовку под влиянием таких развивающихся наук, как медицина, антропология, психология, этнография.

Эти изменения отчетливо отражены в воззрениях таких русских мыслителей последней трети XVIII в., как, например, С. Е. Десницкий[2], Н. И. Новиков[3], Д. И. Фонвизин[4], А. Н. Радищев[5], В. Ф. Малиновский[6]. Научные поиски указанных авторов в их попытке постичь истинную природу

---

[1] Манифест «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» от 18 февраля 1762 г. Ст. 11.444 // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XV.

[2] Десницкий С. Е. Юридическое рассуждение о пользе знания отечественного законоискусства и о надобном возобновлении оного в государственных высокопокровительствуемых училищах // Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей (вторая половина XVIII в.). М.: Госполитиздат, 1959. С. 99–264.

[3] Новиков Н. И. Избранные сочинения. М.-Л.: Гос. изд. худож. литер., 1954. 744 с.

[4] Фонвизин Д. И. Рассуждение о непременных государственных законах // Собрание сочинений в 2 т. М.; Л.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1959. Т. 2. С. 254–267.

[5] Радищев А. Н. Полное собрание сочинений в 3 т. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1952. Т. 3. 676 с.

[6] Малиновский В. Ф. Размышление о преобразовании государственного устройства России // Антология мировой политической мысли в 5 т. Т. 3: Политическая мысль в России: X – первая половина XIX вв. М.: «МЫСЛЬ», 1997. С. 609–614.

человека могут быть отнесены в философии права к антропологическому направлению. В этом смысле они подготовили почву для будущих научных течений, которые поставили во главу угла проблему духовной, мыслительной и социально-практической субъективной активности человека. Достижением политико-правовой мысли России в конце XVIII в. можно считать то, что разработанный в это время комплекс либеральных идей сменил собой теорию достижения «общего блага», распространенную в абсолютистском полицейском государстве. Впрочем, у большинства вышеназванных авторов старые естественно-правовые доктрины пока уживались с элементами нового антропологического подхода.

Необходимо отметить, что идеи либерализма в России, в отличие от Европы, основываясь на свободе личности, требовали обязательного существования такого государственно-правового порядка, который ограничивал бы произвол отдельных людей. Изначально присущий западноевропейскому сознанию индивидуализм не всегда был понятен русскому разуму, обладающему качеством «соборности». Русский человек был ориентирован социально.

Основные положения программы С. Е. Десницкого стали предметом дальнейшего исследования русской политической и юридической наук в XIX в. Впервые в русской общественно-политической мысли С. Е. Десницкий развивал теорию разделения властей Ш.-Л. Монтескье, стараясь «приноровить учреждение таких властей нынешнему возвышенному монаршескому состоянию» в России[1]. Он предлагал дополнить к трем традиционным – законодательной, судебной и исполнительной, еще четвертую ветвь власти – «гражданскую», выступая тем самым за местное самоуправление под судебным контролем.

В проекте С. Е. Десницкого, представленном в Комиссию по сочинению Нового Уложения (1767 г.), предлагалось создать конституционную монархию, а также превратить Сенат во всесословное учреждение.

---

[1] Глушкова С. И. Права человека в России. М.: «Юристъ», 2005. С. 39–40.

Одной из противоречивых фигур в истории общественно-политической мысли эпохи Екатерины II был А. Н. Радищев. Его программа по реорганизации российского общества дает возможность назвать его и просветителем, и революционным демократом. Тем не менее представляется, что нельзя давать его воззрениям однозначную оценку, так как А. Н. Радищев отразил общественные настроения поворотной эпохи, когда в России была актуальной проблема выбора направлений развития: либо реформы, либо революция, ставшая реальностью после Пугачевского бунта, либо формирование буржуазного конституционализма. Именно в связи с этим в концепции А. Н. Радищева можно усмотреть влияние представителей и российского просветительского течения (С. Е. Десницкий, Я. П. Козельский), и «руссоизма», и крепостных вольнодумцев, и американских конституционных актов.

Признавая общественный договор в качестве обязательного характерного признака государственной власти, А. Н. Радищев отмечает, что его внедрение продиктовано временным явлением – невежеством народа. Но все же это не означает, что положительный закон – права государства – должен противоречить естественным законам[1]. Следует признать, что несомненной заслугой А. Н. Радищева было развитие теории разделения и равновесия властей.

История становления конституционных идей и непосредственно конституционализма в России подтверждает следующую мысль: конституция была представлена в XIX в. лишь в авторских проектах, записках консерваторов, либералов, радикалов, связывающих ее с утверждением нового политического порядка. Конституция рассматривалась как исходная позиция новой политической силы, компромисс между властью дворянства и представителями с мест, вариант спасения России от всепоглощающего бунта, а не как универсальная основа трансформации деспотического

[1] Радищев А. Н. Опыт о законодательстве // Избранные философские и общественно-политические произведения. М.: Госполитиздат, 1952. С. 557.

режима. У власти вызывало опасения порой одно упоминание слова «конституция», отождествляемое с покушением на государственные устои.

Уложения, грамоты, указы, уставы, традиционные для российской истории и предшествующие конституции, в отличие от биллей, актов, деклараций, характерных для европейской и североамериканской практик, не содержали универсальных характеристик, не представляли собой единого целого, так как имели конкретно-исторический и локальный в геополитическом отношении характер. Деятельность многочисленных комиссий по составлению Нового Уложения, действовавших в русле заимствования той или иной системы европейского законодательства и впоследствии распускаемых по инициативе самодержцев или по причине своей несостоятельности, привела к относительной дискредитации государственного и общественного потенциала законотворческого процесса. Поэтому тема законодательства, законоискусства, законоведения стала одной из первых конституционных идей, сформулированных в российской политико-правовой мысли в конце XVIII – начале XIX вв. Наряду с указанной проблемой в этот же период были заявлены идеи разделения властей и законности государственного порядка.

Спектр конституционных идей на рубеже XVIII–XIX вв. был представлен в российском праве следующим образом:

1) идея разделения властей, трактуемая как идея равновесия (А. Н. Радищев) или обособления (С. Е. Десницкий) властей, которая предлагалась в качестве основы одного из первых конституционных проектов (Н. А. Панин) в русле заимствования шведского государственного устройства, либо как принцип, позволяющий сочетать формы традиционно русских политических институтов и содержание политико-правовой практики западноевропейских государств (М. М. Сперанский);

2) ограничение законодательной власти монарха (М. М. Щербатов);

3) необходимость создания законосовещательного органа – собрания дворянских депутатов от всех губерний (А. А. Безбородко);

4) превращение Сената во всесословное учреждение (С. Е. Десницкий).

Основателем консервативного либерализма как одного из самых распространенных течений в русской мысли XIX – начала XX вв. по праву является уникальный деятель эпохи Александра I и Николая I, первый представитель правительственного конституционализма в России, активный деятель в области развития юридического образования и идеолог реформ М. М. Сперанский (1772–1839)[1].

Конституционные проекты М. М. Сперанского, Н. Н. Новосильцева и некоторых других государственных деятелей разрабатывались по поручению Александра I, который в начале XIX в. высказывался о возможности политического реформирования. Основным в идеях конституционного правотворчества была либерализация государственного строя посредством введения начал разделения властей, учреждения органа народного представительства, как правило, законосовещательного характера. Общероссийское представительное учреждение могло бы стать местом для обсуждения наиболее важных вопросов и тем самым способствовать более конструктивному государственному управлению, снижению социальной напряженности.

К сожалению, не все замыслы и проекты М. М. Сперанского были воплощены в жизнь, а на реализацию состоявшихся потребовалось не четверть века, как предполагал автор, а целое столетие.

В своих проектах М. М. Сперанский разрабатывал, по сути, новую идеологию и политику российского правительства, новую модель государства, опираясь на опыт западноевропейских конституционных монархий, – модель, направленную на создание стабильного, сильного государства, целью которого являются благосостояние его граждан и справедливый порядок.

---

[1] Настоящая фамилия М. М. Сперанского – Третьяков, а на фамилию Сперанский (от лат. spero, sperare – надеяться, уповать) его записал дядя Матвей Богословский при поступлении в семинарию в 7-летнем возрасте. См. подробнее: Чибиряев С. А. Великий русский реформатор: жизнь, деятельность, политические взгляды М. М. Сперанского. М.: Наука, 1989. С. 8.

Принципиально новым для российской политики было предложение М. М. Сперанского об утверждении одного из ведущих принципов буржуазного конституционализма – ответственности исполнительной власти перед властью законодательной (как обоснование ограничения самодержавия). М. М. Сперанский разрабатывал правительственную программу реформ с учетом опыта западноевропейских и американской держав, в декларациях которых уже в конце XVIII в. были закреплены основные принципы конституционализма: разделение властей, гарантированность основных прав и свобод человека и гражданина, взаимосвязь гражданской и политической свобод (французская Декларация прав человека и гражданина 1789 г.; американский Билль о правах 1791 г.) и др.

Тем не менее, с учетом существовавшей традиции разработки конституционных проектов, начиная с царствования Александра I, говорить о формировании системы категорий конституционного правотворчества в России XIX – начала XX вв. представляется вполне правомерным. Это дает основания изучать закономерности подготовки актов конституционного значения в рамках развития теории правотворчества.

XIX – начало XX вв. – время ожидания, подготовки, проведения социальных и политических реформ, разработки проектов конституционных и кодификационных актов, значительной активизации правотворческой деятельности, формирования и развития отечественной научной юриспруденции, а вместе с ней – научного осмысления проблем правотворчества.

К XIX в. значительный опыт демократизации политической жизни был накоплен в Англии и Франции, в швейцарских кантонах, в Североамериканских Штатах. В свете европейской политической практики для Российской империи – дворянской абсолютной монархии, не имевшей ни конституции, ни представительства, ни системы политических прав, в целях совершенствования управленческой деятельности признавалось

необходимым именно политическое реформирование и подготовка акта конституционного значения.

В конституционных проектах XIX в. развивались принципы демократизма, научного подхода к правотворческой деятельности. Принцип гласности, наоборот, практически отсутствовал, что определялось как недостаток в сравнении с современными возможностями многих каналов, через которые проект мог бы быть обсужден, так и особенностями политической ситуации – почти все конституционные проекты были средствами в политической борьбе, их содержание выражало соответствующие политические интересы, появление проектов нередко рассматривалось как очередной тактический ход в идеологическом противостоянии, и именно поэтому их подготовка обычно держалась в тайне.

Происходил поиск наиболее адекватных для России конституционных учреждений, в конституционных проектах предлагались варианты их названия, порядка формирования, компетенции, соотношения с монархом, Государственным советом, органами отраслевого государственного управления. Далеко не во всех проектах содержится детально проработанная система разделения властей, только в общем плане могла быть урегулирована деятельность представительства, распределение полномочий в рамках механизма сдержек и противовесов; основное внимание уделялось обоснованию самой возможности введения представительных конституционных учреждений.

Таким образом, в правовой науке дореволюционной России в течение XIX в. с развитием идей конституционного правотворчества шло постепенное формирование научной терминологии. Система категорий конституционного правотворчества включает такие понятия, как «проект конституционного акта», «акт конституционного значения», «реформа государственного строя», «начала представительства», «представительное правление», «законосовещательное представительство», «начала разделения власти», «законодательная власть», «законодательный процесс» и др.

Именно в рассматриваемый период, в течение XIX в., данные категории вводились в научный оборот и политическую практику, наполнялись конкретным содержанием в зависимости от политических предпочтений.

Кроме того, важно теоретическое осмысление государственности, имеющей более чем тысячелетнюю историю. Характерно, что в отечественной правовой науке нередко происходила подмена понятий «государство» (его формы) и «государственность». Ввиду этого исследование данного понятия и представляло определенный интерес.

Радикальные реформы, которые способствовали появлению новых институтов власти, потребовали изучения многих прежде не разработанных вопросов российской государственности. Выделяется три основных подхода к периодизации российской государственности.

Субъективно-идеалистический подход был предложен В. Н. Татищевым[1], Н. М. Карамзиным[2], С. М. Соловьевым[3], В. О. Ключевским[4]. Материалистический подход основан на связи одной общественно-экономической формации с другой.

В цивилизационном подходе предлагаются две периодизации. Согласно первой Российское государство рассматривается как русско-европейская цивилизация с IX по XIII вв. и российско-евро-азиатская цивилизация с XIV в. по настоящее время. По второй Россия представляет собой одну цивилизацию, в которой выделяются следующие этапы: Киевская Русь (с X по XIII вв.), Московская Русь (с XIV по XVII вв.), императорская Россия (с XVIII в. по 1917 г.).

---

[1] Татищев В. Н. Избранные произведения / Под общ. ред. С. Н. Валка. Л.: Наука, 1979. 464 с.

[2] Карамзин Н. М. История государства Российского: в 3 кн. Кн. 1. СПб.: Кристалл, 2000. 703 с.; Кн. 2. СПб.: Кристалл, 2000. 749 с.; Кн. 3. СПб.: Кристалл, 2000. 783 с.

[3] Соловьев С. М. История России с древнейших времен. В 15 кн. Кн. 1 (Т. 1, 2). Подгот. к печ. Г. Д. Цинзерлинг и В. С. Рыкалова. Коммент. В. Т. Пашуто. Отв. ред. Л. В. Черепнин. АН СССР. Ин-т истории. М.: изд-во соц.-эконом. литер-ры, 1959. 811 с.

[4] Ключевский В. О. Курс русской истории: в 5 ч. Ч. 1. М.: тип. Моск. Гор. Арнольдо-Третьяковского училища глухонем., 1911. 464 с.; Ч. 2. М.: тип. Моск. Гор. Арнольдо-Третьяковского училища глухонем. и П. П. Рябушинского, 1912. 516 с.; Ч. 3. М.: тип. Моск. Гор. Арнольдо-Третьяковского училища глухонем. и П. П. Рябушинского, 1912. 480 с.; Ч. 4. М.: тип. Тов-ва Рябушинских, 1915. 495 с.; Ч. 5. Пг.: ГИЗ, 1921. 352 с.

Однако нельзя утверждать, что эти периодизации являются устоявшимися и окончательными. Наука идет вперед, и сейчас ученые помимо указанных подходов называют еще и интегративный. Такой подход, основанный на интегративных концепциях правопонимания, возникших в России в конце XIX в. в результате попытки примирить существующие классические концепции, был разработан П. Г. Виноградовым, Б. А. Кистяковским и А. С. Ященко. Интегративная юриспруденция (термин введен американским профессором Дж. Холлом) как способ познания объединяет совокупность однопорядковых методологических инструментов правосознания (аксиологический, деятельностный, инструментальный, личностный и др.), синтезированных специально-юридическим, мировоззренческим и социологическим подходами. Безусловно, этот подход более применим к праву, чем к государству. Но поскольку право есть неотъемлемая часть правосознания, то представляется, что особых противоречий здесь не наблюдается.

Доктринальный фактор правообразования – это сложный процесс взаимного движения друг к другу научной мысли и воли законодателя, обусловливающий трансформацию, переход доктринальных суждений в легальные дефиниции и наоборот. Это «связующий мостик между правовой доктриной и положительным правом»[1]. Внешняя история законодательства начала формироваться как направление российской юриспруденции в условиях повышенного внимания к истории правового развития России в обществе в связи с проведенной в 1826–1832 гг. систематизацией российского законодательства – подготовкой и изданием Полного собрания и Свода законов Российской империи. Следует отметить, что император Николай I законность и опору на закон рассматривал в качестве основных средств управления обществом.

---

[1] Панов Н. И. Методологические аспекты формирования понятийного аппарата юридической науки // Правоведение. 2006. № 4. С. 22.

При всем многообразии воззрений на историю российской государственности и факторы, определяющие тенденции ее развития, специалисты и представители различных слоев общества придерживаются единого мнения относительно того, что следует считать ее началом. Формально решение этого вопроса связано с именем императора Николая I. Высочайшим Указом от 21 августа 1852 г. он официально признал 862 г. начальным в истории российской государственности[1].

Формирование российской государственности происходило и происходит под воздействием разнообразных факторов: экономических, социально-исторических, геополитических, демографических, духовно-нравственных, религиозных, военных и иных. Они детерминируют особенности, характеризующие длительный и противоречивый процесс развития российской государственности. Выделим наиболее, как представляется, значимую, приметную: так получилось, что на протяжении всей истории России превалировало насилие в самых разных формах и на самых разных уровнях, доминировали войны и вооруженные конфликты. Подтверждением тому служит, в частности, тезис отечественных историков о том, что уже на ранних порах «форму общественных отношений славян в VII–VIII вв. можно определить как военную демократию»[2]. Стало быть, история России уже на догосударственном этапе может трактоваться как военная история. Вооруженное противоборство с многочисленными противниками на внешних и внутренних фронтах изначально приобретало политический характер.

Каждое суверенное государство на определенном этапе своего развития в законодательном порядке предусматривает различные организационно-правовые формы, а также способы своего непосредственного или опосредованного участия в решении государственных задач, стоящих перед

---

[1] См. подробнее: Майорова О. Е. Бессмертный Рюрик: Празднование Тысячелетия России в 1862 г. // Новое литературное обозрение. 2000. № 43. С. 137–165.

[2] Исаев И. А. История государства и права России. М.: «Юристъ», 2004. С. 14.

публично-правовым образованием, в зависимости от социально-экономических условий своей жизнедеятельности.

Следует отметить, что термин «публичный» идет из Древнего Рима. Так римляне обозначали то, что является государственным; в то же самое время это было для них общим, общественным, публичным. Республика, заменившая монархию, в переводе – общее, публичное дело (res – вещь, дело + publica – общее).

Институты римского частного права были позже заимствованы (с некоторыми изменениями) в Европе, а вместе с ними перешли и некоторые понятия публичного права, отождествление публичной и государственной власти (в том числе и в работах дореволюционных российских авторов).

Марксизм продолжил указанную традицию. На страницах своей работы «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельс использует как тождественные термины публичная власть и государственная власть[1].

В 1884 г., когда Ф. Энгельс издавал свою работу, такое отождествление могло быть понятно. Других публично-правовых образований, кроме государства, тогда, по сути дела, не было.

Как отмечает Г. Ф. Шершеневич, давая оценку Своду законов Российской империи: «Империя Российская управляется на твердых основаниях положительных законов, от Самодержавной власти исходящих»[2].

Появление в области публичных отношений термина «государь» свидетельствует об изменении типа государственного властвования. В новой ситуации договоренность, плюрализм вытесняются публичным властвованием, основанным на принципах организационного единства, воплощенного в одного человека – императора (государя).

---

[1] Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. По изд.: Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 3-х т. Т. 3. М.: Политиздат, 1986. 639 с.

[2] Свод законов Российской империи. СПб: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1857. Т. 1. Ч. 1. Ст. 47; Цит. по: Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. По изд. 1907. М.: Спарк, 1995. С. 37.

Представление о «неразрывном единении царя с народом и народа с царем»[1] – характерный элемент процесса сакрализации публичной власти.

Самодержавный тип публичного властвования определяет статус индивида, который характеризуется двумя взаимосвязанными чертами: 1) октроированная (санкционированная) природа вольностей – «прав», центром и источником которых является государь; 2) «население» и каждый человек связаны с государством идеей служения. Подданный «обязан стоять на страже прав верховной власти и заботиться о пользах государства»[2].

Следует отметить, что идея публичных (государственных) служб была воспринята российскими правоведами до революции. А. И. Елистратов отмечает, что «государственное управление в правовом государстве усваивает характер общественного служения»[3].

Более узкий подход, ограничивающий государственную службу исполнением должности, применен О. О. Эйхельманом, который определял государственную службу как выполнение службы с согласия лица под его ответственность за жалование[4].

В конце XIX в. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон утверждали, что «служба государственная ... есть результат долгого исторического процесса, находящегося в тесной связи с развитием самого государства»[5].

---

[1] Манифест «Об учреждении Государственной Думы» от 6 августа 1905 г. Ст. 26.656 // ПСЗРИ. Собр. 3. Отд. 1. СПб.: Гос. тип., 1908. Т. XXV.

[2] Цит. по: Любимов Н. А. Михаил Никифорович Катков и его историческая заслуга: по документам и личным воспоминаниям. СПб.: тип. тов-ва «Обществ. польза», 1889. С. 333.

[3] Елистратов А. И. Основные начала административного права. М.: изд. Г. А. Лемана, 1914. С. 37. Еще раньше категорию «публичные службы» мы встречаем у И. Т. Тарасова: Тарасов И. Т. Краткий очерк науки административного права. Т. 1: Конспект лекций. Ярославль: типо-лит. Э. Г. Фальк, 1888. С. 2–3.

[4] См. подробнее: Добрынин Н. М. Государственное управление: Теория и практика. Современная версия новейшей истории государства. Т. 2 / Науч. ред. А. Н. Митин. Новосибирск: Наука, 2010. С. 234.

[5] Служба государственная // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона / Под ред. проф. И. Е. Андреевского, К. К. Арсеньева и заслуж. проф. О. О. Петрушевского. СПб.: изд. Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон (С.-Петербург), 1890–1907 // http://www.vehi.net/brokgauz. Дата обращения: 12.03.2015.

Профессор Н. М. Коркунов определял государственную службу как «особо публично-правовое отношение служащего к государству», которое основано на подчинении и на обязательной государственной деятельности лица, направленной на осуществление определяемых государством задач[1]. Данный подход сохранился и в наше время.

Характерным для российской правовой мысли является подход к пониманию сути государственной службы как к служению, исполнению долга перед государством. В XIX в. известный правовед Н. К. Нелидов определял государственную службу как «деятельность на пользу государства, которая отправляется лицом для достижения общественных целей по особому назначению, исходящему непосредственно или через посредство другого лица, от субъекта высшей государственной власти»[2]. Он также подчеркивал, что «деятельность должностных лиц, посвященная государственному началу, или государственная служба, по природе своей есть не что иное, как общая обязанность, лежащая на каждом гражданине или члене государства»[3].

Сторонники данного подхода, исходя из тезиса о том, что «управленческий аппарат должен быть инструментом органов государственной власти, избранных и контролируемых народом»[4], акцентируют внимание на следующем моменте: «государственный гражданский служащий должен служить не обществу, не гражданину, а государству в лице органов публичной власти»[5].

---

[1] Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права / Предисл. проф. И. Ю. Козлихина. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. С. 300.

[2] Нелидов Н. К. Юридические и политические основания государственной службы. Государственная служба. Отд. 1. Ярославль: тип. Губ. зем. управы, 1874. С. 1.

[3] Там же. С. 149.

[4] Венгеров А. Б. Теория государства и права: учеб. для юрид. вузов. М.: Юриспруденция, 2000. С. 156.

[5] Автономов А. С., Бачило И. Л., Бондаренко А. А., Гришковец А. А. и др. Исполнительная власть в России. История и современность, проблемы и перспективы развития. К 80-летию Института государства и права РАН / Отв. ред. Н. Ю. Хаманева. М.: Новая правовая культура, 2004. С. 345.

Реформы середины XIX в. (земская, городская, судебная, крестьянская) явились серьезным импульсом к определенной модернизации государственного управления. В указанное время были внедрены отдельные элементы реформирования чинопроизводства, выплаты денежного довольствия, условий карьерного роста, подготовки кадров, которые, однако, не могли повлиять на коренное изменение облика российского чиновничества[1]. Более того, аппарат государственного управления, по выражению исполнявшего обязанности Министра внутренних дел (1882–1889 гг.) Д. А. Толстого, был «не стеснен в своих действиях излишним формализмом»[2].

В связи с этим либеральным юристам конца XIX – начала XX вв. (А. С. Алексеев, Ю. С. Гамбаров, А. Д. Градовский, Н. М. Коркунов, М. М. Ковалевский, С. А. Котляревский, П. И. Новгородцев, С. Л. Франк и др.) приходилось затрачивать основные усилия на обоснование необходимости ограничения абсолютизма в России в ходе дискуссии о содержании понятия «самодержавие» и теории формирования правового государства[3]. Сторонником идеи ограничения государственной власти на основе создания правового законодательства являлся Б. А. Кистяковский, считавший, что «в правовом государстве власти положены определенные пределы, которые она не должна переступать»[4].

Известный цивилист Г. Ф. Шершеневич также исследовал сущность и направления развития правового (или культурного) государства и пришел к

---

[1] Зубов В. Е. Опыт реформирования гражданской службы во второй половине XIX в.: проблема оценки // Государственная служба. 2007. № 4. С. 87–92.

[2] Пайпс Р. Россия при старом режиме / Пер. с англ. В. Козловского. М.: Независимая газета, 1993. С. 396–397.

[3] Кроткова Н. В. Взгляды С. А. Котляревского на конституционный строй Российской империи и Советской России // Государство и право. 2008. № 3. С. 75–76.

[4] Кистяковский Б. А. Государство и личность // Права человека и правовая мысль России (XVIII – начало XIX вв.): Антология / Авт.-сост. Грачев А. А., Куницын А. С. Курск: изд-во РОСИ, 2001. С. 222.

выводу о необходимости внедрения идеи законности (господства права) в управлении[1].

Представляется, что государственная служба как публичная деятельность непосредственно связана с реализацией функций государства, являясь при этом институтом публично-правового регулирования.

История развития системы «верховной исполнительной власти» подтверждает сочетаемость отраслевого и функционального принципов с выстраиванием системы органов управления. Между тем история, в зависимости от конкретных исторических условий, демонстрирует различные акценты, расставляемые в данном сочетании. Если в самом начале создания системы министерств господствовал отраслевой принцип их организации, и было принципиально важным разделить управление государством по отраслям, то далее функциональный принцип может казуально проявляться в том или ином «специальном» полномочии органа. Затем в процессе социально-экономического развития России функциональное наполнение компетенционного блока министерств начинает доминировать и определять организационную структуру как всей системы центральных органов, так и каждого органа, участвующего в социально-экономическом реформировании страны.

Следует отметить, что в период до 1855 г. (вступления на престол императора Александра II) компетенция местных органов управления сужается при одновременном расширении предмета непосредственного ведения министерств и их департаментов. В это время уточняются функции министерств, предметы ведения, проводятся внутриорганизационные структурные перестройки. Между тем также делалась попытка привнести функциональное начало в существующие и вновь создаваемые управленческие структуры, но баланс принципов так и не был установлен. В большей степени это проявилось позже, в период значительных социально-

---

[1] Шершеневич Г. Ф. Общая теория права: учеб. пособие (по изд. 1910–1912 гг.). Вып. 1. М.: «Юрид. колледж МГУ», 1995. Т. I. С. 209–210.

экономических реформ, подготовленных и проведенных в эпоху царствования императора Александра II в середине 50-х – начале 80-х гг. XIX в., и впоследствии – вплоть до революционных событий 1905 г.

Политический кризис государственности после Крымской войны, антифеодальные выступления крестьян поставили вопрос о необходимости реформ всего государственного аппарата России, поскольку его основные звенья (управление армией, суд, полиция, цензура, финансовые органы) к середине XIX в. оказались неспособными справляться со своими задачами. В связи с этим выделяется следующий (третий) период функциональной реструктуризации системы государственного управления (1855–1905 гг.).

В деятельности министерств этот период характеризуется серьезной реструктуризацией системы государственного управления с явным соединением отраслевого и функционального принципа в организационном выстраивании министерств. Именно в это время возросла роль министерств в осуществлении назревших реформ (крестьянская, судебная, военная и т.д.). Структура министерств «подстраивалась» под реформируемые общественные отношения. Так, в 1862 г. министр финансов М. Х. Рейтерн во Всеподданнейшей записке в Государственный совет о преобразовании Министерства финансов писал: «...произведенные и предстоящие еще преобразования разных отраслей государственного хозяйства требуют соответственных перемен в устройстве некоторых частей самого финансового управления»[1].

В министерствах создавались новые подразделения, менялась организационная структура. Особенно это коснулось таких министерств, которые активно участвовали в реформах. Например, Судебные уставы 1864 г. значительно расширили предмет ведения Министерства юстиции в области судебного управления. Увеличение полномочий названного министерства привело к его структурной реорганизации и образованию в нем шести подразделений. При этом происходит разделение полномочий по

[1] РГИА. Ф. 560. Оп. 38. Д. 149. Л. 121.

функциональному принципу между «особыми установлениями». Статистическое отделение наделяется функцией по сбору и систематизации цифровых данных о составе и деятельности учреждений ведомства.

Структура Министерства юстиции преобразовывалась на основе аккумуляции наиболее важных направлений деятельности. Министр юстиции Н. В. Муравьев в 1895 г. делал представление в Государственный совет о некоторых изменениях в распределении занятий между департаментами Министерства юстиции в штате центрального управления. Речь шла о «рокировке» и консолидации однородных функций Первого и Второго департаментов Министерства юстиции. Дело в том, что к концу XIX в. сложился порядок, по которому вся переписка о принятии общих мер к лучшему устройству той или иной отрасли судебного ведомства и вопросы общего толкования законов производились в Юрисконсультской части Первого департамента Министерства юстиции, а вопросы, касающиеся применения и толкования закона в частных случаях, – в Уголовном и Гражданском отделениях Второго департамента. При производстве по частным случаям нередко оказывалось, что эти вопросы могут разрешиться лишь в законодательном порядке, и тогда Второй департамент прекращал разработку дела и передавал материалы в Первый департамент. Если же при рассмотрении вопроса о принятии общих мер к совершенствованию «какой-либо части ведомства» оказывалось, что достаточно было частного решения, в этом случае дела передавались из Первого департамента во Второй. Предлагалось объединить сходные по направлению деятельности вопросы (функции) и разделить их между департаментами[1].

Примером активного использования функционального принципа в этот период может служить именной Высочайший Указ Правительствующему Сенату от 6 августа 1880 г., которым упразднялось III Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии (СЕИВК) с

[1] РГИА. Ф. 1149. Оп. 12. Д. 98 (1895 г.). Л. 3.

передачей дел в ведение Министра внутренних дел[1]. При этом в структуре Министерства внутренних дел образовывался особый Департамент государственной полиции, куда передавались и дела полиции исполнительной. Основная цель слияния этих центральных полицейских учреждений империи виделась в том, чтобы первоначальная организация нового, заменяющего их учреждения, была, по возможности, строго согласована с характером и объемом предстоящей ему деятельности. Кроме того, из преобразуемого Департамента полиции исполнительной были выделены и переданы в другие департаменты дела административного управления. В создаваемом Департаменте государственной полиции оставались лишь дела «строго полицейского характера»[2]. Таким образом, речь идет о функциональном подходе к созданию в структуре МВД нового департамента с конкретным направлением деятельности – надзорного, правоохранительного характера.

Импульс, данный реформами 1860–1870-х гг. и создавший некий баланс в использовании разных принципов при организационно-правовом оформлении министерской системы, сохранялся и в период политической реакции в 80–90-е гг. XIX в. Она обозначилась в период правления Александра III и проявилась в проведении так называемых контрреформ (Закон о земских начальниках 1889 г., Земское положение 1890 г., Городовое положение 1892 г. и др.).

Несмотря на политическую непоследовательность в проведении социально-экономической политики (реформы – с одной стороны, контрреформы – с другой), вторую половину XIX в. можно отнести к периоду развития министерской системы с точки зрения соотношения функционального и отраслевого подходов в ее организационно-правовом

---

[1] Именной Указ, данный Правительствующему Сенату «О закрытии Верховной Распорядительной Комиссии, упразднении III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии и об учреждении Министерства почт и телеграфов» от 6 августа 1880 г. Ст. 61.279 // ПСЗРИ. Собр. 2. Отд. 1. СПб.: Тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1884. Т. LV.

[2] РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 81. Л. 414.

оформлении. В основном изменение структуры министерств в это время носило функционально-отраслевой характер: закрепленные предметы ведения расширялись за счет новых функций, связанных с необходимостью осуществить реорганизацию сферы управления. Этот период баланса названных принципов, когда наряду и наравне с отраслевым используется и четко проявляется функциональный, продлится вплоть до революционных событий 1905 г.

Независимо от характера и отраслевой принадлежности прав и обязанностей, деятельность публично-правовых образований во всех случаях остается в государственном управлении и имеет потенциал в области регулирования. Тем не менее с расширением их влияния существенно изменяются способы осуществления государственно-публичных функций. На фоне изменений в объеме принудительных полномочий власти повышается значимость координации и организационных полномочий.

Публичные учреждения являются продуктом государственной власти, ее своеобразным институциональным продолжением, специально-целевым организационным воплощением определенных частей ее социальных функций. Публичные учреждения располагают методами и средствами, отличными от методов и средств прямой распорядительной деятельности власти. При этом они обеспечивают соответствие назначенных для данного конкретного уровня публичной власти полномочий, не обладая административно-политическими и социально-управленческими характеристиками. В каком-то смысле они являются соучастниками в публичной власти, реализуя определенную долю конкретного управленческого содержания.

Между тем министерства, пройдя сквозь смену политического строя, устояли и продолжили свое развитие как органы центрального государственного управления уже в новых социально-политических и экономических условиях.

Конституционное развитие Российской империи является одной из самых сложных и противоречивых научных проблем. В отечественной правовой литературе имеются различные позиции по вопросу существования писанной конституции в рассматриваемый период. Так, Е. И. Козлова, О. Е. Кутафин историю конституционного развития начинают с 1918 г.[1], М. В. Баглай, И. А. Исаев, А. Е. Козлов полагают, что конституционная история России началась после 17 октября 1905 г.[2] По мнению П. С. Грацианского, конституционное правотворчество начинается с Высочайшего Манифеста об усовершенствовании государственного порядка от 17 октября 1905 г.[3] Следует, однако, отметить, что фактически история проектов преобразования государственного строя Российской империи ведется еще с «Кондиций» Анны Иоанновны.

Профессор С. В. Липень полагает, что Российская империя не имела писаной конституции[4]. Тем не менее, как указывалось диссертантом ранее, с учетом существовавшей традиции разработки конституционных проектов, начиная с царствования Александра I, говорить о формировании системы категорий конституционного правотворчества в России XIX – начала XX вв. представляется вполне правомерным.

Как верно отмечает ученый-конституционалист С. А. Авакьян, идеи конституции и конституционализма были известны в России с начала XIX в. и закреплялись в официальных документах. С. А. Авакьян также указывает, что «Свод законов Российской империи открывался Сводом основных

---

[1] См.: Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России: учеб. для студентов высш. учеб. заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция». М.: «Юристъ», 2004. С. 103.

[2] См.: Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. М.: «НОРМА», 2007. С. 36–43; Исаев И. А. История государства и права России. М.: «Юристъ», 2004. С. 483–522; Конституционное право России: Сборник нормативных правовых актов и документов (по сост. на 1 августа 1996 г.) / Сост. и автор вступит. ст. проф. А. Е. Козлов. М.: БЕК, 1996. С. 44–55.

[3] История буржуазного конституционализма XVII–XVIII вв. / Редкол.: Грацианский П. С., Каленский В. Г., Нерсесянц В. С. (Отв. ред.). М.: Наука, 1983. С. 239.

[4] Липень С. В. Система категорий конституционного правотворчества в проектах преобразования государственного строя Российской империи // История государства и права. 2013. № 2. С. 25–28.

государственных законов – совокупностью основных правил устройства государства. Его первым разделом были «Основные государственные законы», вторым – «Учреждение об императорской фамилии»[1].

В этой связи заслуживает определенного внимания проект Конституции России под названием «Государственная уставная грамота Российской империи». Дело в том, что, несмотря на охлаждение Александра I к М. М. Сперанскому в 1812 г., идея конституционализма для России не оставляла императора. В начале 1818 г. царь поручил комиссару российского императора при Государственном совете Польского королевства Н. Н. Новосильцеву разработать проект Конституции России. Работа над проектом велась под руководством толмача-переводчика П. А. Вяземского, за основу была взята Конституция Царства Польского 1815 г. В 1821 г. разработка проекта, получившего название Государственной уставной грамоты Российской империи, была завершена. Однако проект Конституции так и не был утвержден императором и остался на бумаге. О самом проекте стало известно позже. В ходе восстания в Польше, когда 19 ноября 1830 г. повстанцы захватили Варшаву и создали Временное правительство, в Имперской канцелярии среди других документов оказалась подготовленная русская Конституция. Временное революционное правительство приняло решение обнародовать этот документ[2].

Как правильно замечает А. М. Осавелюк, в XIX в. наподобие конституций Австрии, Канады, Швеции в Российской империи на общегосударственном уровне постепенно сложилась писаная Конституция[3].

По мнению автора диссертационного исследования, конституционные акты в России появились во второй половине XIX в. Данный период характеризуется значительными демократическими преобразованиями, учреждением институтов разделения властей и расширением прав и свобод.

---

[1] Авакьян С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М.: РЮИД; Сашко, 2000. С. 23–24.

[2] Минаева Н. В. Потаенные конституции России. М.: Посев, 2010. С. 38–48.

[3] См. подробнее: Осавелюк А. М. Конституционное право зарубежных стран. М.: изд. ЮНИТИ-ДАНА, 2010. С. 42–48.

Писаная Конституция, как представляется, состояла из ряда конституционных законов. К числу конституционных следует отнести, например, Манифест от 19 февраля 1861 г., превративший в свободных граждан 22 млн. крепостных[1], Положение о крестьянах 1861 г.[2], Городовое положение 1870 г.[3] и многие другие акты. То есть Конституция состояла из серии принятых в разное время конституционных актов.

С проведением либеральных реформ XIX в. местное самоуправление в России получает новый бессословный характер. Важным элементом процесса его реформирования стали именно земская реформа и принятие Городового положения 1870 г., в соответствии с которым были созданы бессословные выборные органы городского самоуправления, избираемые сроком на четыре года. К сожалению, гибель императора Александра II 1 марта 1881 г. и последовавшая за этим реакция не позволили активно развиваться указанным демократическим институтам.

В соответствии с принятыми при Александре III Положением о губернских и уездных земских учреждениях 1890 г.[4] и Городовым

---

[1] Манифест «О Всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей и об устройстве их быта» от 19 февраля 1861 г. Ст. 36.650 // ПСЗРИ. Собр. 2. Отд. 1. СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1863. Т. XXXVI. См. также: Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 7. Документы крестьянской реформы / Под общ. ред. О. И. Чистякова, отв. ред. тома О. И. Чистяков. М.: Юрид. литер-ра, 1989. С. 27–31.

[2] Высочайший рескрипт Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Николаевичу «Об изъявлении Монаршей признательности Его Высочеству за окончание дела по составлению Положений и Правил о крестьянах и дворовых людях, вышедших из крепостной зависимости, о поручении Его Высочеству передать членам Главного по крестьянскому делу Комитета искреннюю Монаршую благодарность за содействие их в сем деле и о назначении Его Высочества членом и председательствующим Комитета для устройства всего вообще сельского состояния» от 19 февраля 1861 г. Ст. 36.651 // ПСЗРИ. Собр. 2. Отд. 1. СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1863. Т. XXXVI. См. также Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 7. Документы крестьянской реформы / Под общ. ред. О. И. Чистякова. М.: Юрид. литер-ра, 1989. С. 37–77.

[3] Высочайше утвержденное Городовое Положение от 16 июня 1870 г. Ст. 48.498 // ПСЗРИ. Собр. 2. Отд. 1. СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1874. Т. XLV.

[4] Высочайше утвержденное Положение о губернских и уездных земских учреждениях от 12 июня 1890 г. Ст. 6927 // ПСЗРИ. Собр. 3. Отд. 1. СПб.: Гос. тип., 1893. Т. X.

положением 1892 г.[1] значительно расширились полномочия губернаторов в сфере функционирования органов местного самоуправления. Для надзора за их деятельностью были созданы специальные государственные учреждения.

Дореволюционный этап становления и формирования пассивного избирательного права как публично-правового отношения начался в Российской империи после поражения в Крымской войне и отмены крепостного права. Вслед за отменой крепостного права и введением местного самоуправления посредством земской и городской реформ 1 января 1864 г. был издан Именной Указ Александра II Правительствующему Сенату об утверждении Положения о губернских и уездных земских учреждениях. Это Положение действовало на территории европейской части Российской империи, включая Малороссию, но за исключением Сибири, Средней Азии, Закавказья, Польши и Финляндии.

Влияние правовой системы Российской империи на публично-правовые отношения характеризуется более высокой степенью организованности и стабильности. При этом имело место несистематизированное законодательство Российской империи о государственной службе.

Российская империя имела сложную, рационально организованную бюрократическую административную структуру, сочетавшую в себе элементы единоначалия, коллегиальности и народного представительства. Публичные отношения развивались под сильным влиянием регулятивных норм права, что являлось их отличительной чертой.

Государственная служба тождественна службе в государстве. Российская государственная служба в XIX в. действует как система государственных должностей и иерархия должностных лиц, распределенных по отделам гражданской администрации и объединенных общим порядком

---

[1] Высочайше утвержденное Городовое Положение от 11 июня 1892 г. Ст. 8708 // ПСЗРИ. Собр. 3. СПб.: Гос. тип., 1895. Т. XII.

чинопроизводства[1]. В XIX в. государственная служба приобретает решающее значение и оказывает существенное влияние на все виды службы в государстве.

Таковы были публично-правовые отношения в Российской империи во второй половине XIX в. внутри государства. При этом внутренние публично-правовые отношения неотделимы от внешних, поскольку, находясь в мировом сообществе, государство пребывает в центре его воздействия. Как представляется, под суверенитетом государства понимается самостоятельность и независимость государственной власти внутри и вне страны.

До настоящего времени считается, что международное право включает в себя системы норм двух уровней: принятые отдельными государствами и принятые государствами совместно. Иными словами, субъектами международного права являются государства. Соответственно, и нормы международного права создаются и исполняются государствами. Можно согласиться с суждением Л. М. Оппенгейма, который пишет: «Поскольку международное право основано на общем согласии государств, главными субъектами международного права являются государства»[2]. Следует отметить, что международное право в конечном итоге определяет жизнь граждан, а его источником, наряду с международными договорами, являются обычаи, происхождение которых далеко не всегда связано с межгосударственными отношениями.

Постепенно вырабатываются доктринальные подходы к государству как основному субъекту международного права. Среди главных критериев дифференциации государств можно выделить религиозный, географический,

---

[1] По наличию государственных, общественных и частных элементов можно выделить следующие виды служб в российском государстве XIX в.: государственную, государственно-общественную, общественную, государственно-частную, частную.

[2] Оппенгейм Л. М. Международное право. М.: Позис, 2000. С. 13.

геополитический, «отрицательный», культурологический[1]. Нации и народы выступают субъектами международного права в период становления их государственности. К примеру, те государства, в которых господствующей религией являлся ислам (за исключением, пожалуй, Османской империи), длительное время были исключены из межгосударственного общения.

В XIX в. появились первые классификации государств, которые были обусловлены преимущественно желанием разделить мир на центр и периферию; в частности, предлагалось различать право цивилизованных и нецивилизованных народов[2].

В основе цивилизационного подхода лежали духовные признаки – культурные, религиозные, национальные, психологические и пр.[3]

Народы и государства определялись в те дни, как писал Ф. Ф. Мартенс, деятелями в области международных отношений и являлись политически организованной нацией или государством[4]. Такие народы считались «образованными», что признавалось международным правом «цивилизованных» наций[5]. Ф. Ф. Мартенс отмечает, что в рассматриваемый период международное право регулирует отношения между «цивилизованными» народами. Считалось, что существуют также и «нецивилизованные» народы, а соответственно и «нецивилизованные» государства.

К «цивилизованным» государствам (нациям) относили европейские государства, которые могли быть субъектами международного права[6]. Так, Ф. фон Лист (F. von Liszt) указывал, что, например, такие страны, как

---

[1] См. подробнее: Каширкина А. А. Представления о субъектах международного публичного права в классической доктрине XVII–XIX вв. // Междунар. публ. и частн. право. 2003. № 1 (10). С. 49–54.

[2] Watt H. M. Globalisation and Comparative Law // Reimann M., Zimmermann R. (eds.). The Oxford Handbook of Comparative Law. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 596.

[3] Triepel H. Volkerrecht und Landesrecht. Leipzig: Vrlg. von C. L. Hirschfeld, 1899. S. 20.

[4] Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов (по изд. 1904 г.). М.: «Юрид. колледж МГУ», 1996. Т. 1. С. 22.

[5] Liszt F. v. Das Volkerrecht. Systematisch dargeschtelt. 12. bearb. Aufl. Berlin: Vrlg. v. Julius Springer 1925. S. 2–3; 85–94.

[6] Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов (по изд. 1904 г.). М.: «Юрид. колледж МГУ», 1996. Т. 1. С. 24.

Абиссиния, Китай и Персия являются не государствами, а «близкими к международно-правовому общению, но не вполне к нему принадлежащими»[1]. Подобная классификация государств на «цивилизованные» и «нецивилизованные» устраивала политиков промышленно развитых стран Европы и США.

Во второй половине XIX в. немецкой школой международного права стало развиваться новое направление в классификации государств, по которому страны делятся на «сильных» и «слабых». Представители этого подхода, например, А. В. Гефтер (A. W. Heffter)[2], А. Меркель (A. Merkel)[3], оправдывая военную экспансию Германии и ее участие в переделе мира, предложили критерий прочности (силы).

А. Меркель следующим образом определял природу государства: «Организация государства выражается в лицах и соединениях лиц, в твердых отношениях властвования, подчинения и координации лиц, призванных действовать за государство»[4]. Сила, которая проявляется в этой деятельности, носит название государственной власти. Задачами государства, по мнению вышеуказанного автора, «являются забота о праве (правовом порядке), забота о благосостоянии, забота о добывании и формировании средств, необходимых государству для разрешения задач, предлагаемых вышеуказанными отраслями его работы»[5].

В самом начале формирования данной теории ученые объясняли возникновение государства и права как фактор военно-политического характера, т. е. завоевания одного племени другим. Насилие рассматривается ими не как некое ограниченное, а как глобальное и естественное явление. В

---

[1] Лист Ф. Международное право в систематическом изложении / Пер. с 6 нем. изд. под ред. и с предисл. проф. В. Э. Грабаря. С доп. ред. и Очерком частн. междунар. права, сост. проф. бар. Б. Э. Нольде. Юрьев (Дерпт): тип. К. Маттисена, 1912. С. 8.

[2] Гефтер А. В. Европейское международное право / Пер. бар. К. Таубе. Предисл.: Ф. Ф. Мартенс, проф. С.-Петерб. ун-та. СПб.: тип. В. Безобразова и Ко, 1880. 619 с.

[3] Меркель А. Юридическая энциклопедия / Пер. Ф. К. Зейделя. Под ред. В. М. Грибовского. СПб.: изд. юрид. книж. магазина Н. К. Мартынова, 1902. 256 с.

[4] Там же. С. 112.

[5] Там же. С. 113.

этой связи Османская империя признавалась сильной страной и участником межгосударственных отношений.

Образование таких теорий в науке международного права среди немецких юристов было вызвано, с одной стороны, тем фактом, что в этот исторический период колониальная война была разрешена международным правом, а с другой – особенностями внешней политики, проводимой политическим руководством страны, и изменениями внутренней социально-экономической ситуации в государстве.

Современный ученый С. Т. Рахимов утверждает, что «метод геноцида в национальной политике имперского государства в XVII–XVIII вв. с началом XIX в. сменился ненасильственным методом миссионерства»[1].

В XIX в. между европейскими государствами начали заключаться договоры о правах этнических меньшинств, что, как полагали крупные державы того времени, должно было способствовать сохранению политической стабильности в мире, в котором национальное самосознание, наконец, вытеснило религиозное.

Следует отметить, что в России присоединение новых территорий, на которых проживали мусульмане, поставило перед государством новый вопрос. Был установлен своеобразный паритет. Государство не мешало исполнению религиозных обрядов, не вмешивалось в религиозные проблемы, а лишь следило за тем, чтобы христиане не принимали ислам[2]. В период царствования Николая I официальной идеологией стала формула «Православие – Самодержавие – Народность». Именно этот курс был закреплен в Своде законов Российской империи. При этом юридическая

---

[1] Рахимов С. Т. Социально-правовой статус татарских учебных заведений последней четверти XVIII – начала XX вв. // Ислам в татарском мире: история и современность: Материалы международного симпозиума. Казань, 29 апреля – 1 мая 1996 г. // Панорама-Форум, Казань, 1997. № 12. С. 75.

[2] Соборное уложение 1649 г. стало первым светским источником, в котором появилось понятие «религиозные преступления», в том числе совершенные иноверцами (первая глава «О богохульниках и церковных мятежниках», некоторые статьи XII главы) (Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 3. Акты Земских соборов / Под общ. ред. О. И. Чистякова, отв. ред. тома А. Г. Маньков. М.: Юрид. литер-ра, 1985. 512 с.).

наука серьезно обгоняла в данном вопросе существующую практику. Во второй половине XIX в. вопрос о свободе совести стал объектом научных исследований. Эту фактически новую для науки проблему поднял Николай Семенович Суворов (1848–1909)[1]. Благодаря таким исследованиям о свободе совести среди субъектов государственно-конфессиональных отношений, к которым традиционно относились государственные органы и религиозные образования, появился верующий человек. Вершиной в развитии этого направления в дореволюционный период стали труды Михаила Андреевича Рейснера. Главным лозунгом его статей и лекций была личная религиозная свобода[2].

Подход к государствам, в которых господствующей религией был ислам, меняется после установления Венской системы международных отношений. Такая ситуация сложилась по следующим причинам: 1) появление независимых государств в Северной и Южной Америке после национально-освободительных революций и принятие христианства; 2) признание Турции в соответствии с условиями мирного договора в Париже 1856 г. как целостного и независимого государства; 3) включение Японии и Китая в межгосударственное общение.

Появление на политической карте мира все большего числа стран способствовало установлению дипломатических отношений между ними, а это, как следствие, обусловливало развитие права внешних сношений. При этом дипломатическая практика в значительной степени опережала теоретические идеи правоведов-международников.

Международное право в период XVII–XIX вв. знало почти полную идентификацию доктрины и норм. Обычай является основным источником международного права, представляет сферу идентификации права и

---

[1] Кипарисов В. Ф. О свободе совести. Опыт исследования вопроса в области истории церкви и государства с I по IX вв. Вып. 1. М.: Сильвестр, архимандрит, 1883. С. 27.

[2] См., например: Рейснер М. А. Право свободного исповедания // Вестник права. Журнал юридического общества Санкт-Петербургского университета. 1899. № 9. Ноябрь. С. 85–102.

общественных отношений; своими действиями государство может создавать и реализовывать норму.

Следует заметить, что литература по международному праву в середине XIX в. была довольно ограниченной, опубликованные материалы, в основном, были связаны с отдельными вопросами международного права[1].

Как отмечает профессор А. Н. Стоянов, известный юрист-международник Д. И. Каченовский, рассматривая понятие международного права, проанализировал труды западных ученых и указывал на то, что некоторые авторы «делят его (международное право), по различию субъектов, на две части, именно: на публичное и частное ... второе касается всемирно-гражданского оборота, т. е. юридических отношений между подданными разных государств»[2].

При этом Д. И. Каченовский сомневался в правильности такого разделения, заявляя, что это неосуществимо по целому ряду причин. Соглашаясь с тем, что указанное деление имеет определенное основание, он замечал, что в международном праве сложно и практически невозможно отличить сугубо публичные и частные элементы. Спорные вопросы разрешаются в последней инстанции по взаимной договоренности между правительствами. Защита граждан во всех формах правления принадлежит верховной власти, которая в подобных случаях действует от имени государства.

Ученый, по сути, определил проблему, которая несколько десятилетий будет волновать его коллег-международников.

Исследователь международного права А. Н. Стоянов также указывал, что, предлагая возможное решение конфликтов, возникающих от столкновения правопорядков, Д. И. Каченовский говорит о том, что граждане отдельных государств, вступая в различные связи за пределами родины,

---

[1] См., например: Капустин М. Н. Международное право: Конспект лекций. Ярославль: тип. Губ. зем. управы, 1873. 87 с.; Стоянов А. Н. Очерки истории и догматики международного права. Харьков: Университет. тип., 1875. 753 с.

[2] См.: Стоянов А. Н. Очерки истории и догматики международного права. Харьков: Университет. тип., 1875. С. 20–21.

приобретают имущество, ведут торговлю. Следовательно, необходимо обеспечение всемирно-гражданского оборота. При сходстве гражданских законов, действующих в Европе, это может быть достигнуто без особых жертв.

Всемирно-гражданское уложение рассматривалось ученым как полезное и необходимое. Тем самым, суммируя вышесказанное, можно прийти к заключению о том, что он усматривал необходимость унификации норм частного права посредством издания такого всемирно-гражданского уложения.

Однако, отмечая схожесть частного права европейских стран, Д. И. Каченовский полагал, что надобность в таком уложении пока отсутствует, и достаточным является сличение гражданских и торговых законов различных государств, а также сглаживание в них противоречий[1].

Таким образом, приходим к выводу о том, что профессор Д. И. Каченовский первым озвучил вопрос дуализма международного права и международных договоров.

В XIX в. появились первые учебники по международному праву, написанные на национальных языках, за авторством: А. В. Гефтера (Германия, 1844), Г. Уитона (США, 1836), Т. Фенк-Брантано и А. Сореля (Франция, 1877), А. Бонфиса (Франция, 1894), И. К. Блюнчли (Швейцария, 1870)[2], М. Н. Капустина (Россия, 1856–1859)[3] и Д. И. Каченовского (Россия, 1863)[4].

Фундамент международного права по-прежнему составляет античная правовая традиция, которая проявляется в праве международных договоров и

---

[1] См.: Стоянов А. Н. Очерки истории и догматики международного права. Харьков: Университет. тип., 1875. С. 39–71.

[2] Neff S. C. A short history of international law // International law / Ed. by M. D. Evans. ed. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 40–41.

[3] См.: Капустин М. Н. Обозрение предметов международного права. Вып. 2: [Отд.] II–VI. 1856. Вып. 3: [Отд.] VII–X. 1856. Вып. 4: Консулы. Трактаты. 1859 // Вып. 2–4. М.: Университет. тип., 1856–1859. 368 с.

[4] См.: Каченовский Д. И. Курс международного права. Ч. 1. Харьков: Университет. тип., 1863. LXVIII, 120 с.

праве урегулирования международных споров. В. П. Даневский в конце XIX в. отмечал: «Международные договоры заключаются для того, чтобы быть исполняемы добросовестно»[1].

В XIX в. начали формироваться представления о том, что принцип «договоры должны соблюдаться»[2] является обязательным для всего государства, а не только для его правителя. Основой договора признается согласие сторон[3].

Международный договор – это нормоустанавливающий источник, т. е. он создает общие или индивидуальные нормы, права и обязанности сторон. Британский юрист Ян Броунли называет такие соглашения правообразующими. Они создают правовые обязательства, исполнение которых не прекращает договорных обязательств. Правообразующие договоры призваны создать общие правила на будущее поведение сторон, выраженные в форме правовых норм и обязательств, в основном, одинаковых для сторон[4]. Правовая природа международного договора заключается в том, что он является выражением последовательной, согласованной воли сторон, интересов и позиции других субъектов международного права.

Международные договоры создают правовую основу международных отношений. Право международных договоров – это совокупность правил, регулирующих деятельность субъектов международного права в процессе заключения, исполнения, толкования, прекращения и приостановления действия договоров.

В науке развивалась ситуация, при которой концепции, разрабатываемые учеными, имели политический окрас и должны были служить внешней политике государств и тем самым оправдать незаконный

---

[1] Даневский В. П. Пособие к изучению истории и системы международного права. Вып. I. Харьков: тип. А. Н. Гусева (бывш. В. С. Бирюкова), 1892. С. 224.

[2] Международное право: учеб. для вузов / Отв. ред. Г. В. Игнатенко, О. И. Тиунов. М.: «НОРМА», 2005. С. 38.

[3] См.: Лукашук И. И. Современное право международных договоров: в 2 т. М.: Волтерс Клувер, 2004. Т. 1. Заключение международных договоров. 658 с.

[4] Броунли Я. Международное право: в 2 кн. / Пер. с англ. С. Н. Андрианова. Под ред. и с вступ. ст. Г. И. Тункина. М.: изд-во «Прогресс», 1977. Кн. 1. С. 36–37.

захват чужих территорий. Именно по этой причине неравенство государств и легитимность геополитического передела мира были основными направлениями развития научно-правовой мысли в XIX в.

Юридическим оформлением дискриминации послужил цивилизационный (или культурологический) подход к классификации государств. Градация государств на «цивилизованные» и «нецивилизованные» устраивала политиков промышленно развитых стран Европы и США. Подобные идеи были широко распространены и в Германии.

Один из основоположников теории двойственной природы международного права Г. Трипель (H. Triepel) в своей работе «Международное и внутригосударственное право» (1899) указывал на то, что понятие «международное право» охватывает отношения между странами, расположенными по отношению друг к другу как вышестоящие и нижестоящие, а также и между равноправными государствами[1].

Процесс эволюции государств сопровождался изменением их функций. Если до XX в. государство считается неограниченным в праве вести войну, чтобы завоевать новые территории и колонизировать их для получения дополнительных ресурсов, то к началу XX в. (с созданием Версальской системы международных отношений) правовые и научные представления о природе государства подвергаются фундаментальным изменениям. В исследованиях ученых разрабатывается новое направление – классификация по формационному признаку (т. е. в зависимости от доминирующей формы собственности), в которой различают рабовладельческие, феодальные, капиталистические и социалистические государства.

Однако XIX в. и эпоха образования национальных государств привели к изменению самого понятия суверенитета, он приобрел свое негативное определение – из понятия, ассоциированного с неразделенным и верховным господством, суверенитет превратился в понятие, означающее «независимость от...», из символа единовластия – в символ отделенности.

---

[1] Triepel H. Volkerrecht und Landesrecht. Leipzig: Vrlg. von C. L. Hirschfeld, 1899. S. 20.

Юридическим контекстом существования суверенитета стала сложная система договоров и соглашений; при этом его «конвенционистский характер совершенно не исключал ни приоритета силы во внешнеполитических отношениях, ни фактора господства и насилия во внутренних пределах существования суверенной власти»[1]. Рождение «суверенных» государств и распад номинальных или реальных имперских образований сделали суверенитет лозунгом демократии и новых политических элит. Но, по сути, это была уже иная реальность – ссылки на «суверенитет народа» и даже суверенитет государства оказывались применением старой терминологии к новым реалиям – суверенитет в его первоначальном понимании уже перестал существовать. Его сакрально-юридическая составляющая осталась только на уровне вербальности, зато скрытое в идее суверенитета насилие угрожающе вышло на поверхность: суверенитет мог быть гарантирован или нарушен исключительно при посредстве силы. Новые глобалистски ориентированные структуры властвования, новые «империи» уже почти не нуждаются в самом понятии суверенитета, время от времени используя его терминологию и символы лишь в своих политических и экономических целях. Уже нет нужды физически «взламывать» территориальные границы «суверенных» государств – проникновение силы и могущества на «аннексируемые» пространства (пусть даже без их присоединения к завоевателю) осуществляется иными (чем прежде) способами и путями: по-настоящему суверенным всегда остается лишь победитель, теперь уже не персонифицированный, а анонимный, но от этого не менее могущественный и не менее «ужасающий».

Стоит указать на тот факт, что в рассматриваемый период Российская империя обладала самостоятельностью и независимостью государственной власти внутри и вне страны и являлась суверенным государством.

---

[1] Исаев И. А. Топос и номос: пространства правопорядков. М.: «НОРМА», 2007. С. 109.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что публично-правовые отношения в Российском государстве во второй половине XIX в. – это отношения, характеризующиеся более высокой степенью организованности и стабильности на фоне несистематизированного законодательства Российской империи о государственной службе, сложной, рационально организованной бюрократической административной структуры, сочетающей в себе элементы единоначалия, коллегиальности и народного представительства. Публичные отношения развивались под сильным влиянием регулятивных норм права, что и является их отличительной чертой. Важнейший публично-правовой институт – международный договор как нормоустанавливающий источник, неизменно определяющий правовое положение сторон-участников подобного договора.

Анализируя многочисленные мнения и позиции зарубежных и отечественных ученых и правоведов исследуемого периода, можно заключить, что теоретико-правовая основа таких международных договоров, как соглашение об уступке Аляски, сложилась к середине XIX в.

1.2. Теоретико-правовые основы реализации внешнеполитической функции Российского государства в пореформенный период

Для определения правовой сущности внешнеполитической функции принципиальным является ответ на вопрос, что же является функциями государства.

Функция представляет собой проявление сущностных признаков предмета исследования в его динамике. Н. М. Онищенко в работе «Правовая система: проблемы теории» указал, что термин «функция» характерен для любых динамических структур[1].

---

[1] См.: Онищенко Н. М. Правовая система: проблемы теории: монография. Киев: Ин-т гос. и права им. В. М. Корецкого НАН Украины, 2002. С. 49.

Необходимо отметить, что термин «понятие» в философии принято определять как мысль, которая «схватывает» сущность предметов, их внутреннее содержание[1]. Следовательно, основной, системообразующий элемент понятия – сущность описываемого явления.

В философии и социологии применяется более общее определение функции, в рамках которого данная категория рассматривается как «внешнее проявление свойств какого-либо объекта в данной системе отношений»[2].

Понятие «функция» введено в научный оборот немецким философом и математиком Г. Ф. Лейбницем на рубеже XVII–XVIII вв. Позднее швейцарский филолог-классицист Иоганн Бернулли в своем письме к тому же Г. Ф. Лейбницу употребил данный термин в смысле, наиболее приближенном к современному[3].

Как указывает известный ученый-цивилист Ю. С. Гамбаров, функции права стали предметом научного исследования в середине XIX столетия[4]. Отчасти данное обстоятельство было вызвано становлением теории государства и права, а также расцветом науки международного права. Кроме того, именно в XIX в. Наполеоном I была предпринята попытка завоевать Россию после побед и подчинения большого числа государств Европы. Военные, экономические и иные формы взаимодействия государств выступили дополнительным фактором ускорения развития целого ряда разделов юридической науки – общей теории государства и права, науки международного права, теории административного права.

Нельзя не указать на тот факт, что первоначально в развитии правовой мысли в большинстве случаев функция права подменялась функционированием государства, общества и природы. Применить понятие

---

[1] См.: Философский энциклопедический словарь / Отв. ред. С. С. Аверинцев. М.: Сов. энциклопедия, 1989. С. 494.

[2] Туманов С. Н. К вопросу о понятии и структуре функции государства // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. Вып. 4 (18). С. 33.

[3] Зорич В. А. Глава I. Некоторые общематематические понятия и обозначения. § 3. Функция // Математический анализ. Ч. 1. М.: Наука, 1981. С. 31.

[4] См.: Гамбаров Ю. С. Право в его основных моментах // Правоведение. 1995. № 4–5. С. 97–133.

функции непосредственно к концепции прав человека долгое время в философии, политике и юридической науке было просто невозможно, так как первоначально «функция» рассматривалась с органической точки зрения. Функция – это деятельность организма как системы или ее части (подсистемы). Поэтому в древних социальных и политических системах философы, если и прописывали функциональный характер, то только на основании органистического представления. Термин «функция» в отношении права был использован только в эпоху буржуазных революций и формирования таких наук, как право и социология.

Поначалу выделялось две группы функций права: практические и познавательные. В первую группу объединялись функции права, выражающие суть регулирующего воздействия на общественную жизнь, воздействия на волю человека. «Познавательные функции права состоят в поиске истины, интересе научного исследования, проведении в жизнь научных тезисов или нравственных идеалов»[1].

Философская основа для исследования функций государства была подготовлена еще в эпоху Просвещения и представлена работами Г. Гроция, Т. Гоббса, Ш.-Л. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо и др. Вопрос о национальной идентичности и территориальной целостности заставил углубиться в теорию о сущности государства, формах межгосударственных отношений и реализуемых им функциях.

Начиная с произведений Г. В. Ф. Гегеля стало складываться научное представление о собственно правовых функциях. В XIX в. термин «функция государства» чаще встречается в работах, посвященных международному общению.

Исследователи того времени первыми делают попытку разделить сферы дипломатии и военных действий, а следовательно, и разграничить соответствующие функции государства. Так, российский историк и

---

[1] Цит. по: Самодаева Л. Н. Применение структурно-функционального анализа в изучении муниципального права // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2012. № 3 (10). С. 54.

государственный деятель М. А. Таубе стал разделять международное общение на отрасли, а нации представлял в виде независимых народов-государств. По его мнению, общение складывается из культурной общности народов, солидарности государств в преследовании одинаковых культурных целей[1].

Под «дипломатией» как самостоятельной, отдельной государственной единицей В. Н. Лешков понимал законодательно установленное социальное положение государства среди других государств. История русской дипломатии «представляла картину юридической жизни России, от эпохи ее первых соприкосновений с ближайшими соседями до полного развития в ней государственных начал и их признания иностранными державами»[2].

Исследователь также говорит о том, что направления внешней политики показывают особенность государства, его потребности и нужды. Дипломатия же является внешним выражением фактов, событий внутренней жизни государства. Автор отмечал, что о государственных задачах, выражающихся в направлениях политики, можно говорить только со времен Ивана III. Ранее это были не направления политики (задачи государства), а «частные вопросы отдельных элементов Руси»[3].

В отмеченный период российские мыслители обращаются к вопросам об определении сущности и значения государственной власти. М. М. Сперанский[4], С. А. Муромцев[5], Б. Н. Чичерин[6] и др. рассматривали цели, задачи и функции государства преимущественно в рамках вопроса о внутригосударственном управлении.

---

[1] Таубе М. А. История зарождения современного международного права (средние века). Т. I: Введение и часть общая. СПб.: типо-лит. П. И. Шмидта, 1894. С. 4–5.

[2] Лешков В. Н. О древней русской дипломатии // Речи и отчет, произнесенные в торжественном собрании имп. Московского ун-та 17 июня 1847 г. М.: Университет. тип., 1847. С. 2.

[3] Там же. С. 5.

[4] Сперанский М. М. Проекты и записки / Под ред. С. Н. Валка; АН СССР. Ин-т истории. Ленингр. отд-ние. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1961. 244 с.

[5] Муромцев С. А. Определение и основное разделение права. М.: тип. А. И. Мамонтова и Ко, 1879. 240 с.

[6] Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. М.: тип. тов-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1894. Ч. 1. Общее государственное право. 482 с.

Например, известный правовед Б. Н. Чичерин под «целью государства» понимал общее благо и (насколько это необходимо) содействие частным интересам. При этом он отмечал, что «прямая же цель состоит в гармоническом устройстве общественной жизни», которая «распадается на столько отдельных целей, сколько существует отдельных элементов в государстве»[1]. К целям государства, помимо обеспечения безопасности, ученый относил охрану права, законопорядок, содействие общему благосостоянию, исполнение исторического назначения народа в судьбах человечества. Соответственно, этим целям он выделял и различные отрасли деятельности верховной власти. Осуществление данной деятельности он называл управлением[2].

Говоря о такой цели государственного управления, как безопасность, Б. Н. Чичерин выделял безопасность внутреннюю и внешнюю. При этом он писал о том, что управление осуществляется через органы. «Эти органы должны быть постоянны и разнообразны, как самые цели государства»[3].

Таким образом, видим, что исследователь, рассуждая об отраслях государственного управления, связывает их с целями государства и с органами, которые осуществляют данную деятельность, но не называет ее термином «функции государственной власти» или «функции управления». Однако, как представляется, речь идет именно о них, что подтверждается также его анализом деятельности государственных учреждений. Историк-правовед подробно останавливается на определении видов учреждений и классификации должностей, им также обозначается проблема дублирования функций[4].

---

[1] Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. М.: тип. тов-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1894. Ч. 1. Общее государственное право. С. 10.

[2] Там же. С. 338.

[3] Там же. С. 354.

[4] См.: Туманов С. Н. Зарождение теории о функциях государства в России: начало XX в. // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2013. Вып. № 4 [79] // http://cyberleninka.ru/article/n/zarozhdenieteoriiofunktsiyahgosudarstvavrossii-nachaloxxv. Дата обращения: 21.02.2015.

Внешней политике Б. Н. Чичерин уделял немного внимания, полагая, что с юридической точки зрения государство «руководится не столько государственным, сколько международным правом, но еще более оно направляется политикой, то есть соображением интересов государства»[1].

Вопрос о функциях государственной власти затрагивал и русский профессор права и публицист А. Д. Градовский[2]. Рассматривая государственное устройство, ученый писал, что теория Ш.-Л. Монтескье не выдержала теоретической и практической критики, но она находит свое место там, где речь идет об осуществлении различных прав государственной власти.

Функции государственной власти А. Д. Градовский связывал с правами верховной власти и понимал как осуществление этих прав. Далее автор указывал: «Вся совокупность функций государственной власти разделяется на две категории: управление верховное и управление подчиненное»[3]. Данной точки зрения о делении власти управления на власть верховную и власть подчиненную придерживался и другой русский мыслитель в рамках вопроса о правах верховной власти – П. Е. Казанский[4].

Следует заметить, что российская государственно-правовая наука XIX в. развивалась согласованно с теорией государства за рубежом. Таким образом, наблюдалось взаимовлияние теории о государстве отечественной и зарубежной.

К числу зарубежных исследователей государства, его целей и функций относились Ф. Гольцендорф, Г. Ратценгофер, Т. Функ-Брентано, Г. фон Трейчке и др.

---

[1] Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. М.: тип. тов-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1894. Ч. 1. Общее государственное право. С. 452.

[2] Градовский А. Д. Начала русского государственного права. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1875. Т. 1. О государственном устройстве. 436 с.

[3] Там же. С. 144–145.

[4] Казанский П. Е. Власть Всероссийского Императора / Сост., вступ. ст. и прим. М. Б. Смолина. М.: изд-во Москва, 1999. С. 94–95.

В числе первых юридических произведений новейшего времени, переведенных на русский язык и оказавших влияние на становление российской теории государства и права, были работы профессора Грацкого университета Г. Аренса (H. Ahrens).

Ученым поднимался вопрос о цели и функциях государства. Анализируя современные работы о целях государства, он приходил к мнению о том, что специалисты в качестве цели государства видят, во-первых, человеческую цель и, во-вторых, правовую цель. Г. Аренс критиковал учения, которые отождествляли человеческую цель с государственной, и считал, что «государство между всеми главными целями человеческой жизни преследует непосредственно свою особенную цель, которая находится в органической связи со всеми целями человека. Государство есть учреждение, в котором человеческая цель преследуется особенным образом, посредством права»[1].

Государственное управление, по мнению Г. Аренса, это деятельность государства, которая направлена на осуществление государственной цели в соответствии с нормами государственного устройства и посредством установленных властью функций и органов в конкретных жизненных отношениях и случаях. В этом широком смысле государственное управление, в противоположность государственному устройству, распадается по главным своим функциям или властям на правительство, законодательство и исполнительную власть. Последняя также называется управлением в более узком понимании, которое включает в себя судебную власть и администрацию (управление в самом узком значении слова). Такое управление разделяется на внутреннее и внешнее. Внешнее управление осуществляется Министерством иностранных дел и представляет собой охрану всех внешних интересов, причем в нем могут проявляться и

[1] Аренс Г. Юридическая энциклопедия или органическое изложение науки о праве и государстве на основании принципов этической философии права / Пер. с нем. М.: тип. А. Семена, 1863. С. 62–66.

различные отрасли внутреннего управления юстиции, религии, промышленности, торговли и пр.[1]

Таким образом, представляется, что уже в середине XIX в. в зарубежной юридической литературе существовало понятие функции управления, которое зачастую отождествлялось с используемым понятием «власть». Данный вывод основан на анализе работ таких специалистов в области юриспруденции, как, например, профессор Г. Аренс[2], приват-доцент и эксперт в сфере полицейского права П. Н. Шеймин[3], а также выдающийся французский юрист А. Эсмен (A. Esmein)[4].

Государственное управление, по мнению Г. Аренса, состояло из функций, которые, в свою очередь, разделялись на внутренние и внешние. Российская юриспруденция была знакома с данными категориями уже в середине XIX столетия.

В труде профессора Парижского университета А. Эсмена, редактором которого был М. М. Ковалевский, обозначен процесс постепенного выделения властей, составляющих государственную власть: законодательной, исполнительной, судебной. Причем А. Эсмен, в отличие от большинства ученых, признающих безусловное господство среди властей законодательной, говорил о том, что исполнительная власть (imperium) имеет над законодательной «естественное и необходимое превосходство: в то время как законодательная власть проявляет свою деятельность перемежающимся образом, – даже в новейших государствах, где законодательная производительность становится все более и более обильной, деятельность

---

[1] Аренс Г. Юридическая энциклопедия или органическое изложение науки о праве и государстве на основании принципов этической философии права / Пер. с нем. М.: тип. А. Семена, 1863. С. 70–71.

[2] Аренс Г. Указ. соч. 534 с.

[3] Шеймин П. Н. Полиция // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона / Под ред. проф. И. Е. Андреевского, К. К. Арсеньева и заслуж. проф. О. О. Петрушевского. СПб.: изд. Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон (С.-Петербург), 1890–1907 // http://www.vehi.net/brokgauz. Дата обращения: 11.03.2015.

[4] Эсмен А. Основные начала государственного права / Пер. с фр. Н. Кончевской. Под ред. и с предисл. М. М. Ковалевского. М.: изд. К. Т. Солдатенкова, 1898. 456 с.

исполнительной власти, по необходимости, непрерывна»[1]. Исполнительную власть составляет совокупность функций. Чуть раньше автор касался вопроса о функциях государства в рамках определения сущности правительства государства. По его мнению, правительство – это практическое применение власти, которое означает «осуществление функций, присущих государству и состоящих, главным образом, в охранении и защите нации от внешних нападений, в поддержании внутреннего порядка и в оказании всем правосудия»[2].

Позже, на рубеже XIX–XX вв., публикуется перевод книги А. Меркеля «Юридическая энциклопедия», где автор опирался на современные ему разработки представителей юридического позитивизма. Как указывалось ранее, природу государства А. Меркель видел «в твердых отношениях властвования и подчинения и координации лиц, призванных действовать за государство»[3]. А силу, которая проявлялась в подобной деятельности, он называл государственной властью. Среди задач государства ученый выделял следующие: «забота о праве (правовом порядке), забота о благосостоянии, забота о добывании и формировании средств, необходимых государству для разрешения задач, предлагаемых вышеуказанными отраслями его работы»[4].

К сфере третьей задачи (добывание и формирование необходимых средств) А. Меркель относил заботу о вооруженной силе государства, о доставлении, управлении и расходовании необходимых денежных средств. Далее исследователь отмечал, что в соответствии с различными направлениями государственной деятельности «различают отдельные функции выражающейся в ней власти – власть судебную, полицейскую, военную, финансовую; равно как усматривают и различные стороны права

---

[1] Эсмен А. Основные начала государственного права / Пер. с фр. Н. Кончевской. Под ред. и с предисл. М. М. Ковалевского. М.: изд. К. Т. Солдатенкова, 1898. С. 13.

[2] Там же. С. 10.

[3] Меркель А. Юридическая энциклопедия / Пер. Ф. К. Зейделя. Под ред. В. М. Грибовского. СПб.: изд. юрид. книж. магазина Н. К. Мартынова, 1902. С. 112.

[4] Там же. С. 113.

государственного господства или верховенства – верховенство судебное, полицейское»[1].

В работе Н. В. Болдырева, посвященной анализу теории суверенитета Ж. Бодена, также использовался термин «функция власти» в рамках вопроса о содержании суверенитета. Как указывал ученый, Ж. Боден ведет речь именно о функциях власти, когда говорит о правах суверенитета. К таким правам (функциям) Ж. Боден относил: объявление войны и заключение мира; назначение высших чиновников; высшую судебную власть; право помилования; право чеканить монету; право налогов и пошлин; некоторые права фиска (конфискация за оскорбление Величества, делание фальшивой монеты и пр.)[2]. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что понятие «функция государственной власти» было введено в оборот в отечественной литературе во многом благодаря переводам и анализу работ зарубежных авторов.

Категория «функция» встречалась и в энциклопедических словарях XIX в. Под «функцией» в то время понималось «отправление какого-нибудь органа, механизма или силы»[3].

В юридической литературе конца XIX в. функция государства оценивалась уже как элемент всякой государственной власти, и ставился вопрос о различии органов государственной власти и функции, которую они призваны осуществлять. В начале XX в. в России сформулирована теория разделения функций власти, и, как отмечали специалисты, эта теория имела не только научное, но и практическое значение. К вопросу о понятии и разделении функций обращались такие исследователи, как Н. М. Коркунов, Ф. Ф. Кокошкин, С. А. Котляревский, Ф. В. Тарановский, Л. А. Шалланд и др.

---

[1] Меркель А. Юридическая энциклопедия / Пер. Ф. К. Зейделя. Под ред. В. М. Грибовского. СПб.: изд. юрид. книж. магазина Н. К. Мартынова, 1902. С. 113.

[2] Болдырев Н. В. Учение Жана Бодена о государстве и государственной власти // Журнал Мин. народного просвещения. 1910. № 1. Ч. 25. Январь. Отд. 2. С. 86–88.

[3] Энциклопедический словарь Ф. Ф. Павленкова. СПб.: тип. Ю. Н. Эрлих, 1910. Стб. 2772. С. 1389.

Русский юрист и философ права Н. М. Коркунов рассматривал теорию разделения функций государственной власти в связи с вопросом о цели и задачах государства. Правовед выделял три теории о цели государства в зависимости от их содержания. В том случае, если в качестве цели обозначается осуществление права, то следует говорить о правовой теории государственной цели, а если под целью подразумевается достижение благосостояния – то это теория полицейского государства. Когда же под целью понимается достижение благосостояния, но только в формах права, то такую теорию, по мнению Н. М. Коркунова, можно называть смешанной или теорией правомерного государства. Также автор писал, что различают субъективную и объективную теории цели государства. Субъективная теория под целью государства понимает цель людей, создавших государство, а объективная – цель исторического процесса развития человечества[1].

При этом Н. М. Коркунов отмечал, что «какие бы ни ставились цели государству, действительно выполнить оно может только задачи, соответствующие его внутренней природе и организации»[2]. В вопросе разделения функций государственной власти ученый говорил о законодательной, исполнительной и судебной функциях, комментируя теории Аристотеля, Ш.-Л. Монтескье, Дж. Локка[3] и выделяя функции в материальном и формальном смыслах. Классификация функций в материальном смысле предполагает их разделение в соответствии с задачами государства, разделение в формальном смысле – классификация функций, в основание которой положена систематизация органов государственного управления.

В контексте анализа Н. М. Коркуновым системы государственных учреждений можно выделить смысл, который вкладывался в понятие «функция государственной власти». Давая определение государственному

---

[1] Коркунов Н. М. Русское государственное право. Т. 1 Введение и общая часть / Под ред. и с доп.: Авалов З. Д., Горенберг М. Б., Соколов К. Н. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1914. С. 52–74.

[2] Там же. С. 58.

[3] Там же. С. 369–381.

учреждению, он писал: «Государственное учреждение следует определить как организованное приспособление личных и материальных сил к осуществлению определенных актов государственной власти, которые не зависят от составляющих их личностей»[1]. Исходя из этого определения, можно предположить, что под «функцией государственной власти» ученый понимал осуществление определенных актов государственной власти.

В формирование теории о функциях государственной власти внес значительный вклад известнейший русский историк С. А. Котляревский, работы которого содержали методологический анализ категории «функция государственной власти» с опорой на зарубежную и отечественную литературу, специальное рассмотрение проблем эволюции и формы осуществления такой функции государственной власти, как внешняя политика, на примере развитых зарубежных стран (Франция, Германия, Англия, США). Непосредственно под функциями государства С. А. Котляревский понимал «функции общественной среды, осуществление которых обеспечено известным установленным принудительным порядком»[2]. Ученый также отмечал, что «логически функция предшествует органу; она есть нечто основное и глубокое в жизни государства и вытекает из самой природы последнего»[3].

Уже в конце XIX в. приходит осознание того, что невозможно дать единую классификацию функций государства для всех времен и народов. Исследователи пришли к выводу о прямой зависимости набора функций государства от общественных потребностей.

С. А. Котляревский также уделил значительное внимание вопросу о различных основаниях выделения функций государства, тщательно проанализировав при этом труды Аристотеля, Т. Гоббса, Ш.-Л. Монтескье,

---

[1] Коркунов Н. М. Русское государственное право. Т. 1 Введение и общая часть / Под ред. и с доп.: Авалов З. Д., Горенберг М. Б., Соколов К. Н. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1914. С. 388–389.

[2] Котляревский С. А. Правовое государство и внешняя политика. М.: тип. Г. Лисснера и Д. Совко, 1909. С 12.

[3] Там же. С. 11.

Дж. Локка, Б. Констана и др. Правовед не соглашался с классификацией функций государства, включавшей только законодательную, исполнительную и судебную, ввиду невозможности охвата тремя обозначенными функциями действительных шагов государства в целях обеспечения высокого уровня государственного развития. При этом С. А. Котляревский особо подчеркивал, что любая критика выделяемых в литературе классификаций государственных функций ошибочна и напрасна, так как любая из них имеет основание[1].

Как представляется, именно с трудами С. А. Котляревского следует связать начало нового этапа развития российского учения о функциях государства, так как с момента их опубликования данное понятие прочно входит в обиход российских юристов. Ученый, фактически сделав функции государства самостоятельным предметом исследования, заложил основы направления развития научной мысли, позже оформившегося в целый раздел теории государства и права.

В «Учебнике энциклопедии права» Ф. В. Тарановским под функцией понималась «предоставленная государственному органу в пределах его компетенции возможность совершать акты властвования»[2].

Как видится, следует также отметить критическую работу А. В. Горбунова, посвященную анализу методологических основ учения Л. ф. Штейна[3]. Значение трудов Л. ф. Штейна определялось его стремлением приспособить теорию полицейского права, получившую свое распространение еще во второй половине XVIII в. в Германии, к новым условиям и предложить проект государственного управления, основанного на принципе превосходства права над государством[4].

---

[1] Котляревский С. А. Правовое государство и внешняя политика. М.: тип. Г. Лисснера и Д. Совко, 1909. С. 26.

[2] Тарановский Ф. В. Учебник энциклопедии права. Юрьев: тип. К. Маттисена, 1917. С. 391.

[3] Горбунов А. В. Методологические основы учения Л. ф. Штейна об управлении // Журнал министерства юстиции. 1899. № 1. С. 157–185.

[4] Дерюжинский В. Ф. Полицейское право: пособие для студентов. СПб.: Сенат. тип., 1911. С. 21.

Выясняя природу государства с помощью элементарных и абсолютных категорий личности, Л. ф. Штейн выделял три отрасли государственного управления: управление хозяйством, охрану личной неприкосновенности путем правосудия и регулирование соотношения развития отдельного индивида и прочих его сограждан. Данные три задачи составляют область внутреннего управления. Говоря об исполнительной власти в теоретическом смысле, автор обозначил следующие функции исполнительной власти: волевую функцию, направленную на осуществление закона; функцию, распределяющую дела между разными органами государственной власти; функцию осуществления государственной воли в действительности[1].

Со временем взгляды Л. ф. Штейна на теорию управления изменились. Он выделял уже две части своего учения: в первой исследовались такие функции государственной власти, которые были свойственны всем отраслям управления – организация административной статистики, полицейские учреждения и верховный надзор. В особенной (второй) части исследователь выстроил систему пяти областей государственного управления: международное, военное, финансовое, судебное и внутреннее. А. В. Горбунов, тщательно анализируя оба варианта предложенного Л. ф. Штейном учения об управлении, подвергает критике отдельные его моменты и вместе с тем признает, что в современной юридической литературе, как отечественной, так и зарубежной, на тот момент отсутствовала теория об управлении, по масштабам разработки и анализа эмпирического материала соответствующая теории Л. ф. Штейна, хотя последняя и не лишена недостатков[2].

Исследователь В. Ф. Дерюжинский называл пять отраслей управления согласно задачам государства: финансовое управление, управление внешними делами, военное управление, организация правосудия и судебное управление, внутреннее управление «в собственном смысле». Причем сам

---

[1] Горбунов А. В. Методологические основы учения Л. ф. Штейна об управлении // Журнал министерства юстиции. 1899. № 1. С. 167.

[2] Там же. С. 180–185.

автор отмечал, что отдельные отрасли управления, как то дела внешней политики, финансовое управление, военная организация, используют для своей разработки специальную научную систему. Для исследования дел внешней политики было предназначено международное право, для исследования военной организации – особое военное право[1]. Однако В. Ф. Дерюжинский, говоря об управлении и имея в виду функции государственной власти, так и не вводил в употребление термин «функция».

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы. Теория о функциях государства и государственного управления начала развиваться в XIX в. такими зарубежными исследователями, как Г. Аренс, А. Эсмен, А. Меркель и др. Изначально выделившись из математической категории, термин «функция» впоследствии прочно входит и в правовую науку.

Российскими государствоведами (Н. М. Коркунов, С. А. Котляревский, Ф. В. Тарановский и др.) категория «функция государства» стала разрабатываться ближе к концу XIX в. Однако введение ее в науку в качестве самостоятельного предмета исследования произошло только на рубеже XIX–XX вв., так как ранее функции государственной власти отождествляли с практическим управлением государством, и редко когда такие проявления деятельности государства, направленные на осуществление присущих ему задач, называли именно функциями.

На начало XX в. правоведами было предложено уже несколько классификаций функций государственной власти, при этом большинство юристов были единогласны в вопросе выделения функций внутренних и внешних, а также в вопросе разделения функций по сфере управления на законодательную, исполнительную и судебную.

В рамках представленной выше классификации выделялась, в частности, внешнеполитическая функция государства. Следует, в свою очередь, разделить ее на дипломатическую, военную и международно-правовую.

---

[1] Дерюжинский В. Ф. Полицейское право: пособие для студентов. СПб.: Сенат. тип., 1911. С. 1–2.

Именно эта международно-правовая направленность и определила сферу договорных отношений между Российской империей и другими государствами (в том числе США), в русле которой стало возможно осуществление сделки купли-продажи Аляски.

2. ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И США НАКАНУНЕ ПРОДАЖИ АЛЯСКИ

2.1. Предпосылки добровольного отказа от Русской Америки: историко-правовой аспект

Предпосылки в юридическом смысле, являясь предварительным условием наступления какого-либо события, в частности, исторического, впоследствии определяют его сущность, становятся исходным пунктом, отправной точкой для совершения дальнейших действий. В связи с этим немаловажным и весьма интересным представляется тот факт, что соглашение об уступке Аляски было заключено именно в имперский период Российского государства с господствующей либеральной идеологией.

Московское государство как государство имперской формы стало формироваться во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. С принятием русским царем 22 октября 1721 г. нового титула Россия стала именоваться Российской империей и оставалась таковой вплоть до революции 1917 г.

Как отмечает С. В. Кодан, внешне- и внутриполитические факторы строительства Российского государства необходимо рассматривать как важнейшие детерминанты формирования имперской формы российской государственности[1]. В реализации своего внешнеполитического курса Российское государство стремилось обеспечить геополитическую безопасность на западных и восточных границах. Во второй половине XVII – начале XVIII вв. Россия укрепляла свои позиции на восточных рубежах, включая Сибирь и Аляску.

Имперские параметры государства и права в России обусловливались организацией государственной власти. Еще в 1809 г. М. М. Сперанский в Проекте Уложения государственных законов Российской империи дал

---

[1] Кодан С. В. Имперские параметры государства и права в России (вторая половина XVII – начало XX века) // Российский юридический журнал. 2013. № 1. С. 16–18.

определение имперской формы Российского государства: «Российская империя есть государство нераздельное, монархическое, управляемое державною властию по законам государственным»[1]. Государственно-правовое устройство России предусматривало как наличие общеимперской системы управления и законодательства, так и действие местного права отдельных национальных регионов, имеющих ту или иную степень автономизма (зависящего исключительно от верховной власти, объема самостоятельности в местном управлении и правовом регулировании) в составе Российской империи.

Как известно, развитие Российского государства с начала XVIII в. проходило в рамках утверждения имперского формата государственной власти и политико-правового пространства, которые детерминировали характер его политики в отношении присоединяемых территорий и населения, при этом особенно явственно имперский характер России проявился в классический имперский период XVIII–XIX вв.[2] Заметим, что в присоединении новых территорий не было экономического расчета. Как подчеркивает Н. М. Коркунов, Россия «постепенно овладела своими окраинами и на западе, и на востоке в силу чисто политических побуждений как необходимым условием обеспечения своего могущества и независимости»[3].

Для определения потенциала институционализации общегосударственных институтов в регионах и деинституционализации местных публично-правовых структур идентифицируем применявшуюся в имперскую эпоху классификацию сложносоставных государств и место новых территорий в них. А. С. Алексеев провел сравнительно-правовой анализ трех групп государств: во-первых, государства, в которых

---

[1] Сперанский М. М. Проекты и записки / Под ред. С. Н. Валка; АН СССР. Ин-т истории. Ленингр. отд-ние. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1961. С. 231.

[2] Туровский Р. Ф. Русская геополитическая традиция // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 1996. № 5. С. 53.

[3] Коркунов Н. М. Русское государственное право. Т. 2. Часть особенная. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1897. С. 180–181.

присоединенные регионы сохраняют относительную самостоятельность; при этом такая самостоятельность одинакова для всех составных частей (федеративные государства: Германская империя, Швейцарский союз, Северо-Американские Штаты); во-вторых, государства, составные части которых обладают самостоятельностью, но не на равных правах с метрополией, занимающей господствующее положение (например, Британская империя); в-третьих, государства, в которых присоединенные регионы входят в состав подчинившей их державы, утрачивая при этом свою самостоятельность (Россия)[1].

Следовательно, в определении предмета регионального управления существенную роль играет политико-правовой опыт присоединяемых территорий как перспективный инструментарий сохранения их стабильности. В формировании представления возможного регионально-институционального моделирования (изменения) Российской империи будем придерживаться мнения, что Россия постепенно инкорпорировала новые территории. Собственно, выражать политико-юридическую природу регионального управления будут, с одной стороны, большая или меньшая степень проявления имперских свойств в окраинах, с другой – учет их социокультурной, публично-правовой и геополитической специфики, которые в комплексе выступают средством распространения имперских символов и свойств в присоединяемых территориях[2].

В условиях организации государственной власти и государственно-правового пространства по имперскому типу автономия отдельных национальных регионов не противоречила единству государственной власти и государства: самоуправление в них действовало на основании совокупности собственного права территории и политической воли императоров по его гарантированию. Выработка на этой основе различных вариантов включения национально-этнических регионов в политико-

---

[1] Алексеев А. С. Русское государственное право. М.: изд-во «Грамота», 1892. С. 194.

[2] Братусь Д. А. Понятие «юридическая природа»: актуальные проблемы теории и практики // Юрист. 2009. № 8. С. 28–39.

правовое пространство Российской империи определила разработку проблемы общего политико-территориального устройства государства как центрально-российского и особенного, выраженного различным региональным статусом территорий с конкретной управленческо-нормативной связью государственной власти центра с нерусскими окраинами. Особенное устройство базировалось на решении следующих вопросов: о подходах к обеспечению государственного единства Российской империи в целом; о сочетании начал государственной децентрализации, локальной региональной централизации и деконцентрации власти; об определении статуса национально-этнических территорий в общем имперском устройстве России; о взаимосвязи, взаимовлиянии и взаимообусловленности государственно-правовых процессов в административных отношениях «центр – регионы» в едином политико-правовом устройстве государства и создании эффективных региональных систем управления с учетом срединного характера пространства власти в империи.

Практическая реализация концепции имела специфические свойства, проявлявшиеся по-разному в динамике относительно различных территорий и характеризующиеся в действиях центра преемственностью идей, направлений и средств, заимствованием и смешением элементов из одной системы регионального управления в другую, преобладанием центростремительных тенденций в построении вертикалей власти, сохранением местных административных систем и обычаев в регулировании непубличной сферы общественных отношений. Все это предопределило многообразие моделей централизма, устанавливаемых верховной властью империи, что приводило к тому, что при всей территориальной протяженности Российской империи не существовало ее четкого разделения на метрополию и периферию. Деление внутри периферии, примыкавшей к внутренним губерниям, оказывалось подвижным и удовлетворяло потребностям центра по политическим соображениям через государственное

устройство. Становление полинационального состава подданных вынуждало Российскую империю в той или иной степени сохранять этнополитическую специфику присоединяемых территорий и населения, приемлемые и не разрушающие государственное единство империи институты, использовать при властном воздействии местные управленческие и нормативные системы с их коррекцией на решение общегосударственных задач и интегрировать их в механизм единого государства, инкорпорировать элиту региона в состав имперских служащих и применять общеимперское сословное законодательство в качестве базы социального развития сложносоставного социума и основы для взаимодействия при осуществлении функций государства.

Именно процессы конвергенции имперских институтов центрального и регионального государственного управления приводили к возникновению условий для построения единой политической и правовой системы определенного цивилизационного типа[1].

Многовековая история российской геополитики предоставляет возможность признать особую роль стратегического положения России в мировом пространстве.

С точки зрения геополитики, т. е. сферы пространственных интересов и целей страны, в силу своего географического положения Россия обречена на активное участие в политическом процессе как на Западе, так и на Востоке, как в Европе, так и в Азии. С момента возникновения Руси – России в геополитическом смысле, это было взаимодействие двух семантических веществ – европейских лесов и азиатских степей[2].

На протяжении всего периода дореволюционной России целью внешней политики Российского государства являлось стремление расширить свои владения, что было и остается геополитической основой силы и величия

---

[1] См., например: Еремян В. В. Так было ли на Руси ордынское иго? Средневековая государственность сквозь призму отношений даннической зависимости // «Административное и муниципальное право». М.: Nota Bene, 2008. № 3. С. 65.

[2] Дугин А. Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М.: «Арктогея», 1997. С. 44–47.

державы. За освоение новых земель Россия платила сполна и потому дорожила территориальными приобретениями. Но при этом Российская империя неожиданно оказалась одной из первых европейских держав, кто добровольно расстался со своей колонией – Аляской. Это случилось в эпоху правления императора Александра II[1].

На подобную сделку в XIX в. мог решиться только реформатор Александр II. При этом представляется, что Николай I или Александр III, который имел опорой во внешней политике армию и флот, не пошли бы на добровольный отказ от собственных территорий.

Кроме того, как указывает в научном труде «Политико-правовое развитие Российского государства в условиях охранительного внутриполитического курса (1870–1890-е гг.)» профессор Н. И. Биюшкина: «… к началу 80-х гг. XIX в. в России происходит значительное усложнение социальной структуры в сторону ее дифференциации и усугубление противоречий между различными категориями населения. Рассмотренный … сложный период социальной трансформации послужил благоприятной средой для развития различного рода оппозиционных течений, формирования террористических революционных организаций, ставивших перед собой цель свержения существующего строя»[2].

Многовековая история российской геополитики дает возможность с полным основанием признать особую роль стратегического положения России в мировом пространстве.

Вся история Российского государства демонстрирует путь от государства-нации (Киевская Русь) через сообщество регионов (раздробленные княжества) к большому содружеству на идеократической основе (Московское царство, потом Российская империя).

---

[1] Палкин А. Г. К вопросу о территориальных претензиях к США // Вестник Челябинского гос. университета. 2009. Вып. 40. С. 41.

[2] Биюшкина Н. И. Политико-правовое развитие Российского государства в условиях охранительного внутриполитического курса (1870–1890-е гг.). Дисс. ... докт. юрид. наук: 12.00.01. Нижний Новгород. 2012. С. 34–35.

Обширность территории и расположение между двух миров сами по себе создали бы проблемы для управления[1].

В научной литературе сложилось мнение об унитарной природе государственно-территориального устройства России. Так, например, исследователи Т. П. Коржихина и А. С. Сенин пишут: «Унитарная Россия складывалась столетиями в результате войн, договорных союзов, добровольного вхождения в нее целых народов, стремившихся обеспечить себе условия для выживания»[2].

Унитарная форма государственно-территориального устройства России определялась как обширностью территории, так и постоянной военной угрозой.

Следовательно, унитаризм в истории России в соединении с самодержавием выступил как наиболее эффективная политико-территориальная форма, обеспечившая сохранение и развитие российской государственности. Однако при изучении истории России встречаются отдельные периоды, характеризующиеся образованием межгосударственных и межкняжеских союзов, получивших особый правовой статус во взаимоотношениях с центральной властью.

Начало стремления России на восток было заложено еще в XV–XVI вв., когда экспансия приобретает наиболее масштабный характер.

Интересную особенность процесса формирования российского государства составляла мирная колонизация территории. На эту специфическую черту региональной политики Российской империи обратил внимания выдающийся русский историк В. О. Ключевский. «История России, – писал он, – есть история страны, которая колонизируется»[3].

---

[1] См.: Лаптева Л. Е. Региональное и местное управление в России (вторая половина XIX века). М.: изд-во ИГиП РАН, 1998. С. 5.

[2] Коржихина Т. П., Сенин А. С. История российской государственности. М.: Фирма «Интерпракс» 1995. С. 185.

[3] Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций. Послесловие, коммент. А. Ф. Смирнова. М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2004. С. 38.

Практически такой же научной позиции, что и В. О. Ключевский придерживался Н. М. Коркунов, который, сравнивая специфику присоединения к Российской империи различных национальных окраин с условиями приобретения западными государствами колоний, отмечал, что в первом случае отсутствовал экономический фактор, во втором случае колонии приобретались для экономической эксплуатации в интересах метрополий. Россия постепенно овладевала своими окраинами на западе и на востоке в силу политических причин – заботясь об обеспечении своего могущества и независимости[1].

Однако, полемизируя с известным российским дореволюционным ученым Н. М. Коркуновым, следует указать на то, что региональную политику определял все-таки экономический фактор. Следовательно, расширение России на запад и на восток происходит с целью обретения контроля над мировыми коммуникациями, источниками сырья и рынками сбыта.

Думается, что в целях повышения эффективного управления регионами, а также совершенствования системы государственного управления в целом Екатерина II своими указами объединяет административно-территориальные единицы (губернии) в группы (генерал-губернаторства).

Следует заметить, что отношения России с кавказскими народами в XVIII в. развивались и укреплялись. В целом продвижение России на Кавказ диктовалось экономическими, политическими и стратегическими причинами. Однако одна из главных целей заключалась в ослаблении влияния Англии в этом регионе.

Огромное значение отводилось политическим и военно-стратегическим факторам. В начале XIX в. под властью Османской империи и Ирана находились значительные территории Закавказья: Турция владела укрепленными пунктами на Черноморском побережье Кавказа (Анапа,

---

[1] Коркунов Н. М. Русское государственное право. Т. 2. Часть особенная. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1897. С. 185.

Сухуми, Поти), ей принадлежали Ахалцихский и Ахалкалакский пашалыки (области, находившиеся под властью паши). Иранские шахи захватили Восточную Армению, контролировали азербайджанские ханства и побережье Каспийского моря. Эти державы вынашивали замыслы полного завоевания Кавказа и покорения кавказских народов. В таких условиях разоренные государства Кавказа не могли надеяться на сохранение своей национальной самобытности. Поэтому стремились добровольно войти в состав Российской империи. На протяжении всего XVIII в. и начала XIX в. усиливается захватническая политика Турции и Ирана, направленная против Грузии. Следовательно, начиная с 70-х гг. XVIII столетия переписка царя Ираклия II о покровительственном союзе с Россией становится особо актуальной. В частности, в 1771 г. в разгар русско-турецкой войны Ираклий II направил в Петербург посольство во главе с католикосом Антони с проектом договора о покровительстве России. Однако ввиду сложной политической обстановки, созданной как внутри России, так и за ее пределами, заключение дружеского договора пришлось отложить. И только после окончания первой Турецкой войны, где грузинские легионеры принимали непосредственное участие, и усиления России на международной арене стало возможным заключение в 1783 г. в городе Георгиевске на Северном Кавказе трактата, что практически спасло грузинский народ от физического уничтожения и сохранило ему православную веру. В соответствии с указанным международным документом Российская империя обязывалась обеспечить территориальную целостность царства и защитить его в случае войны. В свою очередь, царство отказывалось от самостоятельной внешней политики и тем самым принимало покровительство России.

Однако в целом ситуация в этом регионе была сложной. Северный Кавказ к югу от рек Кубань и Терек не подчинялся России. Ситуацию усугубила жесткая централистская позиция наместника Кавказа генерала А. П. Ермолова, который проводил практически бескомпромиссную политику превращения Кавказа в обычный административный район России.

Учитывая указанное замечание, неудивительно, что структура и полномочия учрежденных на Кавказе властно-управленческих институтов не всегда и не в полном объеме совпадали с общегосударственными губернскими учреждениями, хотя фактически «Постановление о внутреннем управлении Грузией» рассматривало Восточную Грузию как полноправную губернию Российской империи, поскольку в рамках этой административно-территориальной единицы, как и в центральных регионах, предусматривался институт генерал-губернаторства, что, в свою очередь, подтверждает мысль об утверждении в этом кавказском регионе российского наместничества[1].

Являясь частью единой системы государственного управления, исполнительная экспедиция верховного грузинского правительства обнаруживала определенное сходство с губернским правлением. Согласно «Учреждениям о губерниях» 1775 г.[2], губернское правление было местом, которое управляет в силу законов всей губернией, а губернатор являлся лишь его председателем. Губернское правление, как и исполнительная экспедиция, фактически рассматривалось в качестве второй исполнительной канцелярии. Поэтому если главой губернского правления был губернатор, то главой исполнительной экспедиции выступал верховный грузинский правитель, статус которого как должностного лица можно было бы соотнести со статусом губернатора, подотчетного генерал-губернатору или верховному главнокомандующему.

Деятельность гражданской экспедиции в Грузии также должна была соответствовать законам Российской империи, хотя при решении гражданских дел экспедиции надлежало основываться на традиционных грузинских обычаях и «Уложении» царя Вахтанга VI[3]. Дела из гражданской

---

[1] Акты, собранные Кавказской Археографической Коммиссиею. Том 1 / Под ред. А. П. Берже. Тифлис: тип. Главн. Упр-я Наместника Кавказского, 1866. С. 432–433.

[2] Именной Указ от 7 ноября 1775 г. «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи», часть первая. Ст. 14.392 // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XX.

[3] Сборник законов грузинского царя Вахтанга VI. Изд. А. С. Френкеля / Под ред. Д. З. Бакрадзе. Тифлис: тип. И. Мартиросянца и «Кавказского Обозрения» (Н. И. Френкель), 1887. 423 с.

экспедиции переносились в общее собрание верховного грузинского правительства таким же порядком, как из российской гражданской палаты в Сенат.

Реформа административно-территориального деления и управления Грузией после ее присоединения в 1801 г. к России заняла одно из центральных мест в правительственной политике Российской империи на Кавказе и в Закавказье. Известно, что административно-территориальное деление является составной частью территориальной организации государства, поэтому в построении его звеньев действие территориального принципа проявляется наиболее отчетливо. Следовательно, правильно проведенная административно-территориальная политика Российской империи по отношению к коренным территориям Грузии могла бы привести к безболезненному для местного населения утверждению в регионе российского наместничества. Кроме того, система территориальной организации охватывает и построение государственного аппарата в центре и на местах.

Политико-территориальное устройство Российской империи имело целью обеспечить удобство административного управления. С одной стороны, составные части России рассматривались как объекты управления, а с другой – региональные и местные органы власти в значительной мере оказывались представителями центра на местах. Утверждение российского управления в Восточной Грузии происходило на основе установления развернутой системы государственных органов, которые прежде всего представляли в исследуемом регионе интересы Российской империи.

Кроме того, к концу XIX в. экономическое положение казачьих войск начало ухудшаться. Это условие было связано с сельским хозяйством. Земля принадлежала государству и находилась в пользовании казачьих войск. Вольный захват земель стал одной из форм формирования казачьего надела.

Захват земель свидетельствовал о желании одного владельца оставить определенный участок земли для постоянного владения за собой[1].

Изменения в использовании земли обычно происходили достаточно спонтанно, в соответствии с жизненными потребностями.

Таким образом, фактическое землевладение в казачьем войске отличалось от определенного государством. Расхождение между юридическим и фактическим понятием нормативной базы землепользования оказало негативное влияние на производительность казачьих хозяйств.

На примере расширения России ясно видно проявление всех семи законов экспансии, сформулированных немецким ученым Ф. Ратцелем в 1901 г.[2] К ним относятся: увеличение протяженности государства по мере развития его культуры и изменение в сферах идеологии, прозелитизма[3] в ходе пространственного роста страны и поглощение расширяющейся державой политических единиц меньшей значимости и т. д.

Мировоззрение Ф. Ратцеля основывается на идеях эволюции и дарвинизма, синтезированных с биологией. Основные категории теории Ф. Ратцеля: «категория пространства» (Raum), «географическое положение государства» (Lage), «потребность в территории», «чувство пространства» (Raumsinn). Государство рассматривается как живой организм, корни которого находятся в земле. Движение истории определяется почвой и территорией. По мнению Ф. Ратцеля, пространство – это политическая сила, детерминированная рельефом, масштабом территории государства, их восприятием народом. Геополитик пришел к выводу, что принципиальным

---

[1] См. подробнее: Биюшкина Н. И. Политико-правовое развитие Российского государства в условиях охранительного внутриполитического курса (1870–1890-е гг.). Дисс. ... докт. юрид. наук: 12.00.01. Нижний Новгород. 2012. 689 с.

[2] Ратцель Ф. Народоведение. В 2 т. М.: типо-лит. тов-ва «Просвещение», 1903. Т. 1. 764 с.

[3] Прозелитизм – от греч. «обращенный, нашедший свое место»; это стремление обратить других в свою веру, стремление к повсеместному установлению поддерживаемой религии, а также деятельность, направленная на достижение этих целей.

является преимущество больших государств над малыми. Он также указал на определяющее значение океанов для развития человеческого общества[1].

Попытка разработать периодизацию истории России под геополитическим углом зрения была предпринята группой исследователей в составе И. В. Алексеевой (Зеленевой), Б. И. Зеленева, В. И. Якунина в процессе совместной работы над монографией о российской геополитической мысли[2]. Основываясь на концепции В. О. Ключевского, были предложены следующие исторические периоды России в аспекте ее геополитики[3]:

– первый период (VIII–XII вв.) – время объединения русских земель вокруг Киевского княжества и возникновение раннерусской государственности;

– второй период (XII–XV вв.) – воплощение городской бинарности во Владимиро-Московской локальной геополитической оси[4];

– третий период (XV – начало XVII вв.) – время целенаправленного объединения русских земель под властью Московского княжества с ярко выраженной имперской направленностью. Заслуживает внимания тот факт, что Москва отличалась от других городов срединным местоположением на перекрестке торговых путей в непосредственной близости к двум первоначальным векторам российского геополитического развития – днепровскому и волжскому. Экспансия Московского княжества, постепенно переросшая из локальной в имперскую, привела к созданию Московской Руси. Известный британский историк Дж. Хоскинг утверждает, что «Московия начала свою имперскую карьеру, впервые покорив и

---

[1] См., например: Политическая мысль Новейшего времени. Персоналии, идеи, концепции: Кратк. справочник / Сост. Михайлова Е. М. Чебоксары: ЧКИ РУК, 2010. С. 27.

[2] Алексеева И. В., Зеленев Е. И., Якунин В. И. Геополитика в России. Между Востоком и Западом (конец XVIII – начало XX века). СПб: изд-во СПбГУ, 2001. С. 18–24.

[3] См., например: Зеленева И. В. Геополитика и геостратегия России (XVIII – первая половина XIX века) / Отв. ред. В. С. Ягья. СПб.: ИД СПбГУ. 2005. 270 с.

[4] Геополитический вектор развития Руси имел меридиальную направленность (Юг – Север) и пространственно-территориальную (в Сибирь и на Дальний Восток). См.: Карганов В. В. Конец ордынского ига. М.: Наука, 1984. 152 с.; Каспэ С. И. Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. М.: «РОССПЭН», 2001, 256 с.

аннексировав независимое нерусское государство, Казанское ханство (1552 г.)»[1]. В конце XVI в. после присоединения к ней Сибири (1582 г.) Русь превратилась в евразийскую империю. Теперь ее площадь значительно превосходила территории всех вместе взятых западноевропейских государств. К середине XVI в. резко снизилась автономность отдельных подсистем государства, и выстроилась жесткая иерархия государственной структуры с политическим и инновационным центром в Москве. Таким образом, как отмечает современный российский научный деятель В. Л. Бабурин, создаются предпосылки для разрешения важнейшей геополитической проблемы государства – уменьшения периферийности как неизбежного фактора отставания[2];

– четвертый период (XVII – первая половина XIX вв.) – формирование российской имперской государственности. Специфика российских территорий на Востоке (Сибирь) обусловила малоперспективность их интенсивного освоения, поэтому приоритетными остаются западное, южное и северное направления российской внешней политики, что наиболее ярко проявилось во время правления Петра I[3]. Следует принять во внимание, что Россия окончательно утвердилась как балтийское государство и присоединила к себе часть украинских и белорусских земель, некогда входивших в Киевскую Русь, именно в результате реформ и военных кампаний Петра I и Екатерины II. В период царствования Екатерины II Россия отвоевала доступ почти ко всему северному побережью Черного моря и стала великой европейской державой, способной реализовывать общеправославную программу. В царствование Александра I, Николая I и

---

[1] Хоскинг Дж. Россия: Народ и империя (1552–1917) / Пер. с англ. С. Н. Самуйлова. Смоленск: Русич, 2001. С. 16.

[2] Бабурин В. Л. Эволюция российских пространств: от Большого взрыва до наших дней (инновационно-синергетический подход). М.: Едиториал УРСС 2002. С. 169–170.

[3] См.: Бобылев В. С. Внешняя политика России эпохи Петра I: монография. М.: изд-во УДН, 1990. С. 84.

Александра II геополитическое пространство России также продолжало расширяться[1];

– пятый период (последняя треть XIX в. – 1917 г.) можно определить как империалистический[2]: потребность в сырье для быстро развивавшейся экономики побудила русское правительство начать освоение Сибири и Дальнего Востока, а также завершить колонизацию Кавказа и Центральной Азии как источника дешевого хлопка для текстильных предприятий страны. В области внешней политики Россия пыталась расширить зону своего влияния, создать военные союзы (Антанта) для борьбы со своими геополитическими соперниками. При этом концепции панправославия и панславизма начали замещаться «евразийством», которое приняло законченные формы после Октябрьской революции в работах русских мыслителей-эмигрантов;

– шестой период (эпоха Советского государства, охватывающая временной интервал 1917–1991 гг.) – сохраняется мессианская консервативная и идеалистическая сущность внешней политики страны, но на совершенно иной идеологической основе. СССР в течение нескольких десятилетий воспринимал себя как государство, окруженное врагами, своего рода осажденную крепость. Истоки такого видения своего положения в мире уходили в глубь веков, когда страна постоянно подвергалась экспансии. При этом безоговорочно поддерживался любой режим, который декларировал оппозиционность буржуазному Западу, прежде всего – Соединенным Штатам Америки. Подобная позиция предопределила создание вокруг СССР после Второй мировой войны пояса государств-сателлитов и способствовала утверждению двухполюсной системы международных отношений. Она вела к безудержной гонке вооружений и постоянному экономическому перенапряжению страны, жившей в мобилизационном режиме. Такой курс

[1] Сирота Н. М. Геополитика (Краткий курс). СПб.: Питер, 2006. С. 120.
[2] Там же. С. 121.

явился одной из фундаментальных причин драматического распада СССР в 1991 г.

Таким образом, под действием природно-географических и культурных факторов в стране сформировались определенные геополитические традиции. Важнейшей чертой российской колонизации является центральная роль государства и его администрации в управлении, развитии и даже заселении нерусских территорий. Освоение, постоянное расширение территории империи – это ведущий региональный процесс России, что сближает ее с переселенческими странами, такими, как например, США и Канада.

Проблема продажи Аляски становится особенно актуальной и в современный период в связи с вопросами уступки и присоединения (отделения) территорий в масштабах таких государств, как Российская Федерация, Украина, Испания, Великобритания и др. Факт передачи Аляски в собственность США имеет столь важное значение, что последствия этой сделки еще долго будут сказываться на мировой геополитике. На этих моментах следует остановиться в следующей главе.

В рамках настоящей работы автор считает целесообразным более подробно разобрать четвертый период согласно представленной выше периодизации ученых – формирование российской имперской государственности и становление российских колоний.

Территория Российского государства начала расширяться на восток за Уральский хребет в XVI в. Поначалу власть к этому процессу отношения не имела. Ее притязания ограничивались установлением контроля над волжским торговым путем. Экспансию Сибири и Дальнего Востока российские купцы начали самостоятельно по своей собственной инициативе, которую государство не сдерживало, при этом оставаясь в стороне от процесса.

Присоединением Сибири занимались вольные люди, нанятые на купеческие деньги[1]. За купцами на присоединенные территории устремлялся народ.

В XVIII–XIX вв. российское правительство предпринимает попытки колонизовать не только Западную, но и Восточную Сибирь. Так, в 1733 г. было издано правительственное распоряжение о заселении Охотска в целях развития хлебопашества. Однако хлеб в суровых климатических условиях постоянно погибал, а сами поселенцы находились в очень бедственном положении. Основным источником дохода являлся пушной промысел.

Во второй половине XIX в. Забайкальская область продолжала иметь военно-стратегическое, политическое и экономическое значение.

В таком регионе, где значительное число жителей было неправославным, самодержавие было заинтересовано в скорейшем приобщении инородцев к русской государственности. Эта политика выразилась в унификации управления русским крестьянством и инородцами. То есть на протяжении этого периода власть стремилась ликвидировать особое положение коренного населения[2], узаконенное Уставом «Об управлении инородцев» 1822 г.[3]

Администрация Сибири и имперское правительство в то же время не могли не учитывать геополитическое положение Забайкалья и самобытное мироощущение коренного населения. Так как невозможно было изменить положения Устава, предпринимались меры по увеличению льгот для тех инородцев, кто принимал православие.

В отношении Сибири в недрах имперской бюрократии довольно долго шел спор: считать Сибирь частью Империи или ее колонией. Не в последнюю очередь данный спор затянулся из-за того, что освоение Сибири

---

[1] Кагарлицкий Б. Ю. Периферийная империя: циклы русской истории. М.: Алгоритм, изд-во Эксмо, 2009. С. 223.

[2] Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – нач. XX в.). Иркутск: изд-во Ирк. ун-та, 1986. 168 с.

[3] Высочайше утвержденный Устав «Об управлении инородцев» от 22 июля 1822 г. Ст. 29.126 // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXXVIII.

ввиду огромных пространств, сурового климата и практической незаселенности края происходило военными методами. Московское правительство управляло этой «частью света» с помощью Сибирского приказа – ведомства, родившегося из чети дьяка Варфоломея Иванова и просуществовавшего вплоть до введения в действие в Сибири в 1783 г. Именного указа Екатерины II от 7 ноября 1775 г.[1] Интересно отметить также и тот факт, что пережиток приказной системы в Сибири – Тюремный приказ – продержался здесь вплоть до 1904 г.

Поскольку пушной рынок оказался в руках англичан и голландцев, то российским купцам с целью получения прибыли пришлось продвигаться до берегов Америки. В течение XVII в. русские промышленники и служилые люди дошли до берегов Тихого океана, Камчатки и Курильских островов. Североамериканские товары начали попадать в Россию еще в конце XVII в. Непосредственно торговые контакты между Российской империей и Северной Америкой начали устанавливаться с середины XVIII в. В XVIII в. восточному направлению политики начали уделять пристальное внимание. При Петре I еще в 1698 г. был подписан контракт на поставку в Россию виргинского табака, ввозом которого на российский внутренний рынок занималась английская компания. Также Петр I создавал опорные пункты на Дальнем Востоке, укреплял торговые связи с Китаем и пытался завязать отношения с Японией.

Как известно, русские колонии начали формироваться в 1784 г., когда рыльский купец Г. И. Шелихов создал на острове Кадьяк у берегов южной части Аляски первое постоянное русское поселение в Америке[2], хотя сама Аляска была открыта в результате экспедиций 1732 г. и 1741–1742 гг., а в 1766 г. шесть западных Алеутских островов вошли в состав Российской империи по указу Екатерины II. В этих действиях явно прослеживается

---

[1] См.: Именной Указ от 7 ноября 1775 г. «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи», часть первая. Ст. 14.392 // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XX.

[2] Шелихов Григорий Иванович – Колумб Российский: библиограф. указ. / Сост. А. А. Кравченко; рук. Г. С. Дрожжина. Иркутск: Ирк. колледж культуры, 2010. С. 16–26.

экономическая подоплека. Главным экономическим стимулом колонизации Америки было производство ценных мехов для продажи в Китае и России.

В годы правления императрицы Екатерины II в фокусе внешней политики оказались южное и западное направления, а Дальний Восток остался полигоном для апробации инициативы отдельных коммерсантов. Переход правительства Екатерины Великой к принципам свободной торговли и отказ от системы привилегий способствовали развитию частной инициативы в Тихоокеанском бассейне. Специальное царское распоряжение поощряло частный промысел «мягкой рухляди». При этом наиболее важной особенностью российской колонизации является центральная роль государства и его администрации в сфере управления, развития. Освоение территорий и постоянное расширение империи – ведущий российский региональный процесс, который приближает Россию к переселенческим странам, таким, как например, США и Канада.

Купцы освобождались от государственной службы, им прощались долги, обеспечивалась поддержка со стороны местных генерал-губернаторов и царских чиновников.

На пушном Тихоокеанском рынке действовали купеческо-промысловые компании. К созданию объединений купцов приводила нехватка собственных капиталов и большой риск действовать в одиночку. Работало незыблемое правило: прямой капитал значительно превосходил оборотный. Сложившаяся практика ведения и организации промысла была очень непростой. Для вояжа требовалось подобрать промышленников и рабочих людей, построить суда, закупить все необходимое. Затраты исчислялись десятками тысяч рублей. При отправке экспедиции между участниками подписывался специальный документ – валовой контракт[1], состоящий из трех частей: условий договора, обязанностей компаньонов, договора купцов с промышленниками. Финансовая сторона договора базировалась на степени

[1] Петров А. Ю. Наталия Шелихова у истоков Русской Америки. М.: изд-во «Весь Мир», 2012. С. 199.

долевого участия по паям и акциям. Паи были двух видов – валовые и суховые. Валовые паи определяли участие купцов и промышленников (индивидуальное или совместное) и составляли большинство. Паи, принадлежащие целиком купцу или промышленнику, встречались только в 60–70-х гг. XVIII в., а к концу века стали исключением. Паи людей, формально не участвующих в добыче (шкипер, мореход, священник), относились к суховым и составляли не более 10%. После определения паевой доли составлялся контракт. К 80-м гг. XVIII в. на пушном рынке активно действовали около 10 купеческих компаний.

В ведении финансовых дел каждой компании было много непродуманных позиций и путаницы. Несмотря на то, что в России в этот период начинают переводиться и публиковаться книги по передовым методам бухгалтерского учета, купцы не спешили овладевать новинками. Они предпочитали действовать на основе приемов, выработанных на практике. В рассматриваемый период не существовало единых норм составления контрактов, годовых балансов и прочих финансовых документов. Также отсутствовал единообразный продуманный механизм проверки финансовой состоятельности компании.

Во второй половине XVIII в. предприимчивые торговцы основали русские поселения в Америке – на Аляске и соседних островах.

Аляска становится местом экономической активности населения, как постоянного, так и торговцев. Аляска – экономически активно развитый регион – попала в поле зрения как правительства, так и частных инвесторов.

Известно, что первое русское поселение в Северной Америке основал Григорий Иванович Шелихов (1747–1795), названный «Русским Колумбом»[1].

Впоследствии Г. И. Шелихов начал позволять себе бесконтрольное использование капитала. Одним из способов увеличения доходов стала операция по взятию векселей. Большая наличность (80 тыс. руб.) позволяла

---

[1] Шелихов Григорий Иванович – Колумб Российский: библиограф. указ. / Сост. А. А. Кравченко; рук. Г. С. Дрожжина. Иркутск: Ирк. колледж культуры, 2010. С. 4–6.

вести дела с размахом[1]. Согласие на сотрудничество с его компанией Г. И. Шелихову дал каргопольский купец А. А. Баранов (1746–1819). По условиям контракта он стал главным правителем русских поселений компании Шелихова–Голикова[2] в Северной Америке и занимал этот пост 28 лет (1790–1818 гг.).

В промыслах Тихоокеанского бассейна действовало несколько постоянных компаний, которые делили весь район между собой.

В Иркутске одной из самых состоятельных считалась семья Мыльниковых. С 1792 г. начала осуществлять свою деятельность компания Н. П. Мыльникова и сыновей[3].

В 1796 г. Мыльниковы стали инициаторами претворения в жизнь нового коммерческого проекта. К участию в нем были приглашены многие купцы Москвы и Иркутска. Основную деятельность компании должна была составить торговля как на востоке России, так и на территории Русской Америки. Параллельно с этим компаньоны планировали заниматься географическими и геологическими изысканиями на Аляске.

Купеческое объединение получило название Иркутской коммерческой компании, имевшей выборное правление.

На базе Соединенной американской компании 8 июля 1799 г. была образована Российско-американская компания (РАК)[4].

---

[1] Петров А. Ю. Образование Российско-американской компании / Отв. ред. Н. Н. Болховитинов; [Рос. акад. наук, Ин-т всеобщей истории]. М.: Наука, 2000. С. 70.

[2] К 1780-м гг. на Аляске смогли закрепиться только две крупные купеческие компании: Шелихова–Голикова и Лебедева–Ласточкина, между представителями которых шло почти не прекращавшееся соперничество. Оно завершилось в 1798 г., когда представители второй компании (Лебедева–Ласточкина) были вынуждены оставить Америку.

[3] Зырянова М. Ю. К истории образования Российско-американской компании // Русская Америка, 1799–1867: Материалы международной конференции «К 200-летию образования Российско-американской компании» / Отв. ред. акад. Н. Н. Болховитинов. М.: Наука, 1999. С. 168.

[4] Именной Указ, данный Сенату 8 июля 1799 г. «О именовании компании, составившейся для промыслов и торговли по Северо-восточному морю промыслов и торговли Российско-американской компанией». Ст. 19.030 // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXV.

Указ Правительствующему сенату о создании компании с центром в Иркутске под покровительством императора подписал Павел I. Учреждение монопольной компании положило конец частному предпринимательству на российском севере Тихого океана. Одновременно были утверждены «правила» и «привилегии» компании сроком на 20 лет, предоставлявшие ей монопольное право на освоение северо-западного побережья Северной Америки. Первоначально уставный капитал компании состоял из 724 тыс. руб., разделенных на 724 акции. В компанию разрешалось вступать всем российским подданным. Приглашение широких масс населения в акционеры увеличило количество акций еще на тысячу. Компания создавалась не только как промысловая, но и как финансовая организация, занимающаяся не только продажей, но и котировкой акций в условиях отсутствия в России фондовых бирж[1]. Правила продажи акций были запутанны и неточны. «Приращение капитала» не определялось конкретной цифрой. В созданной под «высочайшим покровительством» Российско-американской компании преобладали позиции семьи Шелиховых: М. М. Булдаков возглавил Главное правление компании, а Н. П. Резанов стал ее «корреспондентом» и ходатаем по делам компании[2].

В 1800 г. Главное правление Российско-американской компании было переведено из Иркутска в Санкт-Петербург. Основными держателями акций Российско-американской компании стали высокопоставленные чиновники и богатые дворяне Санкт-Петербурга и Москвы. Главным правителем российских поселений в Америке оставался А. А. Баранов. Российско-американская компания стала первой акционерной внешнеторговой компанией в России. В число ее акционеров входили «высочайшие особы» – император Александр I, вдовствующая императрица Мария Федоровна, а

---

[1] Болховитинов Н. Н. Становление русско-американских отношений (1775–1815). М.: Наука, 1966. С. 306.

[2] См. подробнее: Зырянова М. Ю. К истории образования Российско-американской компании // Русская Америка, 1799–1867: Материалы международной конференции «К 200-летию образования Российско-американской компании» / Отв. ред. акад. Н. Н. Болховитинов. М.: Наука, 1999. С. 160–172.

также известные лица – граф Н. П. Румянцев, адмирал Н. С. Мордвинов и др. Но даже поддержка императорской фамилии и государственные ссуды не могли быстро оздоровить финансовое положение компании, так как ее активы были завышены в два раза.

Специфика Российско-американской компании, существовавшей в особых экономических и политических условиях конкуренции с иностранными державами, определила особый статус алеутов и оптимальный режим, предполагавший наемный труд коренного населения. Неразвитость политической организации и институтов усложняла процесс включения северо-восточных палеоазиатов в систему общероссийских связей, а также создание эффективных органов самоуправления, включенных в механизм государственного устройства, в силу инертности и отставания социальной структуры чукчей, коряков и др., обладавшей слабовыраженными элементами регламентации общественных отношений. Несовершенство политических и социальных институтов обусловило то, что властям довольно долго приходилось довольствоваться номинальным признанием российского подданства северо-восточными палеоазиатами. Попытки русской власти опереться на существовавшие у этих народов социальные и потестарные институты[1] оказались неэффективными из-за отсутствия стабильной политической элиты. Эта же специфика привела к провалу опробованной в Сибири практики контактов с коренными народами.

В период своей деятельности Российско-американская компания не раз заостряла внимание на вышерассмотренном «туземном факторе», отмечая, что не видит перспектив длительного развития Русской Америки даже при

[1] Потестарность – форма организации общественной власти в доклассовых и раннеклассовых обществах, не имевших политических и государственных атрибутов; предполитический характер властных воззрений и действий людей. Социальная опасность потестарности заключается в отрицании общечеловеческих ценностей, прав и свобод людей, в делении общества на «своих» и «чужих», в перерождении демократически избранной власти в деспотические и тоталитарные режимы. См., например: Яценко Н. Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. Серия «Учебники для вузов. Специальная литература». СПб.: изд-во «Лань», 1999 // http://www.slovarnik.ru/html_tsot/p/potestarnost5.html. Дата обращения: 23.04.2015.

поддержке метрополии. Руководство Российско-американской компании считало, что образование новых русских поселений на Аляске может спровоцировать ожесточенное сопротивление аборигенов.

Следует отметить, что численность русского населения в американских колониях не превышала 400–500 человек. Но даже такая малочисленная колония вела довольно плодотворную деятельность. Русские поселения на Аляске были не только очагами предпринимательства и торговли, но также центрами русской православной культуры, оказавшей заметное влияние на коренное население. Всего на американской территории было 15 русских поселений. В конце XVIII в. между русскими жителями американских территорий и инициативными американскими торговцами завязались активные контакты. Тем не менее некоторые исследователи указывают на «демографический фактор», а именно малочисленность русского населения на обширных территориях Аляски, как на решающий при уступке колонии Соединенным Штатам[1].

В то же время практически до начала XVII столетия Россия в торговых отношениях выступала в основном в качестве заемщика. Первыми (1769 г.) и долгое время основными (вплоть до начала XIX в.) нашими инвесторами были голландцы.

При этом следует отметить, что Екатерина II уделяла большое внимание развитию иных кредитных организаций, так как казенные банки не в состоянии были обеспечить стремительно возрастающие потребности промышленников и купцов в кредите. 20 ноября 1772 г. утверждается исполнительное учреждение Вдовьей, Ссудной и Сохранной казны в пользу всего общества[2]. Вдовья казна была организована с целью поддержания женщин, оставшихся без состояния и без помощи в случае потери кормильца.

---

[1] Федорова С. Г. Русское население Аляски и Калифорнии (конец XVIII века – 1867 г.). М.: Наука, 1971. С. 136–147.

[2] «Высочайшее утвержденное генерального плана Императорского воспитательного дома исполнительное учреждение Вдовьей, Ссудной и Сохранной казны, в пользу всего общества» от 20 ноября 1772 г. Ст. 13.909 // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XIX.

Ссудная казна создавалась для «скорого и известного вспоможения впадшим в нечаянную нужду» в противовес существовавшему ростовщичеству (лихоимству). Сохранная казна представляла собой место для приема на безопасное хранение капиталов и документов[1]. В дальнейшем разрабатываются и принимаются охранительные меры от потери капиталов, раздаваемых в проценты из Воспитательного дома и из банков[2]. 5 мая 1783 г. повелевается оставлять в ведении Приказа общественного призрения[3] все принадлежащие ему доходы и расходы[4]. Отсюда становится очевидной социальная направленность финансовой деятельности Российского государства того периода.

18 декабря 1797 г. Павлом I при Государственном ассигнационном банке для развития экспортных операций русского купечества были учреждены три учетные (или эсконтные) конторы[5]: учетная контора на векселя, учетная контора на товары и страховая учетная контора. Согласно уставам конторы организовывались «к усилению и вспомоществованию ремесел и торговли преимущественно русским купцам, заводчикам и фабрикантам»[6].

---

[1] См.: «Высочайшее утвержденное генерального плана Императорского воспитательного дома исполнительное учреждение Вдовьей, Ссудной и Сохранной казны, в пользу всего общества» от 20 ноября 1772 г. Ст. 13.909 // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XIX.

[2] Сенатский указ «О мерах к предохранению от потери раздаваемых в проценты капиталов из Воспитательного дома и из банков» от 18 июня 1773 г. Ст. 13.997 // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XIX.

[3] Приказы общественного призрения были созданы в 1785 г. для руководства благотворительными заведениями в губерниях. Они также выдавали ипотечные ссуды дворянам. Упразднены в 1866 г. с передачей их основных функций земствам.

[4] Сенатский указ «Об оставлении в ведении Приказа общественного призрения всех принадлежащих оному доходов и расходов» от 5 мая 1783 г. Ст. 15.726 // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXI.

[5] Именной Указ, данный Сенату 18 декабря 1797 г. «Уставы учетных контор и страховой конторы при Государственном ассигнационном банке учрежденных». Ст. 18.275 // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXIV.

[6] См.: Именной Указ, данный Сенату 18 декабря 1797 г. «Уставы учетных контор и страховой конторы при Государственном ассигнационном банке учрежденных». Ст. 18.275 // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXIV.

Желая предоставить русскому дворянству большие возможности по выкупу своих родовых имений из залога, Манифестом от 18 декабря 1797 г.[1] Павел I учреждает Государственный вспомогательный банк для дворянства[2], открытие которого осуществляется 14 марта 1798 г.[3]

По инициативе Павла I 19 января 1798 г.[4] была учреждена особая Контора придворных банкиров, цель которой состояла в организации внешнеторговых переводов казенных сумм, платежей и комиссий правительственных структур и частных лиц. До этого в России институт придворных банкиров был развит очень слабо. Первые частные банкиры появились во второй половине XVIII в. в рамках государственных структур Санкт-Петербурга.

25 октября 1798 г. издается Манифест «Об уплате капиталов, занятых из Вспомогательного банка»[5], который регулирует порядок возврата кредита. Создание Вспомогательного банка было кульминацией почти бесконтрольной раздачи государственных средств заемщикам, которые не отвечали критериям кредитоспособности. Из-за таких сумм не было возможности выделять средства на кредитование промышленности и торговли.

---

[1] Манифест от 18 декабря 1797 г. «Об учреждении Государственного вспомогательного банка для дворянства». Ст. 18.274 // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXIV.

[2] Высочайше утвержденный Устав Государственного вспомогательного банка для дворянства, 17 февраля 1798 г. Ст. 18.383 // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXV.

[3] Сенатский указ от 14 марта 1798 г. «Об открытии Главного начальства Государственного вспомогательного банка для дворянства». Ст. 18.435 // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXV.

[4] Именной Указ, данный Государственному казначею 19 января 1798 г. «О назначении негоцианта Бергина в учрежденную для внешних казенных переводов, платежей и комиссий особую Контору». Ст. 18.331 // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXV.

[5] Манифест от 25 октября 1798 г. «Об уплате капиталов, занятых из Вспомогательного банка». Ст. 18.718 // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXV.

19 июля 1802 г. Вспомогательный банк был присоединен к Государственному заемному банку под названием 25-летней Экспедиции[1], а с 1818 г. последняя влилась в Государственный коммерческий банк[2], начавший свою деятельность годом ранее[3].

Большое внимание Александр I уделяет и Приказам общественного призрения. 30 июля 1802 г. издается Указ «О доставлении пособия Приказу общественного призрения из процентов, получаемых Государственным заемным банком, и о составлении особого капитала для содержания процентами с оного 25-летней Экспедиции»[4].

Продолжая политику борьбы с неплательщиками по кредитам, 31 июля 1802 г. Александр I издает Указ «О немедленном исполнении Присутственным местам требований Вспомогательного банка относительно взыскания с заемщиков за просрочку взноса процентных денег»[5].

6 августа 1802 г. выходит в свет Именной Указ Сенату «О раздаче из Приказов общественного призрения капиталов в проценты на таком основании, как раздаются капиталы Сохранной казны»[6]. Но и в этом

---

[1] Именной Указ, данный Сенату 19 июля 1802 г. «О присоединении Государственного вспомогательного банка для дворянства к Заемному банку под названием 25-летней при нем Экспедиции, и о штате оной Экспедиции». Ст. 20.336 // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXVII.

[2] Высочайше утвержденный Устав Государственного коммерческого банка от 7 мая 1817 г. Ст. 26.837 // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXXIV.

[3] Печерин Я. И. Исторический обзор правительственных, общественных и частных кредитных установлений в России. СПб.: тип. В. Ф. Киршбаума, 1904. С. 21.

[4] Именной Указ, данный Государственному казначею графу Васильеву 30 июля 1802 г. «О доставлении пособия Приказу общественного призрения из процентов, получаемых Государственным заемным банком, и о составлении особого капитала для содержания процентами с оного 25-летней Экспедиции». Ст. 20.348 // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXVII.

[5] Сенатский указ от 31 июля 1802 г. «О немедленном исполнении Присутственным местам требований Вспомогательного банка относительно взыскания с заемщиков за просрочку взноса процентных денег». Ст. 20.356 // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXVII.

[6] Именной Указ, данный Сенату 6 августа 1802 г. «О раздаче из Приказов общественного призрения капиталов в проценты на таком основании, как раздаются капиталы Сохранной казны». Ст. 20.362 // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXVII.

направлении развития кредитной политики государства Александр I идет далее. Он продолжает начатую еще Екатериной II организацию кредитных учреждений, которые в качестве средств существования использовали не только казенные ресурсы, но и частные пожертвования, средства вкладчиков.

1 февраля 1803 г. утверждаются проекты «Об учреждении вдовьих домов, казен и больниц»[1]. 23 октября 1803 г. публикуется Указ «О выдаче по шести процентов с капиталов, вносимых в Сохранную казну из Приказов общественного призрения»[2]. 20 мая 1805 г. следует Указ «О принятии из Тобольского, Иркутского и Томского приказов общественного призрения капиталов для обращения в Государственный заемный банк и о производстве из оного им шести процентов ежегодно»[3]. 15 мая 1806 г. издан Указ калужскому гражданскому губернатору «Об отдаче сумм в Приказ общественного призрения от раздачи дворянству остающихся в заимообразную ссуду купечеству», в котором указывалось следующее: «...суммы, в Приказ общественного призрения от раздачи дворянству остающиеся, отдавать в заимообразную ссуду желающим из купечества, под залог каменных домов, фабрик, лавок и прочих заведений. О цене благонадежности сих залогов брать удостоверения от Гражданской Думы и магистрата»[4]. 3 октября 1806 г. выходит Указ «О платеже процентов на капиталы Приказов общественного призрения, вносимые в Государственные

---

[1] Высочайше утвержденные проекты «Об учреждении вдовьих домов, казен и больниц» от 1 февраля 1803 г. Ст. 20.607 // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXVII.

[2] Именной Указ, данный Санкт-Петербургскому гражданскому губернатору Кушникову 23 октября 1803 г. «О выдаче по шести процентов с капиталов, вносимых в Сохранную казну из Приказов общественного призрения». Ст. 21.005 // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXVII.

[3] Именной Указ, данный Министру финансов 20 мая 1805 г. «О принятии из Тобольского, Иркутского и Томского приказов общественного призрения капиталов для обращения в Государственный заемный банк и о производстве из оного им по шести процентов ежегодно». Ст. 21.762 // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXVIII.

[4] Именной Указ, данный Калужскому гражданскому губернатору 15 мая 1806 г. «Об отдаче сумм в Приказ общественного призрения от раздачи дворянству остающихся в заимообразную ссуду купечеству». Ст. 22.126 // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXIX.

заемные банки»[1], а 19 октября того же года – Указ, данный Астраханскому военному губернатору, Главноуправляющему Грузией графу Гудовичу «О раздаче сумм Кавказского приказа общественного призрения под залоги виноградных садов и деревянных строений»[2].

Указом от 22 марта 1808 г. «О взносе прибавочной четверти процента на купеческие капиталы до утверждения штатов о жаловании служащим по выборам от купечества в Приказы общественного призрения для приращения процентами»[3] и Указом от 6 марта 1809 г., данным Министру внутренних дел князю Куракину «О правилах раздачи капиталов в заем из Приказов общественного призрения»[4], определен порядок приема средств во вклады и раздачи в кредиты из данных кредитных учреждений. 4 июля 1817 г. публикуется Указ, данный Санкт-Петербургскому военному генерал-губернатору «О возвышении цены на недвижимые имения, принимаемые в залог Приказами общественного призрения»[5], а 24 октября того же года выпускается Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О процентах в пользу Приказов общественного призрения с частных сумм в

---

[1] Именной Указ, данный Министру финансов 3 октября 1806 г. «О платеже процентов на капиталы Приказов общественного призрения, вносимые в Государственные заемные банки». Ст. 22.307 // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXIX.

[2] Именной Указ, данный Астраханскому военному губернатору, Главноуправляющему Грузией графу Гудовичу «О раздаче сумм Кавказского приказа общественного призрения под залоги виноградных садов и деревянных строений» 19 октября 1806 г. Ст. 22.323 // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXIX.

[3] Именной Указ, данный Сенату 22 марта 1808 г. «О взносе прибавочной четверти процента на купеческие капиталы до утверждения штатов о жаловании служащим по выборам от купечества в Приказы общественного призрения для приращения процентами». Ст. 22.913 // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXX.

[4] Именной Указ, данный Министру внутренних дел князю Куракину «О правилах раздачи капиталов в заем из Приказов общественного призрения» 6 марта 1809 г. Ст. 23.520 // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXX.

[5] Именной Указ, данный Санкт-Петербургскому военному генерал-губернатору «О возвышении цены на недвижимые имения, принимаемые в залог Приказами общественного призрения» 4 июля 1817 г. Ст. 26.955 // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXXIV.

оные поступающих»[1]. На основании данного документа устанавливалось, что «при возвращении из Приказов общественного призрения капиталов, в каком бы случае они туда ни поступили, выдавать пять процентов; а в пользу Приказов оставлять один процент»[2].

7 мая 1817 г. принимается Устав Государственного коммерческого банка[3]. По своей организации Государственный коммерческий банк представлял собой учреждение, которое отвечало нуждам коммерческого и промышленного кредита. В процессе своей деятельности Государственный коммерческий банк с 10 отделениями в главных городах России не оправдал возлагавшихся на него надежд. Из всех разрешенных ему операций существенное распространение получили лишь вклады, в то время как количество других операций было ничтожно мало[4].

Отечественная война 1812 г. приостановила деятельность Заемного банка. Из-за существенных затрат на военные нужды его капиталы были обращены на подкрепление средств Государственного казначейства. В 1822 г. была возобновлена выдача из Заемного банка новых ссуд под залог недвижимых имений в незначительных размерах и исключительно по особым Высочайшим повелениям.

3 июля 1824 г. утверждена записка Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны «О новом постановлении займов из сохранных казен под залог деревень», которая гласила следующее: «Сроком 24 года ... под залог недвижимых имений платежом в течение года

---

[1] Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 24 октября 1817 г. «О процентах в пользу Приказов общественного призрения с частных сумм в оные поступающих». Ст. 27.105 // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXXIV.

[2] См.: Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 24 октября 1817 г. «О процентах в пользу Приказов общественного призрения с частных сумм в оные поступающих». Ст. 27.105 // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXXIV.

[3] Высочайше утвержденный Устав Государственного коммерческого банка от 7 мая 1817 г. Ст. 26.837 // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXXIV.

[4] Боровой С. Я. Кредит и банки России (сер. XVII в. – 1861 г.). М.: Госфиниздат, 1958. С. 217–222.

6 процентов и 2 процентов за погашение капитала...»[1]. Новое положение банка оказало заметное влияние на расширение его операций. 5 декабря 1824 г. III Отделение Канцелярии Министерства финансов было переименовано в Особенную Канцелярию по кредитной части[2].

При Николае I также было издано немало узаконений по кредитной части. Так, 1 января 1830 г. выходит Манифест «О вкладах и ссудах в банковых установлениях»[3], в соответствии с которым пересматривались правила о займах.

Необходимо отметить, что подъем торгово-промышленной жизни России начала второй половины XIX столетия, особенно 1855–1859 гг., «о которых решительно все участники нашей промышленности и коммерческой деятельности говорят как о золотом времени»[4], предрешил судьбу российских кредитных установлений. В России наступал период либеральных реформ. Было решено, что «система наших банковских установлений … (является) вынуждающей Правительство находиться постоянно в тягостной необходимости или жертвовать интересами кредитной нашей системы, или задерживать экономическое развитие государства»[5].

---

[1] Высочайше утвержденная записка Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны «О новом постановлении займов из сохранных казен под залог деревень», 3 июля 1824 г. Ст. 29.937 // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXXIX.

[2] Именной Указ, данный Сенату «О переименовании III Отделение Канцелярии Министра финансов Особенной Канцелярией по кредитной части» 5 декабря 1824 г. Ст. 30.139 // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXXIX.

[3] Манифест от 1 января 1830 г. «О вкладах и ссудах в банковых установлениях». Ст. 3399 // ПСЗРИ. Собр. 2. СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1831. Т. V. Отд. I.

[4] Безобразов В. П. О некоторых явлениях денежного обращения в России в связи с промышленностью, торговлей и кредитом. М.: Унив. тип., 1863. С. 21.

[5] Безобразов В. П. Об устройстве поземельного кредита в империи и о занятиях Комиссии, Высочайше утвержденной 10 июля 1859 г. для устройства земских банков. Записка члена – управляющего делами Комиссии В. П. Безобразова, представленная г-ну Министру финансов в мае 1861 г. СПб.: изд-е Комиссии для устройства земских банков, 1861. С. 5.

Новая банковская система России во главе с ее Государственным банком строилась на уже существующих уставах общественных кредитных учреждений.

Невзирая на все усилия, со второй половины XIX в. в России наблюдается особенно острая нехватка ресурсов. Были получены значительные средства из-за границы, в основном для развития тяжелой промышленности и железнодорожного транспорта. Доля иностранного капитала (французского, бельгийского, английского и немецкого) и инвестиций в экономику страны превысила 72%. Серьезный дефицит государственного бюджета создавал значительные экономические и финансовые трудности как в деятельности Российско-американской компании, так и метрополии. Этому также способствовала торгово-экономическая экспансия американцев и англичан – китобоев, контрабандистов, золотоискателей, торговцев – у берегов Русской Америки и в ее территориальных водах.

Именно к данному периоду времени относится и рассматриваемая сделка об уступке Аляски: 18 (30) марта 1867 г. было подписано соглашение с США, по которому земля была продана за 7,2 млн. долларов[1]. Царская Россия с Александром II на престоле была не в состоянии обеспечить оборону русских поселений в Северной Америке. В то же время Российская империя в значительной степени основывалась на поддержке американцев в борьбе за ликвидацию неблагоприятных условий Парижского мирного договора 1856 г., заключенного по результатам Крымской войны. Именно поэтому из двух кандидатов на Аляску – Англии и США – предпочтение было отдано последним.

Пиком сближения между Россией и США стали 1860-е годы. Это период гражданской войны в США и Польского восстания 1863–1864 гг. Тогда Россия и Северная Америка имели общего врага – Англию, которая

---

[1] Сборник пограничных договоров, заключенных Россией с соседними государствами. СПб : тип. Тренке и Фюсно, 1891. С. 299–303.

поддерживала южан и польских повстанцев. Для противостояния действиям британского флота в 1863 г. в Нью-Йорк прибыла Балтийская эскадра во главе с контр-адмиралом С. С. Лесовским, а в Сан-Франциско – Тихоокеанская эскадра контр-адмирала А. А. Попова. Базируясь в США, русские моряки в случае войны должны были парализовать британскую морскую торговлю.

По мнению многих ученых, одним из основных факторов уступки Русской Америки в 1867 г. стала внешняя угроза. Так, в целом можно согласиться с академиком А. А. Фурсенко, который писал о том, что продажа Аляски США в 1867 г. явилась закономерным результатом ослабления самодержавия, его неспособностью отстаивать свои дальние владения на Американском континенте и эффективно управлять ими[1].

О значении внешних угроз русским колониям в Америке писали и другие отечественные (А. И. Крушанов, Ю. А. Сем, И. Г. Стрюченко[2], Е. В. Алексеева[3]) и зарубежные авторы (C.-M. Nashke, H. E. Slotnick[4], I. Vinkovetsky[5]), а в официальных российских документах, связанных с продажей Аляски, этот момент выделялся как решающий. Тем не менее в последнее время отмечается, что фактор внешней угрозы (т. е. опасность иностранной военной экспансии) должен быть признан несостоятельным.

Естественно, продвижение русских в Новом Свете не осталось незамеченным другими европейскими державами, в первую очередь

---

[1] Фурсенко А. А. Гражданская война и Реконструкция // История США. Т. 1. 1607–1877. М.: Наука, 1983. С. 505.

[2] Крушанов А. И., Сем Ю. А., Стрюченко И. Г. Экономическое развитие Дальнего Востока в XVIII – первой половине XIX в. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). М.: Наука, 1991. С. 126.

[3] Алексеева Е. В. Русская Америка. Американская Россия? Екатеринбург: УрО РАН, 1998. С. 81.

[4] Nashke C.-M., Slotnick H. E. Alaska: A History of the 49th State. Norman, Oklahoma: University of Oklahoma Press, 1987. P. 61, 275.

[5] Vinkovetsky I. Russian America: An Overseas Colony of Continental Empire, 1804–1867. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 183.

Испанией, которая претендовала на западный берег Америки от Огненной Земли до Берингова пролива[1].

Несмотря на дружеские отношения, Испания и Российская империя в равной степени полагали, что территории Северо-Западной Америки находятся в сфере их владений[2].

Впрочем, необходимо отметить, что опасность нападения противника все же нависла над русскими владениями в Америке (со стороны Швеции) во время русско-шведской войны 1788–1790 гг. В начале службы свои услуги в качестве капера[3] предложил короне Швеции английский предприниматель, капитан 16-пушечного брига «Меркурий» Дж. Г. Кокс. Он пообещал шведам разорить русские поселения на побережьях Америки и Азии. Получив королевский патент и переименовав свой корабль в честь шведского короля Густава III, Дж. Г. Кокс уже в конце октября 1789 г. подошел к о. Уналашка, где находилось несколько групп российских промышленников, добывающих меха на Алеутских островах. Они ничего не знали о войне, которая вспыхнула в Европе, и без страха общались с Дж. Коксом и его командой. Англичанин не предпринимал враждебных действий и обходился вполне дружелюбно, а затем отправился на юг[4].

---

[1] Гринев А. В. Внешняя угроза Русской Америке: миф или реальность // Новая и новейшая история. 2012. № 3. С. 109.

[2] См., например: Альперович М. С. Завершение испанской колонизации Америки в XVIII в. // Новая и новейшая история. 1993. № 5. С. 53–63; История Русской Америки (1732–1867). Т. 1. Основание Русской Америки (1732–1799) / Отв. ред. Н. Н. Болховитинов. М.: Междунар. отн-я, 1997. С. 287–293; Cook W. L. Flood Tide of Empire: Spain and Pacific Northwest, 1543–1819. New Haven and London: Yale University Press, 1973. 620 p. и др.

[3] Каперы (корсары, приватиры) (нем. Kaper, фр. corsaire, англ. privateer) – частные лица, которые с разрешения верховной власти воюющего государства использовали вооруженное судно (также называемое капером, приватиром или корсаром) с целью захвата торговых кораблей неприятеля, а в отдельных случаях – и нейтральных держав. То же название используется для обозначения членов их команд // https://ru.wikipedia.org/wiki/Каперы. Дата обращения: 20.05.2015. См. также: Даневскии□ В. П. Мысли о каперстве и морской войне // Юридический вестник. 1878. № 4. С. 459–489.

[4] Mortimer G. Observations & Remarks Made During a Voyage … in the Brig Mercury, commanded by John Henry Cox, Esq. London: printed for the author, 1791. Reprint Amst., 1975. P. 58–63.

Российские власти с опозданием отреагировали на «шведско-английскую» угрозу. Генерал-губернатор Иркутского и Колыванского наместничеств И. А. Пиль, получив известие о предполагаемом рейде Дж. Г. Кокса в северной части Тихого океана, 23 февраля 1790 г. предупредил главу правительственной морской экспедиции капитана 2-го ранга И. И. Биллингса об опасности[1]. К тому времени команда Дж. Кокса уже покинула Аляску.

Таким образом, в 1789–1790 гг. российские колонии впервые столкнулись с реальной угрозой внешней агрессии. Ведь если бы Дж. Кокс начал военные действия, последствия могли быть весьма серьезными. Английский капитан вполне мог воспользоваться преимуществами артиллерии, скоростью судна и навыками экипажа, без особого труда сжег и подбил бы плохо вооруженные боты и галеоны промышленников и опустошил бы их небольшое поселение на берегу острова.

После ухода из региона шведского капера потенциальная угроза русским владениям в Америке не исчезла, так как Российская империя после Французской революции 1789 г. была втянута в различные военные коалиции, которые формировались в Европе. Однако опасность нападения французов в Русской Америке была маловероятна из-за фактического отсутствия флота в акватории Тихого океана. К тому же временные союзники французов – испанцы – были слабы, и у них отсутствовала инициатива.

Основным соперником России на Тихоокеанском севере с конца XVIII в. считалась Англия. После третьей кругосветной экспедиции (1776–1780 гг.) знаменитого капитана Джеймса Кука британские купцы устремились на северо-западное побережье Америки за пушниной. Они часто плавали в водах южной и юго-восточной Аляски. Сближение России с наполеоновской Францией в конце царствования Павла I могло спровоцировать британцев на

---

[1] Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в.: сб. документов / Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР, Центр. гос. архив Военно-Мор. Флота СССР; [сост.: Т. С. Федорова (отв. сост.), Л. В. Глазунова, Г. Н. Федорова]. М.: Наука, главная ред. вост. лит-ры, 1989. С. 263–264, 361.

враждебные действия против российских колоний. Однако убийство императора при поддержке посла Великобритании в Санкт-Петербурге и проанглийская ориентация нового царя Александра I на несколько лет отодвинули опасность столкновения с Англией.

С серьезной угрозой со стороны Великобритании российские колонии столкнулись позже, после заключения Александром I Тильзитского мирного договора с Наполеоном в 1807 г., а также при проектировании франко-русского альянса. Последовал разрыв дипломатических отношений между Россией и Великобританией, что положило начало англо-русской морской войне, которая, однако, была довольно вялотекущей и не вызвала значительные потери.

Что касается США, то купеческие корабли американцев не представляли серьезной угрозы для столицы Русской Америки: это были небольшие бриги с несколькими малокалиберными орудиями и малым по численности экипажем. Поэтому торговые суда Соединенных Штатов не могли стать серьезной силой. Военно-морской флот США в то время также был малочисленным и практически не располагал большими кораблями.

Поскольку российские суда приходили редко и нерегулярно, Российско-американская компания была вынуждена закупать продукты и товары у иностранных торговцев, в первую очередь у американцев[1].

Говоря о внешней угрозе русских владений на Аляске, нельзя не упомянуть об определенном обострении дипломатических отношений между Россией, Соединенным Королевством и Соединенными Штатами в начале 1820-х гг. При активном лоббировании Российско-американской компании царское правительство приняло беспрецедентное решение раздвинуть на юг территорию Русской Америки и запретить иностранным судам подходить к ее берегам в пределах 100 итальянских миль. Соответствующий Указ был

---

[1] См. подробнее: Gibson J. R. Imperial Russia in Frontier America: The Changing Geography of Supply of Russian America, 1784–1867. New York and Oxford: Oxford University Press, 1976. 257 p.

подписан императором 4 (16) сентября 1821 г.[1] Подобным образом Российско-американская компания надеялась исключить торговых конкурентов, скупавших пушнину у индейцев Юго-Восточной Аляски, и в то же время остановить поставки огнестрельного оружия и боеприпасов, обеспечив безопасность российских поселений[2].

Кроме того, поражение России в Крымской войне 1853–1856 гг. также сыграло особую роль в вопросе продажи Аляски, поскольку в государстве происходило обострение социального положения народных масс, что в очередной раз обусловило постановку вопроса о необходимости проведения реформ в стране.

Политический кризис государственности после Крымской войны привел к необходимости переустройства всего государственного аппарата России, поскольку его основные звенья (управление армией, суд, полиция, цензура, финансовые органы) к середине XIX в. оказались неспособны справляться со своими задачами.

В деятельности министерств этот период характеризуется серьезной реструктуризацией системы государственного управления с явным соединением отраслевого и функционального принципов в организационном выстраивании министерств. Именно в это время возросла роль министерств в осуществлении назревших реформ (крестьянская, судебная, военная и т. д.). Структура министерств «подстраивалась» под реформируемые общественные отношения для последующей их реализации.

В министерствах создавались новые подразделения, менялась организационная структура. Наряду с трансформацией отраслевой сферы

---

[1] Именной Указ, данный Сенату «О приведении в исполнение постановления о пределах плавания и о порядке приморских сношений вдоль берегов Восточной Сибири, Северо-Западной Америки и островов Алеутских, Курильских и прочих» 4 сентября 1821 г. Ст. 28.747 // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXXVII.

[2] См. подробнее: Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы российского Министерства иностранных дел / Отв. ред. А. Л. Нарочницкий. М.: Наука, 1982, сер. II (1815-1830), т. 5(13). С. 88; Болховитинов Н. Н. Становление русско-американских отношений (1775–1815). М.: Наука, 1966. С. 168–182.

полномочий министров и вверенных им министерств обозначалось функциональное назначение последних.

Реформы 60–70-х гг. XIX в. стали важной вехой в истории России. В их основе лежала планомерная политика правительства. В течение 30–40 гг. XIX в. правительство проделало большую подготовительную работу в рассматриваемом направлении. Однако решающим фактором, побудившим администрацию приступить к реформированию, стал рост социальной напряженности и значительный общественно-политический подъем конца 50-х – начала 60-х гг. XIX в. Огромную роль сыграло и поражение в Крымской войне, показавшее бессилие политического режима.

Помимо этого, одной из предпосылок уступки Аляски являлось ее географическое положение, и, как следствие, трудности снабжения из метрополии. Так, в докладе Комитета Российско-американской компании говорилось, что для колонии является характерным экономический застой, при этом «коренную причину этого застоя нельзя не открыть в естественных, климатических и географических условиях края»[1]. Профессор Йоркского университета (Торонто) Дж. Р. Гибсон (J. R. Gibson) отмечал, что крайняя удаленность Русской Америки от Москвы и Санкт-Петербурга сделала ее продажу неизбежной формальностью – слишком дорого обходилась поддержка коммуникаций, в то время как гораздо более благоприятные перспективы открыли перед русскими территории на Амуре и Сахалине. Невозможность развития сельскохозяйственного производства в колониях из-за сурового климата и трудности снабжения несомненно повлияли на решение царского правительства относительно продажи Аляски[2].

Еще одним природным фактором, заставившим Российскую империю продать свои североамериканские колонии, является наличие на Аляске

---

[1] Доклад Комитета об устройстве русских американских колоний. СПб.: тип. Департамента внеш. торговли, 1863. Ч. 1. С. 157–158.

[2] Гибсон Дж. Р. Проблема снабжения продовольствием Русской Америки // История Русской Америки (1732–1867). Т. 3. Русская Америка: от зенита к закату (1825–1867) / Отв. ред. акад. Н. Н. Болховитинов. Пер. Л. М. Троицкой. М.: Междунар. отн-я, 1999. С. 303–304.

золота. Вполне логично было бы предположить, что такая веская причина и побудила царское правительство отказаться от заморских территорий из-за опасений притока иностранных рабочих. Однако специальное исследование профессора А. В. Гринева показало, что в действительности это не сыграло ключевой роли при продаже Русской Америки, так как добыча золота в российский период Аляски была незначительной[1]. Опасения власти были вызваны стикинской «золотой лихорадкой» 1862 г. в соседних английских владениях в Британской Колумбии. Кстати, именно «золотая лихорадка» в верховьях р. Стикин, устье которой находилось в русских владениях, «продемонстрировала всю шаткость положения российских колоний и пренебрежительное отношение к ним со стороны правительства»[2]. Российские официальные документы, имевшие прямое влияние на продажу Аляски, также не содержат информации по данному аспекту.

Таким образом, суммируя вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что наибольшую роль в уступке Аляски сыграли следующие предпосылки:

- Географическая отдаленность колоний и, как следствие, трудности поставки продукции и товаров из центра;
- Суровый климат, невозможность развития сельского хозяйства для обеспечения продовольственных потребностей населения Русской Америки;
- Обнаружение золота на Аляске; это могло спровоцировать приток иностранных золотоискателей и потерю контроля над колонией;
- Крайняя малочисленность русского населения на Аляске (в среднем не более 500 человек);

---

[1] Гринев А. В. Золото Русской Америки: Несостоявшийся Клондайк // Американский ежегодник 2001. М.: Наука, 2003. С. 138–162.

[2] Цит. по: Беляков Д. А. Исследование и анализ причин продажи Аляски США в 1867 году // Юридическая наука и практика: Вестник НА МВД России. Н. Новгород: отд-е полигр. и оператив. печати НА МВД России, 2012. № 19. С. 106.

- Системный кризис Российско-американской компании, требовавшей постоянных государственных субсидий в заключительный период ее деятельности;
- Острый дефицит бюджета в метрополии, потребность в привлечении дополнительного финансирования после поражения в Крымской войне;
- Военная угроза российским колониям в Северной Америке со стороны иностранных держав (в целом трудно согласиться с мнением ряда государственных деятелей середины XIX в. о реальности внешнего вторжения на Аляску, о чем пойдет речь в последующих частях настоящей работы);
- Либеральная идеология как основа внутренней и внешней политики Российской империи в середине XIX в.; потребность финансового обеспечения курса либеральных реформ;
- Стремление России посредством продажи Русской Америки сблизиться с США в целях противодействия Великобритании;
- Направленность основного потока российской колонизации на Дальний Восток, Сахалин, Закавказье и Среднюю Азию;
- Заокеанский характер развития Русской Америки в отличие от традиционного для России «континентального» принципа колонизации;
- Социально-экономический упадок России, которая была не в состоянии конкурировать с другими государствами в Тихоокеанском регионе.

2.2. Разработка проекта соглашения об уступке российских колоний в Северной Америке

Территория является материальной основой государства, его существования, а также его жизненно важным элементом. Именно поэтому

любое государство уделяет особое значение целостности своей территории и охране своих владений.

Провозглашение Указа от 4 (16) сентября 1821 г.[1] о расширении пределов русских границ в Америке до 51-й параллели и о запрете иностранным судам подходить ближе, чем на 100 итальянских миль к берегам владений, было равносильно объявлению закрытыми Охотского и Берингова морей, берега которых полностью принадлежали России[2]. Публикация данного указа спровоцировала протест и серьезное недовольство США и Англии. Так, государственный секретарь США Дж. К. Адамс, получив текст указа, потребовал от российской стороны объяснений. «Этот указ, – писал он, – так сильно затрагивает права Соединенных Штатов и их граждан, что мне поручено запросить, уполномочены ли Вы дать объяснения правовой основы, … которая может подтвердить притязания и правила, содержащиеся в нем»[3].

В официальном российском ответе от имени посланника в Вашингтоне П. И. Полетики было отражено обоснование притязаний Российской империи на северо-западное побережье до 51-й параллели. Законные права России на данные владения базировались на первооткрытии, первозанятии и на праве, которое вытекало из мирного и никем не оспариваемого владения в течение более чем пятидесяти лет, когда Соединенные Штаты еще не заняли свое место среди независимых наций[4].

Тем не менее российское правительство не желало обострять отношения с США и Великобританией и стремилось урегулировать разногласия на

---

[1] Именной Указ, данный Сенату «О приведении в исполнение постановления о пределах плавания и о порядке приморских сношений вдоль берегов Восточной Сибири, Северо-Западной Америки и островов Алеутских, Курильских и прочих» 4 сентября 1821 г. Ст. 28.747 // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXXVII.

[2] Нарочницкий А. Л. Экспансия США на Дальнем Востоке в 50–70-е годы XIX века // Исторические записки. М.: изд-во АН СССР, 1953. Т. 44. С. 133.

[3] АВПРИ. Ф. 170. Оп. 512/3. Д. 21. Л. 138–139.

[4] Цит. по: История Русской Америки (1732–1867). Т. 2. Деятельность Российско-американской компании (1799–1825) / Отв. ред. Н. Н. Болховитинов. М.: Междунар. отн-я, 1999. С. 397.

приемлемой для всех сторон основе. Именно поэтому властями трех держав – России, Великобритании и США – было решено провести переговоры по урегулированию взаимных территориальных притязаний на Северо-Западе Америки. Местом проведения таких переговоров был выбран г. Санкт-Петербург. Необходимо отметить, что на самом деле Александр I не собирался строго придерживаться положений Указа от 4 (16) сентября 1821 г. Император разумно полагал, что в этом отношении не следовало заходить слишком далеко.

В октябре 1822 г. бостонский журнал «North American Review» опубликовал статью под названием «Examination of the Russian Claims on the North West Coast of America» («Изучение русских притязаний в отношении северо-западного побережья Америки»). Автор данной статьи Уильям Стургис, выступая против российского указа 1821 г., подчеркивал важность торговли американских граждан на Тихоокеанском севере и замечал, что Соединенные Штаты «рассматривали бы как серьезную опасность наличие на … западной границе грозного населения, подданных честолюбивого и деспотического правительства»[1].

В мае 1823 г. Уильям Стургис обратил на эту статью внимание сенатора Джеймса Ллойда, который также «принимал деятельное участие в обосновании прав Соединенных Штатов на Северо-Запад Америки»[2]. Сенатор понял, что в результате русского указа от 1821 г. США могли понести значительные убытки. Немногим позже Д. Ллойд отправил президенту Джеймсу Монро письмо с детальной аргументацией важнейшего значения торговых интересов США на северо-западном побережье Америки. Он указывал на необоснованность российских претензий применительно к ее юрисдикции на море и признавал важность доступа к берегам Русской Америки. Данные материалы касались дел государственного департамента и

---

[1] Sturgis W. Examination of the Russian Claims on the North West Coast of America // North American Review. October 1822. No. 37. P. 393.

[2] История Русской Америки (1732–1867). Т. 2. Деятельность Российско-американской компании (1799–1825) / Отв. ред. Н. Н. Болховитинов. М.: Междунар. отн-я, 1999. С. 402.

были незамедлительно переданы президентом Дж. К. Адамсу. Государственный секретарь США в ответном письме сенатору Д. Ллойду от 15 июля 1823 г. поблагодарил последнего от имени президента за предоставленную информацию и впервые в официальной форме выразил «принцип неколонизации»: сомнению подвергались любые владения Российской империи или иных государств Европы на североамериканском континенте[1].

Обозначенный принцип впоследствии лег в основу и стал неотъемлемой частью знаменитой «Доктрины Монро»[2]. Этот документ представлял собой декларацию принципов внешней политики США, провозглашенную 2 декабря 1823 г. на годовом послании американского президента Дж. Монро к Конгрессу, и был направлен на противодействие дальнейшим колониальным завоеваниям в Новом Свете.

Переходя к истории переговоров Российской империи с США и Англией касательно разграничения владений и торговли на Тихоокеанском севере, следует отметить, что русское правительство в конце концов уступило перед лицом единого англо-американского «дипломатического фронта», а также в результате провозглашения «Доктрины Монро». Нельзя не согласиться и с тем, что идти на уступки Петербургу пришлось вследствие того, что у него отсутствовали крупные военные силы в Тихом океане. В то время у России в Тихоокеанском бассейне не было военно-морских баз и достаточных ресурсов для их снабжения[3]. Кроме того, правительство не желало нести значительные расходы ради интересов Российско-американской компании, которая формально считалась частным предприятием.

Конечно, не следует думать, что у США и Англии было единогласное мнение по поводу разграничения территории и торговли на Северо-Западе

---

[1] История Русской Америки (1732–1867). Т. 2. Деятельность Российско-американской компании (1799–1825) / Отв. ред. Н. Н. Болховитинов. М.: Междунар. отн-я, 1999. С. 403.

[2] См. подробнее: Болховитинов Н. Н. Доктрина Монро: происхождение и характер. М.: изд-во ИМО, 1959. 336 с.

[3] АВПРИ. Ф. 341. Оп. 888. Д. 288. Л. 327.

Америки. Но в вопросах, касавшихся указа 1821 г., не было особых препятствий для совместных действий двух держав. Как указывал в июле 1823 г. Министр иностранных дел Великобритании Дж. Каннинг, совместные действия с Соединенными Штатами были бы особенно выгодными в переговорах применительно к торговле и мореплаванию на Тихоокеанском севере. А вот вопросы территориального разграничения, по мнению Дж. Каннинга, лучше было бы урегулировать путем отдельного соглашения между Англией и Российской империей[1].

Уполномоченный Российской империи по ведению дипломатических переговоров П. И. Полетика, прежде чем приступать непосредственно к диалогу с США и Великобританией, решил более детально познакомиться с состоянием дел и мнением руководства Российско-американской компании. С этой целью он провел ряд встреч с графом Я. О. Ламбертом, который в то время представлял интересы компании от Министерства финансов[2]. Сам Я. О. Ламберт был крайне отрицательно настроен в отношении перспектив расширения российского влияния на Тихом океане и в Америке. Он был твердо убежден, что России в силу ее географического положения не суждено добиться значительного развития морских сил[3].

Российско-американская компания не собиралась делать какие-либо уступки касательно мореплавания и торговли в пределах признанных за ней границ. Правление компании имело твердое намерение сохранить за собой исключительные права и привилегии. Таким образом, можно прийти к заключению о том, что приведенная выше позиция Российско-американской

---

[1] См.: История Русской Америки (1732–1867). Т. 2. Деятельность Российско-американской компании (1799–1825) / Отв. ред. Н. Н. Болховитинов. М.: Междунар. отн-я, 1999. С. 408.

[2] Главное правление Российско-американской компании с самого начала было фактически отстранено от непосредственного влияния на ход дипломатических переговоров, а впоследствии даже не сразу узнало об их результатах.

[3] См.: Политика европейских держав в Юго-Восточной Азии: (60-е годы XVIII – 60-е годы XIX вв.): документы и материалы // Сост. А. Г. Тартаковский и др. М.: изд-во восточной литературы, 1962. С. 477–490.

компании представляла главную, если не единственную, трудность в переговорах с США и Соединенным Королевством.

В то же время серьезный удар по идее англо-американской коалиции в дискуссиях с Россией нанесла провозглашенная США «Доктрина Монро», центральное место в которой занял «принцип неколонизации» американского континента европейскими государствами. С этого периода Великобритания решила прервать трехсторонние переговоры и действовать отдельно от Соединенных Штатов. Подтверждением этому может служить тот факт, что в начале 1824 г. британскому послу в Санкт-Петербурге Ч. Баджету было предписано вести диалог независимо от США, о чем он незамедлительно проинформировал американского посланника в России Г. Миддлтона[1].

Решение Англии о внезапном отказе от коллективных переговоров давало веские основания полагать, что положение США резко ухудшится. Британская резолюция указывала на несоответствие взглядов двух держав, хотя еще несколько лет назад мнения по этому вопросу были практически идентичными. Можно было предположить, что Российская империя воспользуется англо-американскими разногласиями с целью защиты своих прав и притязаний, которые к тому времени уже перестали быть объектом совместных протестов Великобритании и Америки.

Процесс дипломатических конференций в Санкт-Петербурге в общем и целом доказал верность вышеуказанных соображений, так как Российской империи было гораздо легче отстаивать свою позицию в ходе сепаратных переговоров с Соединенными Штатами. Стоит отметить, что проекты будущего соглашения, представленные обеими сторонами, в основном совпадали. Фактически единственным моментом, препятствовавшим незамедлительному подписанию документа, было требование царского правительства о запрете торговли на всей территории русских владений, за исключением Ново-Архангельска. Тем не менее указанные трудности также

---

[1] См.: История Русской Америки (1732–1867). Т. 2. Деятельность Российско-американской компании (1799–1825) / Отв. ред. Н. Н. Болховитинов. М.: Междунар. отн-я, 1999. С. 411–412.

в скором времени были преодолены, что открыло путь к заключению первого официального соглашения между Россией и США.

Официальное подписание Конвенции между Российской империей и Соединенными Штатами «О непоколебимом сохранении состоящей между ими дружественной связи» состоялось 5 (17) апреля 1824 г. в Санкт-Петербурге[1]. Первая статья документа предусматривала для обеих держав свободу мореплавания и рыбной ловли во всех частях Тихого океана. Единственным ограничением (ст. 2) было то, что американцам разрешили держаться берегов российских колоний в Америке только с дозволения местных властей. В статье 3 определялись международные границы Русской Америки: ее южные рубежи были сдвинуты на север до 54° 40' с. ш. (вместо 51°). Согласно статье 4 американские торговцы и китобои получали право беспрепятственного прохода (сроком на 10 лет) в территориальных водах Аляски в целях занятия рыболовством и торговлей с местными жителями. Однако в соответствии с соглашением под запрет попали продажа алкоголя и огнестрельного оружия, что открывало путь к спокойному существованию русских поселений в Северной Америке. Но стоит отметить, что соответствующая статья Конвенции была чисто формальной, поскольку корабли морских торговцев не являлись предметом проверки и задержания. А в случае продажи незаконных товаров следовало информировать правительство, которое на дипломатическом уровне было вправе требовать наложения штрафа на виновного (ст. 5). Последняя, шестая статья договора предусматривала место (г. Вашингтон) и срок (не более 10 месяцев) обмена ратифицированными грамотами, который в итоге состоялся 11 января 1825 г.[2]

---

[1] Конвенция, заключенная в Санкт-Петербурге между Императором Всероссийским и Правительством Американских Соединенных Штатов «О непоколебимом сохранении состоящей между ими дружественной связи» 5 (17) апреля 1824 г. Ст. 29.861а // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXXIX.

[2] История Русской Америки (1732–1867). Т. 2. Деятельность Российско-американской компании (1799–1825) / Отв. ред. Н. Н. Болховитинов. М.: Междунар. отн-я, 1999. С. 431.

Именно так закончились переговоры, приведшие к подписанию первого официального соглашения России с Соединенными Штатами Америки. В целом дискуссия с самого начала носила конструктивный и деловой характер. Думается, что Соединенные Штаты остались весьма довольны подписанным документом. Ведь в действительности в конечном итоге Америка получила все, на что рассчитывала, уступив лишь незначительную территорию[1]. Глава Министерства иностранных дел Российской империи К. В. Нессельроде также утверждал, что российские колонии получили определенные выгоды, так как подписанная Конвенция представляла собой «в некотором смысле начало политического бытия их и безопасности, ибо в первый раз определяются их отношения к иностранным государствам»[2]. Однако у членов Российско-американской компании было иное мнение на этот счет. Главное правление компании, выступая против предоставления Соединенным Штатам права на рыбную ловлю в водах Русской Америки, отмечало, что такая мера «потрясет компанию в самом ее основании и будет причиной самых гибельных последствий для ее благосостояния». Заполучив такие привилегии, граждане США, «влекомые надеждой верных выгод, в самое короткое время покроют судами все места, доставляющие богатый промысел или посредством ловли, или посредством торговли», что в конечном итоге нанесет ущерб коммерческим операциям «в Кяхте с Китаем, на границах Турции и Персии, а равно на ярмарках Ирбитской и Макарьевской»[3]. В связи с этим убедить руководство Российско-американской компании в преимуществах и выгодах от заключения Конвенции не представлялось возможным. Тем не менее, невзирая на интересы компании, российское правительство подписало, а позднее и ратифицировало данный акт.

---

[1] Южная граница Русской Америки была установлена на рубеже 54° 40' с. ш. вместо 55° с. ш., как предполагалось в исходном проекте, выдвинутом США.

[2] Цит. по: История Русской Америки (1732–1867). Т. 2. Деятельность Российско-американской компании (1799–1825) / Отв. ред. Н. Н. Болховитинов. М.: Междунар. отн-я, 1999. С. 423.

[3] См.: РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 849. Л. 22–24.

В этом отношении переговоры 1824 г. были довольно показательными. Так, американское правительство внимательнейшим образом относилось к охране торговых интересов своих подданных на Северо-Западе Америки. Руководители же Российской империи заняли по этому вопросу совершенно иную позицию. Процесс русско-американских дискуссий в ходе подписания Конвенции подтвердил тот факт, что интересы Российско-американской компании не имели для царского правительства решающего значения.

Значительно более трудными и длительными оказались переговоры между Россией и Соединенным Королевством. Дискуссии продолжались около года. Самыми сложными были вопросы, касавшиеся разграничения владений двух держав на Северо-Западе Америки. Для того, чтобы лучше понять британские притязания на эти территории, следует отметить, что начиная еще с X в. Англия неоднократно и решительно заявляла свои права на Тихоокеанском севере. Политика Великобритании всегда заключалась в стремлении быть «владычицей морей». С середины XVIII в. на основе сильнейшего в мире флота Англия твердо приближалась к установлению статуса первой в мире морской державы. Доминирующее положение она занимала в течение почти двух веков[1].

Возвращаясь к англо-российским переговорам, необходимо указать на то, что царское правительство было готово идти на уступки. Так, Российская империя склонялась к отказу от части территорий и предлагала установить границу по 54° 40' с. ш., а также провести рубеж по горному хребту, что сохранило бы для нее «узкую полосу континента вплоть до пересечения с 140° з. д.»[2]. Таким образом российские дипломаты хотели выразить умеренность своих требований, а также сохранить в ведении Российско-американской компании весь о-в Принца Уэльского. Кроме того,

---

[1] См.: Рувинский Р. З. Правовая идеология европейского либерализма и британский колониальный правопорядок в XVIII–XIX веках. Дисс. … канд. юрид. наук: 12.00.01. Нижний Новгород, 2011. 215 с.

[2] История Русской Америки (1732–1867). Т. 2. Деятельность Российско-американской компании (1799–1825) / Отв. ред. Н. Н. Болховитинов. М.: Междунар. отн-я, 1999. С. 434.

петербургские власти были согласны открыть порт Ново-Архангельска и обеспечить беспрепятственную навигацию по водам Русской Америки.

Такая довольно сдержанная политика царского правительства в конечном итоге привела к завершению сложных и длительных переговоров и заключению соглашения. 16 (28) февраля 1825 г. между Российской империей и Соединенным Королевством была официально подписана Конвенция «О взаимных выгодах, относящихся до торговли, мореплавания и рыбных промыслов на Тихом океане и до границы обоюдных владений их на северо-западном берегу Америки»[1].

Данный документ устанавливал свободу мореплавания, рыбной ловли и торговли (за исключением спиртных напитков и огнестрельного оружия) у берегов Тихого океана, а также определял восточную границу между двумя государствами в Новом Свете – прибрежная гряда Скалистых гор от Портландского канала на юге до 141° з. д. Кроме того, британцы получили право без ограничений использовать навигацию на реках, протекающих через территорию Русской Америки и впадающих в Тихий океан. На самом деле данное условие являлось ни чем иным, как ограничением суверенитета России в своих колониях. Впоследствии этот пункт Конвенции послужил основой для так называемого «Стикинского инцидента» 1834 г.[2]

---

[1] Конвенция, заключенная в Санкт-Петербурге между Императором Всероссийским и Королем Великобританским «О взаимных выгодах, относящихся до торговли, мореплавания и рыбных промыслов на Тихом океане и до границы обоюдных владений их на северо-западном берегу Америки» 16 (28) февраля 1825 г. Ст. 30.233а // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XL.

[2] В 1834 г. по приказу главного правителя Русской Америки Ф. П. Врангеля в устье реки Стикин был направлен лейтенант Д. Ф. Зарембо для основания там редута. В это же время сюда прибыло судно Компании Гудзонова залива с целью доставки припасов в английские колонии. Д. Ф. Зарембо задержал британский корабль и не пустил его вверх по реке. Представители Великобритании обвинили Российскую империю в нарушении статей Конвенции 1825 г., касавшихся свободы торговли подданных Соединенного Королевства в русских колониальных владениях. Однако Ф. П. Врангель отклонил все претензии, сославшись на 2 статью документа, в соответствии с которой корабли другого государства могли приставать к берегам соседних колоний исключительно с разрешения местного начальства. В конечном итоге после длительных споров на правительственном уровне в 1839 г. Российско-американская компания подписала с Компанией Гудзонова залива соглашение, по которому территория по реке Стикин передавалась британцам в

Великобритания, добившись в Санкт-Петербурге значительных уступок по территориальному вопросу, также явно защищала интересы мехоторговой Компании Гудзонова залива. В связи с этим представляется, что это была не просто дипломатическая борьба вокруг границ и свободы судоходства у северо-западного побережья Америки, но и отражение конфликта между Российско-американской компанией и Компанией Гудзонова залива за меховые ресурсы неосвоенных территорий.

Ратификация Конвенции 1825 г. завершила оформление границ Русской Америки и кратковременно облегчила англо-российское соперничество в северной части Тихого океана.

Последовавшая вскоре Крымская война (1853–1856 гг.) стала для русских колоний в Северной Америке серьезным испытанием на прочность, поскольку отдаленные владения могли стать легкой добычей европейских стран. Чтобы избежать возможных разорительных последствий, Российско-американская компания договорилась с Компанией Гудзонова залива о нейтралитете на все время военных действий. Казалось, что подобная практика наиболее эффективна для сохранения целостности российских территорий. Однако именно в это время была предпринята первая (пусть и фиктивная) попытка продажи Аляски.

Осознавая неотвратимость войны с Англией и Францией, царский посланник в Вашингтоне Э. А. Стекль предложил вице-консулу Российской империи П. С. Костромитинову осуществить фиктивную продажу кораблей, принадлежавших Российско-американской компании[1]. П. С. Костромитинов, в свою очередь, подписал акт о мнимой продаже США всего имущества Российско-американской компании, включая ее земельные владения. В своем обращении к Э. А. Стеклю вице-консул сообщал следующее: «Мне

аренду на 10 лет. См. подробнее: Петров А. Ю. История Русской Америки. Вологда: изд-во ВГПУ, 2010. С. 46–47.

[1] См.: Болховитинов Н. Н. Как продали Аляску // Международная жизнь, 1988. №7. С. 120–131.

предлагали составить акт на мнимую уступку кораблей, мехов, товаров и прочей недвижимости нашей компании, а также земель со всеми угодьями»[1].

Акт о фиктивной продаже, по которому российская сторона уступала на три года все владения, промыслы и привилегии в Северной Америке, был подписан 19 (31) мая 1854 г.[2] Однако до реальной продажи Русской Америки тогда все же не дошло, а колониальный совет, утвердивший договор, «получил выговор за излишнюю самостоятельность»[3]. После подписания пакта о нейтралитете между Российско-американской компанией и Компанией Гудзонова залива проект соглашения об уступке североамериканских колоний был оставлен без движения.

Передать русские владения в Северной Америке Э. А. Стеклю тогда не удалось. Но уже в ходе его переговоров с государственным секретарем США У. Л. Марси и влиятельным сенатором штата Калифорния У. М. Гвином по поводу заключения вышеуказанного фиктивного контракта был впервые поставлен вопрос о реальной продаже Русской Америки[4]. Сторонниками идеи об уступке Аляски под предлогом военной необходимости и угрозы безопасности стали и некоторые влиятельные государственные деятели, например, брат императора Александра II великий князь Константин Николаевич.

Начальной точкой стал отъем у Российско-американской компании о-ва Сахалин. Изъятие острова из юрисдикции компании и его последующая передача в непосредственное управление правительства Российской империи ослабило и без того неустойчивые экономические и политические позиции Российско-американской компании. Так, Россия приблизилась к программе ряда высших государственных сановников об уступке Аляски.

---

[1] АВПРИ. Ф. 170. Оп. 512/3. Д. 57. Л. 129.

[2] АВПРИ. Ф. 170. Оп. 512/3. Д. 57. Л. 346–350.

[3] Болховитинов Н. Н. Россия открывает Америку (1732–1799): монография. М.: Междунар. отн-я, 1991. С. 214.

[4] См.: История Русской Америки (1732–1867). Т. 3. Русская Америка: от зенита к закату (1825–1867) / Отв. ред. Н. Н. Болховитинов. М.: Междунар. отн-я, 1999. С. 376–377.

Инициатором возможной продажи Русской Америки Соединенным Штатам стал великий князь Константин Николаевич. В своем письме из Ниццы 22 марта (3 апреля) 1857 г. на имя нового министра иностранных дел А. М. Горчакова, ссылаясь на ограниченное положение государственных финансов и трудности, связанные с сокращением бюджета морского министерства без значительного, однако, ущерба для развития российского военно-морского флота, великий князь Константин выдвинул идею о возможной продаже русских владений в Америке. Он обосновал это низкими доходами в этих краях и угрозой их неминуемого захвата США в будущем[1].

А. М. Горчакова, в свою очередь, консультировал адмирал Ф. П. Врангель[2], который предлагал продать Аляску за 7,4 млн. рублей серебром, а вырученные деньги потратить на улучшение Восточной Сибири от реки Амур до Камчатки. Эти соображения барона Ф. П. Врангеля впоследствии легли в основу меморандума А. М. Горчакова к Александру II. Министр иностранных дел, с одной стороны, поддерживал мнение о целесообразности уступки Русской Америки Соединенным Штатам, а с другой – предлагал не торопиться с практическим осуществлением сделки. Соблюдая режим строжайшей тайны, царскому посланнику в Вашингтоне Э. А. Стеклю было поручено тщательно обдумать мысль о возможной продаже Аляски на выгодных условиях и узнать предварительное мнение американского правительства по данному вопросу.

Сам А. М. Горчаков предполагал совершить сделку по окончании срока действия прав и привилегий Российско-американской компании. Впрочем, точки зрения внутри государственного аппарата весьма различались. Прозападнонастроенные дипломаты (великий князь Константин Николаевич, российский посол в Вашингтоне Э. А. фон Стекль) высказывались в пользу уступки Аляски Соединенным Штатам, в резкой форме выражали недовольство деятельностью монопольной Российско-американской

---

[1] История Русской Америки (1732–1867). Т. 3. Русская Америка: от зенита к закату (1825–1867) / Отв. ред. Н. Н. Болховитинов. М.: Междунар. отн-я, 1999. С. 380–381.

[2] См.: Пасецкий В. М. Фердинанд Петрович Врангель. М.: Наука, 1975. 160 с.

компании и выступали за укрепление тесных связей с США. Однако более консервативные правительственные деятели (министр иностранных дел А. М. Горчаков, барон Ф. П. Врангель, император Александр II) хотя в целом и не возражали против продажи российских владений в Северной Америке, тем не менее признавали необходимым основательно изучить данную проблему, выяснить положение дел в Русской Америке, выведать мнение вашингтонского кабинета и не спешить с официальным подписанием договора. Наибольшие сомнения идея уступки Аляски вызывала у А. М. Горчакова. В мае 1860 г. он писал Э. А. Стеклю: «Лично я не имею ни малейшей уверенности в пользе для России отказаться от этих владений»[1].

Для проверки деятельности Российско-американской компании в мае того же 1860 г. было решено направить туда двух аудиторов: А. С. Костливцева от Министерства финансов и П. Н. Головина от Морского министерства. Несмотря на серьезную критику действий Российско-американской компании, на основе всестороннего анализа вопроса ревизоры пришли к выводу о целесообразности укрепления русских колоний и создания постоянного сообщения с Аляской[2].

В результате всех обсуждений, споров и дискуссий император Александр II утвердил «главные основания» нового устава Российско-американской компании и продлил ее привилегии до 1882 г. Эти решения были приняты на Государственном совете 14 (26) июня 1865 г. и подписаны великим князем Константином Николаевичем 2 (14) апреля 1866 г.[3] С формальной стороны позиции Российско-американской компании выглядели вполне удовлетворительными. Но вместе с тем в докладе Комитета об устройстве русских американских колоний указывалось на недостаточный оборонительный потенциал Русской Америки, а также

---

[1] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 70/4. Д. 195. Л. 216–217.

[2] Доклад Комитета об устройстве русских американских колоний. СПб.: тип. Департамента внеш. торговли, 1863. Ч. 1. С. 170–171, 243–254.

[3] См.: История Русской Америки (1732–1867). Т. 3. Русская Америка: от зенита к закату (1825–1867) / Отв. ред. Н. Н. Болховитинов. М.: Междунар. отн-я, 1999. С. 409–411.

намечался ряд мер для решения этой проблемы путем создания постоянного военного крейсерства[1].

Министерство финансов, возглавляемое М. Х. Рейтерном, указывало на невозможность дальнейшего субсидирования деятельности Российско-американской компании ввиду необходимости строжайшей экономии государственных средств[2]. Кроме того, министр финансов ссылается на то, что если Российско-американская компания «не удержится, взятие колоний в казенное управление сопряжено без сомнений со значительными пожертвованиями и представляет еще меньшие надежды на осуществление помянутых государственных видов»[3]. Доводы М. Х. Рейтерна выглядели весьма убедительными, так как ежегодная сумма денежных ассигнований на содержание Российско-американской компании составляла 200 тыс. рублей серебром, а к 1866 г. предприятие задолжало казначейству 725 тыс. рублей.

Составив свое представление о соображениях чиновников в отношении продажи Аляски, в конце 1866 г. А. М. Горчаков пришел к заключению о том, что нужно принимать окончательное решение. Министр иностранных дел рекомендовал провести совещание с личным участием императора Александра II. Царь согласился провести такое заседание в пятницу 16 декабря 1866 г. в Зимнем дворце или в здании МИД на Дворцовой площади, в зависимости от состояния здоровья А. М. Горчакова. Из «памятной книжки» Александра II за 1866 г. очевидно, что собрание состоялось «у князя А. М. Горчакова»[4].

В приглашении на совещание говорилось о том, что соглашение об уступке Русской Америки должно быть подготовлено тайно, так как его

---

[1] См.: Доклад Комитета об устройстве русских американских колоний. СПб.: тип. Департамента внеш. торговли, 1863. Ч. 2: Приложения к докладу Комитета об устройстве русских американских колоний. С. 68–69, 108–109, 173, 186–187 и др.

[2] ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 620. Л. 25.

[3] АВПРИ. Ф. 341. Оп. 888. Д. 399. Л. 9.

[4] ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 320. Л. 120.

«вдохновители» боялись малейшей утечки информации о совершении сделки.

Официальное решение об уступке российских владений в Северной Америке было принято 16 декабря 1866 г. на вышеуказанном специальном заседании, которое в историко-правовой литературе получило разнообразные названия: Особое заседание, Особое совещание, Особый комитет. Участниками собрания стали: император Александр II, великий князь Константин Николаевич (особое доверенное лицо Александра II), министр иностранных дел А. М. Горчаков, министр финансов М. Х. Рейтерн, морской министр Н. К. Краббе, а также царский посланник в Вашингтоне барон Э. А. фон Стекль[1]. Все члены Особого комитета, включая А. М. Горчакова, который еще несколько лет назад сомневался в целесообразности заключения сделки, одобрили идею продажи Русской Америки. По предложению главы Министерства финансов М. Х. Рейтерна был определен порог суммы – не менее 5 млн. долларов золотом, а Александр II утвердил границу подлежащей уступке территории[2].

В обоснование резолюции Особого комитета о продаже Аляски был положен ряд аргументов, которые можно сформулировать следующим образом:

- убыточность Российско-американской компании;
- неспособность обеспечить защиту колоний от неприятеля в случае войны;
- незаконный промысел иностранных судов у берегов Русской Америки;
- отсутствие особого значения Аляски для России при условии освоения земель в Приамурье и Приморье;
- устранение очага возможных противоречий в будущем.

---

[1] См. Приложение I. С. 227.

[2] См.: История Русской Америки (1732–1867). Т. 3. Русская Америка: от зенита к закату (1825–1867) / Отв. ред. Н. Н. Болховитинов. М.: Междунар. отн-я, 1999. С. 439–440.

Уже в начале марта 1867 г. Э. А. Стекль обратился с официальным предложением о продаже Аляски к государственному секретарю США Уильяму Генри Сьюарду. Подписание договора состоялось 30 марта 1867 г.

Итоговая стоимость сделки составила 7,2 млн. долларов золотом. Для Российской империи данное соглашение было крайне неблагоприятным и невыгодным. Соединенные Штаты получили весь полуостров Аляска, береговую полосу шириной в 10 миль южнее Аляски вдоль западного побережья Британской Колумбии, Александрийский архипелаг, Алеутские острова и прочие земли близ Аляски. Общая площадь уступленных владений составила 1,5 млн. кв. км. Таким образом, Россия продала Аляску менее чем по 5 центов за гектар.

Кроме того, по-прежнему не удалось точно установить, дошли ли 7,2 млн. долларов, которые США заплатили за приобретенные территории, до русского казначейства.

Подытоживая представленную выше информацию, следует заключить, что первая (пусть и фиктивная) попытка продажи Аляски была предпринята в 1854 г. еще во времена царствования Николая I. Довести сделку до конца тогда не удалось, но уже в ходе переговоров по ее заключению был поднят вопрос о реальной уступке российских колоний в Северной Америке. Претворить планы в жизнь удалось только в 1867 г. в период правления либерально настроенного императора Александра II.

Проект договора об уступке Аляски подготавливался и разрабатывался в режиме строгой конфиденциальности в течение почти 10 лет. О предполагаемой продаже Русской Америки были осведомлены лишь 6 членов так называемого Особого комитета.

Тезис о военной опасности иностранного вторжения в североамериканские колонии, который стал главной мотивировкой совершаемой сделки и не без успеха эксплуатировался великим князем Константином Николаевичем, представляется несколько надуманным. Скорее соглашение заключалось с целью укрепления дружественных связей

между двумя странами, так как в те годы США были фактически единственным союзником Российской империи.

В середине XIX в. мог произойти настоящий захват любой из стран Мирового океана. Британские исследователи Ф. Хиггинс и Д. Коломбос справедливо замечали, что оккупация части океанов была бессмысленной, потому что «любой гипотетический носитель прав не имел»[1]. Также нельзя не согласиться с мнением советского ученого С. В. Молодцова о том, что «историческая неограниченность, неисчерпаемость потенциала Мирового океана вели к экономической бессмысленности притязаний на оккупацию», и поэтому «доминирующее значение получил принцип равного, беспрепятственного доступа любого государства к Мировому океану»[2].

Наряду с этим необходимо отметить, что опасность внешнего вторжения в североамериканские колонии Российской империи фактически была сведена на нет к 60-м гг. XIX в. Так, отношения Российско-американской компании с Компанией Гудзонова залива после подписания договора о нейтралитете были вполне удовлетворительными. Соединенные Штаты еще не оправились от разрушительных последствий гражданской войны. В это же время Испания стала второсортной державой, так называемым объектом торговой экспансии Великобритании. Нидерланды тоже были истощены войнами и вступили в период упадка. Швеция из европейской державы превратилось региональную[3]. Других опасных противников, способных атаковать российские американские владения, в ту эпоху не было.

Таким образом, представляется, что угроза нападения какой-либо державы на русские колонии в Северной Америке носила скорее потенциальный, чем реальный характер.

---

[1] Цит. по: Хиггинс Ф., Коломбос Д. Международное морское право. М.: изд-во «Иностранная литература», 1953. С. 38.

[2] Молодцов С. В. Международно-правовой режим открытого моря и континентального шельфа. М.: изд-во АН СССР, 1960. С. 8–24.

[3] См.: Солонцов З. М. Дипломатическая борьба США за господство на море и противоречия империалистических держав (1918–1945 гг.). М.: изд-во ИМО, 1962. С. 3.

3. ДОГОВОРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И США ПО ПОВОДУ ПРОДАЖИ АЛЯСКИ

3.1. Особенности государственного управления Аляской и правовое регулирование ее уступки по Конвенции от 1867 г.[1]

В широком толковании под управлением понимается деятельность государства в целом – от обеспечения национального суверенитета и защиты национальных интересов на международной арене до решения конкретных повседневных вопросов общественной жизни внутри страны.

Что касается системы государственного управления, то она представляет собой многогранный и комплексный институт. Эта сложность еще более возрастает в связи с происходящими в мире широкомасштабными и динамическими изменениями.

Государство осуществляет управление своими регионами и территориями, а также важнейшими сферами жизни людей с помощью политики. Степень многогранности политики зависит от масштабов экономического, социального, этнонационального, конфессионального и других форм плюрализма в обществе. Зачастую основополагающие национальные интересы, связанные с безопасностью и самосохранением государства, невозможно реализовать в одиночку, без союзов с другими странами.

Очевидно, что область исследования национальной безопасности охватывает средства, формы и методы, с помощью которых то или иное государство планирует и разрабатывает внешнеполитическую стратегию, обеспечивает свою безопасность. Государство располагает разными средствами защиты своих интересов. Одним из самых радикальных является

---

[1] Материалы данного параграфа апробированы в научном журнале «Мир политики и социологии». См. подробнее: Беляков Д. А., Биюшкина Н. И. Специфика договорных отношений Российской империи и США по поводу уступки Аляски // Мир политики и социологии. СПб.: Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2015. № 10. С. 90–95.

применение или угроза применения насилия. Нация не может жертвовать своими законными интересами и способна, в случае если эти интересы подвергаются опасности, отстаивать их с помощью войны.

Главная ответственность за реализацию этой функции возлагается на вооруженные силы. В начале XIX в. известный военный теоретик Карл фон Клаузевиц сформулировал свой знаменитый афоризм: «Война есть продолжение политики иными средствами»[1]. Но и задолго до Карла фон Клаузевица некоторые правительственные деятели действовали в духе данного высказывания, присоединяя новые территории.

Вышеуказанное представляется вполне естественным, если учесть, что отношения между государствами характеризовались взаимными противоречиями, конкуренцией и конфликтами. В своих крайних проявлениях такая конкуренция могла перерасти в войну за отдельные регионы между соперничающими сторонами. Агрессия, война одной державы против другой столетиями воспринимались политиками как законное и приемлемое средство разрешения возникающих конфликтов.

Существенным отличием Российской империи от западных было то, что при формировании ее территории главная роль принадлежала мирному освоению новых земель, преимущественно добровольному их вхождению в состав России, нередко на договорной основе. Нельзя не согласиться с высказываемым в литературе мнением о том, что на основе договоров в состав Российского государства вошли многие земли[2]. Завоевания применялись в значительно меньшей степени, чем в других странах, и были вызваны, как правило, необходимой обороной, стремлением отвести от своих границ постоянные набеги и прекратить разорительные войны.

---

[1] Цит. по: Кочешев С. П. Правовые основы применения оружия и боевой техники // «Военно-юридический журнал». М.: Юрист, 2008. № 4. С. 15.

[2] Например, Башкирия, Калмыкия, Украина, Молдавия, Грузия, Восточная Армения, Азербайджан, Казахстан и многие другие земли. См. подробнее: Абдулатипов Р. Г., Болтенкова Л. Ф., Яров Ю. Ф. Федерализм в истории России. В 3-х кн. Кн. 1. М.: Республика, 1992. С. 49.

Все военные действия и дипломатические меры, предпринимаемые Российской империей, соответствовали национальному и международному праву тех лет. Социально-экономические и политико-правовые последствия расширения территории России были в большинстве случаев благотворны как для страны в целом, так и для соответствующих регионов.

Присоединение новых земель вносило в унитарную модель территориального устройства Российской империи черты иных моделей территориального государственного устройства. Так, традиционные формы и широкую компетенцию местного самоуправления Малороссии, Прибалтики, регионов Урала, Сибири, Дальнего Востока и ряда других территорий можно рассматривать как черты муниципальной модели. Основной задачей формирования территориальных единиц регионального уровня в Российской империи выступала организация эффективного территориального государственного управления.

При становлении имперской формы российской государственно-правовой системы верховная власть должна была обеспечить устойчивость присутствия и эффективность деятельности имперской администрации на новых пространствах. Правительство осознавало, что лишь достигнув расположения местных элит и большинства населения, можно обеспечить легитимацию российской имперской власти среди жителей вновь приобретенных регионов. Причем только это могло помочь сохранить внутриполитическую стабильность на национальных приграничных территориях и геополитическую устойчивость России. Решение вопроса о положении того или иного региона в составе России в связи с абсолютистской формой правления было прерогативой императора. Монарх мог «определять порядок управления и законодательства в новозавоеванном крае», и действовать «не по предписанию положительного права, а по

соображениям справедливости и политической целесообразности», – подчеркивал российский юрист Э. Н. Берендтс[1].

При этом следует сказать, что управление Аляской имело принципиальные отличия от управления, установленного в других регионах Российской империи. Как интересно отметил американский исследователь Х. Сетон-Уотсон (H. Seton-Watson), в действительности не все являлось Россией, что было объединено под властью царя[2].

Удаленность Аляски от центра, включая территориальную, национальную и культурную отчужденность, сформировали отношения между метрополией и колонией, которые не характеризовались единением власти и уникальной отдаленной части государства. Не случайно в зарубежной литературе вопросы, которые связаны с освоением и положением окраин применительно к центру России, в основном трактовались как проблемы колоний[3].

Аляска управлялась не государственными органами, а Российско-американской компанией, которая помимо своей основной деятельности охраняла границы колонии, изучала территорию, содержала миссию Православной Церкви. Для XVIII–XIX вв. указанная практика являлась достаточно распространенной. Приблизительно таким же образом Британия управляла Индией, Бельгия – Конго, а Голландия, например, Индонезией. Однако для Российского государства такой режим управления своими владениями был не типичен и являлся скорее исключением из общего правила.

Представляется, что императорская власть в лице Александра II долго не решалась на продажу Русской Америки, так как данные территории скорее принадлежали Российско-американской компании, нежели Дому Романовых.

---

[1] Берендтс Э. Н. К вопросу о юридической силе старых шведских основных законов в Финляндии // Журнал Министерства юстиции. Петроград: Сенат. тип., 1915. № 2 (февраль). С. 18.

[2] Seton-Watson H. The Russian empire, 1801–1917 (Oxford History of Modern Europe). Oxford: Oxford University Press, 1988. P. 10.

[3] Там же (op. cit.). P. 11–12.

Кроме того, акционерами Российско-американской компании являлись как члены царской семьи и крупные государственные деятели, так и наследники учредителей компании: Шелиховы, Барановы, Резановы.

Несомненно, Александр II имел перед собой пример своего дяди, императора Александра I, в 1824 г. безвозмездно уступившего США некоторые русские владения (южнее 54° 40' с. ш.) в знак сохранения дружественных отношений между двумя странами[1].

Нельзя не отметить тот факт, что до конца XVIII в. институты власти и управления на Аляске не создавались. Ситуация изменилась с основанием Российско-американской компании, являвшейся полугосударственным колониальным торговым учреждением.

Вместе с тем следует акцентировать внимание на том, что расселение русских или, как принято обозначать этот процесс, – «русская колонизация», «хозяйственное освоение огромных пространств», носило разнообразный характер, отличавшийся от колониальной политики других стран. Государственные интересы как основа проводимой Россией политики менялись от сугубо ясачных в период сословно-представительной монархии до глобальных геополитических в исследуемый период (вторая половина XIX в.).

Известный историк И. Е. Забелин подчеркивал, что, осуществляя колонизацию, русский народ, в отличие от других завоевателей, не просто постоянно грабил подвластные племена; он, конечно, жестоко наказывал непокорных, но как скоро непокорные жили тихо, то заводил с ними дружбу и побратимство, вовсе не думая, что это какое-либо низшее племя, недостойное со стороны завоевателя человеческого обхождения[2].

---

[1] Конвенция, заключенная в Санкт-Петербурге между Императором Всероссийским и Правительством Американских Соединенных Штатов «О непоколебимом сохранении состоящей между ими дружественной связи» 5 (17) апреля 1824 г. Ст. 29.861а // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXXIX.

[2] Забелин И. Е. История русской жизни с древнейших времен. М.: тип. Грачева, 1876. Ч. 1. С. 573.

Академик М. К. Любавский исходил из понимания российской политики[1] времен освоения северных и сибирских территорий как выражения присущей абсолютизму заботы государственной администрации об общих интересах «разреженной», а потому «податливой» массы народа[2].

Мотивы колонизации, безусловно, были самыми разнообразными.

Во-первых, ценностным постулатом, неким принципом, определяющим государственную политику на ранней стадии России, была материальная рациональность: «Сбор ясака с инородцев был, таким образом, реальным мотивом, двигавшим первоначальную правительственную колонизацию»[3]. Что касается исконных богатств, то они представляли собой мотивы второго плана, определяемые надеждами на будущее освоение.

Во-вторых, вполне закономерен вывод о наличии оборонительного мотива, связанного с широким расселением российских подданных, прежде всего в Сибири, на Дальнем Востоке, на Аляске, а также избавлением Центральной России от «беспокойных» и преступников (ссылка и каторга). Приток на Аляску мирного промыслового населения обеспечивался за счет добровольного переселения, а также «переводу по прибору и указу», т.е. принудительно[4].

Правительственная политика в отношении переселения носила непостоянный, изменчивый характер. При этом переселение на Аляску имело ряд своих особенностей.

Промысловые экспедиции организовывались и финансировались различными частными компаниями сибирских купцов. Кроме того, дальнейшее освоение Русской Америки происходило при помощи коммерческой организации – Российско-американской компании. Данное

---

[1] В результате русской колонизации во второй половине XVI – начале XVII вв. была занята огромная территория, почти в 11 раз превосходящая всю Европу, с суровым климатом, дикой природой и, по большей части, с неплодородной почвой.

[2] Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией. М.: Типо-лит. [Титяева?], 1909. С. 11.

[3] Там же. С. 304.

[4] См.: Казарян П. Л. Генезис политической ссылки в России (конец XV – начало XIX вв.). Владивосток: изд-во Якут. ГУ, 1999. 48 с.

учреждение являлось коммерческой компанией особого рода, которая помимо непосредственно коммерческой деятельности была способна осуществлять колонизацию земель, а также заниматься строительством фортов и городов. Более того, с формальной точки зрения Российско-американская компания не являлась полностью государственным институтом, и, следовательно, ее деятельность не вызывала международных осложнений.

Изначально основатель Российско-американской компании Г. И. Шелихов предлагал организовать переселение на Аляску крепостных, но это предложение вызвало недовольство помещиков. Тогда купец попросил дать ему определенное количество сибирских ссыльных, которые бы владели необходимыми для колонии ремеслами. На этот раз правительство согласилось, и Г. И. Шелихов отправил в Русскую Америку так называемых «поселенщиков». Однако их было слишком мало. В дальнейшем петербургские чиновники не проявляли интерес к русским колониям в Северной Америке (за исключением дивидендов по казначейским акциям). Число российских переселенцев, прибывших на Аляску, исчислялось единицами[1]. В таких условиях ожидать роста русского населения в американских колониях было невозможно. Многие российские охотники, купцы и чиновники, завершив свой бизнес на Аляске, отправлялись в Сибирь и далее в европейскую часть России. Чтобы закрепить на Аляске русское население, в 1809 г. было введено понятие «колониальных граждан», т. е. проживающих на Аляске русских подданных, которые не могли быть отнесены к какому-либо из существовавших сословий[2].

В царской России к коренным народам относились как к колонизированным, государство решало вопросы их жизнедеятельности с позиции силы, диктата, давления. Властно-императивные методы были

---

[1] Миронов И. Б. Роковая сделка: как продавали Аляску. М.: Алгоритм, 2007. С. 40.

[2] Лебедев С. В. Какой была Русская Америка // Информационно-аналитическая служба «Русская народная линия». 24.10.2012 // http://ruskline.ru/analitika/2012/10/24/kakoj_byla_russkaya_amerika. Дата обращения: 17.06.2015.

основными в регулировании взаимоотношений государства и малых народностей[1].

Однако в отличие от многих колониальных западных держав Россия стремилась не уничтожать и искоренять население новых земель, а «приноднять» его, превращать «чужих» в «своих»[2]. Особое значение хотелось бы придать такому документу, как Устав «Об управлении инородцев» от 22 июля 1822 г.[3], который сохранял юридическую силу и действие вплоть до начала XX столетия.

Рассматриваемый Устав положил начало единой регламентации жизни и работы инородцев. Данный акт не имеет аналога по влиянию на политическую, социально-экономическую и культурную жизнь и развитие коренных малочисленных народов Севера России. Его вполне можно представить как логическое обобщение политики Российской империи XVI–XVIII вв.

Многие исследователи[4], характеризуя Устав от 22 июля 1822 г. как прогрессивный документ, расходятся в определении его целей. Правильное осознание его основного предназначения, как представляется, раскрывает планы и задачи государственной политики в отношении огромной территории исконного проживания коренных малочисленных народов.

В связи с изменением социально-экономической организации общества постановка задач ускоренного развития государства приобретает иной

---

[1] Киселев Е. А. Правовое положение коренных малочисленных народов Приамурья. Дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. Хабаровск, 2001. 171 с.

[2] Соколовский С. В. Антропологическое знание в правовом и политическом дискурсах. Дисс. ... докт. историч. наук: 07.00.07. М.: 2009. 384 с.

[3] Высочайше утвержденный Устав «Об управлении инородцев» от 22 июля 1822 г. Ст. 29.126 // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXXVIII.

[4] См., например: Градовский А. Д. Собрание сочинений. Т. 2. История местного управления в России. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1899. 492 с.; Анисимов Н. А. Ратификация Конвенции № 169 – назревшая необходимость и гарантия будущего коренных малочисленных народов России // Мир коренных народов. Живая Арктика. 2003. № 13. С. 33–36; Васильева Л. Н. Регулирование прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов: опыт Российской Федерации // Журнал российского права. 2005. № 6. С. 153–158 и др.

характер. На смену «невмешательству» приходит политика активного воздействия, основанного на принципе патернализма, нацеленного на форсирование, а также на структурную и культурную ассимиляцию. Генеральная цель Устава «Об управлении инородцев» от 22 июля 1822 г., а также принятых позже сопутствующих актов, – достижение «национального единства» как важнейшего условия существования любого государства.

Выдающийся русский ученый Б. Н. Чичерин писал, что существо государства – в сочетании разнообразных элементов в единый органический союз[1]. Именно реализация концептуальных начал этой идеи задолго до ее выражения учеными в юридической литературе была заложена в Устав «Об управлении инородцев» от 22 июля 1822 г.

Конечно, данное утверждение не означает, что правительство решило в короткие сроки радикальным образом изменить весь общественный строй инородцев, в том числе систему управления. Царизм четко осознавал невозможность таких революционных преобразований. Путь, который был избран, предполагал эволюционный, но управляемый ход политического, социально-экономического и культурного развития. Обновленное законодательство положило начало формированию механизмов интенсивной ассимиляции через разнообразные формы вмешательства администрации во внутриобщественные дела инородцев.

Рассматривая особенности правового статуса Аляски, следует указать на то, что Русская Америка была закреплена под российским суверенитетом по праву оккупации – первоначального завладения ею как ничейной землей (terra nullis). Окончательное оформление Аляски в качестве территории, подконтрольной Российской империи, было осуществлено при Екатерине II на основании Указа от 2 марта 1766 г[2].

---

[1] Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. М.: тип. тов-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1894. Ч. 1. Общее государственное право. С. 10.

[2] Именной Указ, данный Сибирскому губернатору Чичерину «О приведении в подданство шести Алеутских островов» 2 марта 1766 г. Ст. 12.589 // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XVII.

Североамериканские колонии оставались под покровительством Российской империи и учрежденной в 1799 г. Российско-американской компании на протяжении более одного столетия вплоть до их уступки Соединенным Штатам в 1867 г.

Процесс продажи – от первоначальной идеи до подписания соответствующего соглашения – продолжался почти десять лет. Российское правительство, так или иначе, всегда трепетно относилось к гражданам США, даже если они откровенно нарушали российские порядки, проводя в отношении Вашингтона политику подобострастия и требуя от Российско-американской компании избегать каких-либо конфликтов.

Благожелательная позиция царского правительства по отношению к США во время гражданской войны приобрела важное значение для Соединенных Штатов, поскольку в то время как западные державы стремились разрушить единство Америки, Россия поддержала повстанцев и содействовала победе Федерального Союза.

Кроме того, гражданская война в США (1861–1865 гг.) ввиду ее масштабности вызвала интерес и в Российской империи[1].

В ходе всей гражданской войны русская корреспонденция освещала это событие. Так, общественно-политические журналы «Современник», «Русское слово» и «Очерки» достаточно часто и в подробностях писали о вооруженных столкновениях Севера и Юга[2]. Причем демократическое сообщество и большая часть российской прессы, независимо от политической ориентации, с первых дней конфликта были на стороне Севера. Значительное внимание в публицистике уделялось рассмотрению перспектив гражданской войны. Русская общественность активно выступала против вмешательства в войну Англии и Франции. В 1863 г. литературный критик Н. В. Шелгунов на страницах «Русского слова» резко осуждал

---

[1] Напомним, что Российская империя, оставаясь в нейтралитете, все же поддерживала северян.

[2] См.: Ефимов А. В. Очерки истории США. 1492–1870 гг. М.: Гос. учебно-педагогич. изд-во Мин. просвещ. РСФСР, 1958. С. 359–360.

Великобританию за то, что она дискредитировала правительство А. Линкольна и обеспечивала экономическую и политическую поддержку южных штатов[1].

Анализ демократических изданий 1861–1865 гг. показывает, что все высказанные на страницах прессы мнения в целом совпали с политикой России, а также ее отношением к гражданской войне. В то же время в конце 60-х гг. XIX в. противоречия в российско-британских отношениях, вызванные событиями в Центральной Азии, на Ближнем и Дальнем Востоке, усилились. Соперничество между Англией и Америкой также было обострено. Царское правительство выступало за соглашение между Севером и Югом на любых условиях, рассматривая Федеральный Союз как необходимость.

Не разделяя внутреннюю политику А. Линкольна, Российская империя видела Америку в качестве будущего союзника в вопросах европейской и дальневосточной политики. США, в свою очередь, в России видели силу, которая способна оказать им поддержку в борьбе с Англией и Францией на американском континенте и Тихом океане.

В годы гражданской войны США, конечно, было не до Русской Америки. События 1861–1865 гг., казалось, отдалили реализацию идеи о возможности продажи русских колоний в Северной Америке. Однако международные отношения в целом и сближение русского и американского правительств в частности в определенной степени способствовали созданию благоприятной ситуации для уступки Аляски США.

Отметим, что в рассматриваемый период договорное право России развивалось в русле континентальной (романо-германской) правовой семьи, а договорное право США включало в себя некоторые элементы договорного

---

[1] См.: Жарко С. Б. Российская демократическая печать и гражданская война в США 1861–1865 гг. // Працы гістарычнага факультэта: навук. зб. Вып. 1 / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск: БДУ, 2006. С. 63–64.

права стран общей (англо-саксонской) правовой семьи[1]. В первой половине XVIII в. наметилась тенденция к большей конвергенции американского права с английской моделью. Это происходило естественным путем, поскольку правоведы, проживавшие в американских колониях, в большинстве своем были англичанами. Однако сближение американского и английского права было прервано началом войны за независимость США, результатом которой стало принятие ряда основополагающих документов, положивших конец колониальному периоду в истории США[2]. При этом нельзя говорить о том, что разрыв с колониальным прошлым привел к полному и безоговорочному разрыву с английской правовой традицией.

Принятие Конституции США (17 сентября 1787 г.)[3] в качестве единого письменного документа и придание ему высшей юридической силы сблизило американское и романо-германское право.

Главной же особенностью американского земельного права этого периода была частная собственность на землю, но не малочисленной элитной группы (как в Англии), а частная собственность на землю миллионов людей. Таким образом, развитие права в США ознаменовалось триумфом традиций общего права, которое во время колонизации глубоко укоренилось. Прямое заимствование из английского права напротив все более ослабляется, вытесняется местными традициями в связи с потребностью развития американского общества.

С момента обретения независимости и принятия федеральной Конституции начинается новый этап в истории права США – период

---

[1] Правовые системы стран мира. Энциклопедический справочник / Отв. ред. докт. юрид. наук, проф. А. Я. Сухарев. М.: «НОРМА», 2003. С. 941.

[2] К таким документам следует отнести, например, Декларацию независимости США от 4 июля 1776 г.

[3] «…Конституция 1787 г. стала первой точкой отсчета в государственной модернизации. Она не только положила конец позорному, зависимому статусу бывших североамериканских колоний, но и символизировала переход к качественно новой государственности, не связанной со средневековьем». См.: Саломатин. А. Ю. Государственное и муниципальное управление в США: От эпохи модернизации к постмодернизационному обществу и государству / Курс лекций для студентов специальностей «Государственное и муниципальное управление» и «Юриспруденция». Пенза: ИИЦ ПГУ, 2004. С. 20.

формирования «фактически американского права» – права суверенного государства[1].

Таким образом, на момент подписания соглашения об уступке Аляски Соединенные Штаты, как и Российская империя, выступали в качестве суверенного[2] государства.

Официальное решение о продаже Аляски принималось в обстановке строжайшей секретности. В приглашении на совещание на имя великого князя Константина Николаевича было сказано, что государь-император назначил заседание Особого комитета по вопросам, касающимся отношений с США, и приглашал его императорское высочество[3].

Формулировка собрания указывала на то, что договор был подготовлен конфиденциально. Его последователи переживали за то, чтобы данная информация не получила ни малейшего распространения даже в российских правительственных кругах.

В пятницу 16 декабря 1866 г. специальная комиссия единогласно поддержала решение о продаже российских североамериканских владений Соединенным Штатам. На заседании Особого комитета были выдвинуты следующие доказательства необходимости совершения беспрецедентной сделки: убыточность Российско-американской компании, невозможность

---

[1] Петрова Е. А. Место Конституции в правовой системе США // Иваново-Вознесенский юрид. вестник. 2003. № 11/12. С. 34–40; Gilmore G. The Ages of American Law. New Haven, CT: Yale University Press, 1977. P. 8, 11.

[2] Понятие суверенитета было впервые введено Ж. Боденом в его книге «О республике» (1577 г.). Ж. Боден писал об абсолютном суверенитете государственной (монархической) власти, единственными ограничениями которой являются не позитивные законы, а только божественный закон и естественное право.

Неустойчивость понятия «суверенитет» связана с зависимостью его истолкования и применения от исторических и политических условий (Benyekhlef K. L'Internet: un reflet de la concurrence des souverainetés. Lex Eletronica. Vol. 8, n°1, automne 2002. 18 p.).

Более жесткую позицию по вопросу суверенитета занимал Н. Луман, который был убежден в независимости юридической и политической систем. Поскольку правовая система справляется с проблемами собственными средствами, она не нуждается в суверене. Суверен и суверенитет – понятия политические, а когда в качестве суверена выступает народ, то с концептуальной точки зрения ситуация еще больше осложняется, поскольку народ ничего не решает, а именно в этом заключается основная функция политической власти (Luhmann N. Das Recht der Gesellschaft. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1995. S. 417–418.).

[3] АВПРИ. Ф. 341. Оп. 888. Д. 399. Л. 14.

защитить колонии от врага в случае войны, а в мирное время – от иностранных судов, незаконно занимавшихся рыболовством у берегов Русской Америки. В частности, было отмечено, что в связи с утверждением Российского государства в Приамурье и Приморье, земли Аляски не имеют особого значения. Основной причиной территориальной уступки была названа стратегия внешней политики Российской империи.

Следует отметить, что не все члены этой исторической встречи сразу же склонились к такому уникальному решению. Министр иностранных дел А. М. Горчаков сомневался в правильности добровольного отказа от российских владений в Северной Америке. Задолго до этой встречи он писал царскому посланнику в Вашингтоне Э. А. Стеклю, что у него нет уверенности в пользе продажи Аляски[1].

Сохранились архивные документы, свидетельствующие о том, что буквально за несколько недель до подписания договора российской стороной члены Особого комитета продолжали убеждать А. М. Горчакова в необходимости продажи Аляски, поскольку для Александра II именно мнение министра иностранных дел было решающим и определяющим в этом вопросе. Одним из первых было письмо М. Х. Рейтерна от 2 декабря 1866 г. В этом секретном сообщении министра финансов, написанного якобы по просьбе Э. А. Стекля, излагаются мотивы возможной уступки Русской Америки[2]. Причины отказа от российских колоний, содержащиеся в данном письме, в будущем лягут в общепринятую аргументацию заключения сделки.

7 декабря 1866 г. на А. М. Горчакова пытается давить управляющий Морским министерством Н. К. Краббе. В отличие от министра финансов М. Х. Рейтерна он не скрывает, что действует от имени и по поручению великого князя Константина Николаевича и намекает на то, что

---

[1] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 70/4. Д. 195. Л. 216–217.
[2] АВПРИ. Ф. 341. Оп. 888. Д. 399. Л. 9.

А. М. Горчаков противостоит идее отторжения российских территорий, в уступке которых заинтересован брат императора[1].

Таким образом, получается, что А. М. Горчаков изначально официально заявил императору свою позицию в отношении идеи продажи североамериканских колоний. К сожалению, впоследствии под давлением других членов Особого комитета министр иностранных дел передумал и проголосовал за отказ от Русской Америки.

Тот факт, что продажа Аляски была реализована небольшой группой «заговорщиков» в правительстве, не имел ничего общего с обычными коллегиальными решениями высших сановников Российской империи. Из этого следует, что Особый комитет полностью взял бразды правления страной в свои руки.

После принятия верховной властью Российской империи окончательного решения по уступке Аляски Э. А. Стекль сразу же (в январе 1867 г.) уехал из Петербурга и уже в марте 1867 г. прибыл в Вашингтон транзитом через Нью-Йорк.

Так, в начале марта 1867 г. барон Э. А. фон Стекль приступил к осуществлению плана по продаже территорий, время от времени сообщая по телеграфу о ходе переговоров с американским правительством. Подобные донесения Э. А. Стекля являлись, пожалуй, главным, если не единственным источником, свидетельствовавшим о ходе переговоров царского посланника с государственным секретарем США У. Г. Сьюардом. В них, в частности, указывалось, что президент Соединенных Штатов Эндрю Джонсон изначально не был склонен к заключению сделки, но затем согласился с идеей покупки русский колоний в Северной Америке после убеждений государственного секретаря.

Также из писем Э. А. Стекля узнаем, что первоначальная сумма отступных за Аляску, предложенная американской стороной, равнялась всего лишь 5,5 миллионов долларов золотом. Подобным образом, как

---

[1] АВПРИ. Ф. 341. Оп. 888. Д. 399. Л. 11.

представляется, царский посланник в Вашингтоне хотел подчеркнуть свою дипломатическую проницательность и дальновидность[1].

Спустя непродолжительное время после начала дискуссий, а именно 19 марта 1867 г., стороны согласовали проект соглашения купли-продажи Аляски за 7 миллионов долларов золотом. Таким образом, Э. А. Стекль добился суммы на два миллиона больше той, что ранее была обозначена главой Министерства финансов М. Х. Рейтерном.

А. М. Горчаков также направлял закодированные телеграммы в Вашингтон, например: «император разрешает продажу за 7 миллионов долларов и подписание контракта ...» или «постарайтесь получить плату в более близкое время и, если возможно, в Лондоне Барингу. Заключайте без согласования»[2].

Перед тем как известить императора и членов Особого комитета об условиях договора, Э. А. Стекль и У. Г. Сьюард обменялись нотами, текст которых, по всей вероятности, был согласован заранее. В своем обращении от 23 марта 1867 г. государственный секретарь США твердо настаивал, что уступка территории «признается свободной и изъятой от всяких ограничений, привилегий, льгот или владельческих прав» и что «это условие должно рассматриваться как ультимативное»[3]. В качестве встречного представления за подобную уступку У. Г. Сьюард, после согласования этого вопроса с президентом США Эндрю Джонсоном, повысил цену за приобретаемые русские колонии до 7,2 миллионов долларов золотом. Во встречном письме от 25 марта 1867 г. Э. А. Стекль отвечал согласием на предложение правительства Соединенных Штатов[4].

---

[1] См.: История Русской Америки (1732–1867). Т. 3. Русская Америка: от зенита к закату (1825–1867) / Отв. ред. Н. Н. Болховитинов. М.: Междунар. отн-я, 1999. С. 443–445.

[2] См.: Зинухов А. Н. Преступная сделка. Как продали Аляску // Международный ежемесячник «Совершенно секретно». 2000. № 4/131. С. 26–27.

[3] Цит. по: История Русской Америки (1732–1867). Т. 3. Русская Америка: от зенита к закату (1825–1867) / Отв. ред. Н. Н. Болховитинов. М.: Междунар. отн-я, 1999. С. 449.

[4] АВПРИ. Ф. 170. Оп. 512/3. Д. 93. Л. 195.

Вечером 29 марта 1867 г. Эдуард Андреевич фон Стекль отправился домой к государственному секретарю США Уильяму Генри Сьюарду. Целью визита было показать полученную от министра финансов телеграмму с тем, чтобы на следующий день начать процесс заключения соглашения. Однако У. Г. Сьюард предложил сделать это немедленно и вызвал несколько чиновников Государственного департамента. У. Г. Сьюард и Э. А. Стекль провели на заседании всю ночь с 29 на 30 марта 1867 г. Когда барон Э. А. фон Стекль согласился на все мыслимые и немыслимые уступки[1], в 4 утра договор был готов: подготовлен, подписан и скреплен печатями государств. В тот же день в 10 часов утра американский президент Эндрю Джонсон отправил договор в Сенат для ратификации.

Резюмируя, можно констатировать, что Аляска вошла в состав Российской империи по принципу первичного овладения ею как никому не принадлежащей территорией, т. е. по праву оккупации.

Русская Америка имела статус колонии, которая обладала очень интересной отличительной особенностью. Так, Аляска управлялась не напрямую государственными органами, а полугосударственным торговым учреждением – Российско-американской компанией. Североамериканские владения Российского государства оставались под покровительством указанной компании вплоть до их передачи в собственность Соединенных Штатов в 1867 г.

Необходимо также еще раз сделать акцент на том, что совершение договора купли-продажи Аляски происходило в строжайшей тайне.

---

[1] Так, например, американская сторона настойчиво требовала, чтобы Аляска была передана без каких бы то ни было акцессорных обязательств и условий. Также президент США Эндрю Джонсон и государственный секретарь Уильям Генри Сьюард отказались от предложения по уплате денег в Лондоне, а именно в «Барингс Банке» (Barings Bank). Представляется, что американцы не хотели принимать участие в финансовой афере, вероятно зная о том, что в указанном лондонском банке хранились личные деньги семьи Романовых, в то время как государственные средства содержались в «Банке Англии» (Bank of England). См. подробнее: История Русской Америки (1732–1867). Т. 3. Русская Америка: от зенита к закату (1825–1867) / Отв. ред. Н. Н. Болховитинов. М.: Междунар. отн-я, 1999. С. 452–453; Зинухов А. Н. Преступная сделка. Как продали Аляску // Международный ежемесячник «Совершенно секретно». 2000. № 4/131. С. 26–27.

Удивительно, но при достаточно высоком уровне разведки исследуемого периода информация не просочилась к третьим лицам. Лондонский «Таймс» (The Times) писал с тревогой о взаимной «таинственной симпатии», которая существует между Россией и США[1].

Уникальность сделки об уступке Аляски состоит также в том, что решение о ее заключении принималось в очень узком кругу[2]. Так, например, только 7 (19) апреля 1867 г. руководство Российско-американской компании было уведомлено о подписании соглашения как о свершившемся факте. Внезапная продажа Русской Америки США создала огромные трудности для компании и повлекла значительные убытки[3].

О том, что Аляска продана Соединенным Штатам общественности стало известно еще позже – только спустя два месяца после совершения сделки.

Смена флага на флагштоке перед домом главного правителя Аляски произошла в 15 часов 30 минут 18 октября 1867 г. С этого момента Русская Америка окончательно приобрела статус территории США[4].

Следует отметить, что официальное оформление межгосударственных отношений между Российской империей и Соединенными Штатами посредством соглашения 1867 г. на время сблизило Россию и США, а также позволило американскому правительству со всех сторон окружить британские владения в Северной Америке.

---

[1] РГБ. ОР. Ф. 169. Оп. 11. Д. 4. Л. 32.

[2] О предполагаемой продаже знали всего шесть человек: Александр II, Константин Николаевич Романов (особое доверенное лицо и брат императора), Александр Михайлович Горчаков (министр иностранных дел), Михаил Христофорович Рейтерн (министр финансов), Николай Карлович Краббе (морской министр) и Эдуард Андреевич фон Стекль (царский посланник в Вашингтоне).

[3] По данным последнего главного правителя колоний Д. П. Максутова убытки составили 4 043 882 руб. 59 коп. См. подробнее: Беляков Д. А. Исследование и анализ причин продажи Аляски США в 1867 году // Юридическая наука и практика: Вестник НА МВД России. Н. Новгород: отд-е полигр. и оператив. печати НА МВД России, 2012. № 19. С. 109.

[4] См.: История Русской Америки (1732–1867). Т. 3. Русская Америка: от зенита к закату (1825–1867) / Отв. ред. Н. Н. Болховитинов. М.: Междунар. отн-я, 1999. С. 468–469.

3.2. Вид и правовые особенности соглашения об уступке Аляски

Подписание соглашения между Российской империей и Соединенными Штатами об уступке русских владений в Северной Америке состоялось 30 марта 1867 г. в Вашингтоне.

Известно, что официальный текст документа на русском языке отсутствует. Договор был составлен только на английском и французском языках («дипломатические» языки). Впоследствии интерпретация Конвенции от 30 марта 1867 г. была включена в Полное собрание законов Российской империи, где содержится ратификация этого соглашения[1]. Проведя сравнительно-правовой анализ указанного источника и оригинала договора на английском языке, приходим к выводу о том, что их содержание в целом совпадает, за исключением некоторых особенностей изложения материала на дореволюционном русском языке.

Текст соглашения об уступке Русской Америки, которое заложило мировое могущество США посредством сдачи стратегических позиций России на Аляске, приводится в Приложении III настоящего исследования[2].

Следует отметить, что для России указанное соглашение было крайне неблагоприятным.

Условия сделки на самом деле были продиктованы американской стороной. В пяти из семи статей договора указано, что в результате его заключения получит правительство Соединенных Штатов, и только в двух освещаются вопросы, касающиеся собственности Православной Церкви на Аляске и формы вознаграждения, которое будет выплачено Российской империи.

---

[1] Высочайше ратифицированная Конвенция об уступке Северо-Американским Соединенным Штатам Российских Северо-Американских колоний от 3 мая 1867 г. Ст. 44.518 // ПСЗРИ. Собр. 2. Отд. 1. СПб.: Тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1871. Т. XLII. См. Приложение II. С. 230.

[2] Текст представлен в авторском переводе в двуязычном формате (английский – русский). См. Приложение III. С. 232.

Если еще в декабре 1866 г. российская сторона была готова отдать Русскую Америку за 5 миллионов долларов, то к концу марта 1867 г. цифра выросла до 7 миллионов, и барон Э. А. фон Стекль почти восторженно описывал, как он успешно торговался и получил на 2 миллиона больше, чем предполагалось. Э. А. фон Стекль не скрывал, что помогли ему в этом «влиятельные» американцы[1].

Э. А. Стекль еще не потерял надежду исправить свое финансовое положение: если император был не в состоянии по достоинству оценить вклад своего посланника[2], то появлялась возможность получить вознаграждение самостоятельно. В случае осуществления платежа в соответствии с буквой договора, сделать что-либо он бы не смог, но оплата производится правительством Соединенных Штатов с определенными нарушениями в сроках и форме оплаты. Подобное могло произойти только в той ситуации, когда две стороны – США и Россия, в лице своих высокопоставленных чиновников, знали, куда пойдут эти деньги.

Американцы получили русские владения в Северной Америке сразу после ратификации договора[3], не дожидаясь выделения средств Конгрессом США, на вечные времена и без каких-либо условий и обязательств. Тем не менее в российской публицистике встречается мнение о том, что Аляска в действительности не была продана, а сдана в аренду на 99 лет[4], но СССР по неизвестным причинам не потребовал ее обратно. Эта же версия обыгрывается в романе Джеффри Арчера «Дело чести» (A Matter of Honour[5]),

---

[1] См.: Беляков Д. А. Исследование и анализ причин продажи Аляски США в 1867 году // Юридическая наука и практика: Вестник НА МВД России. Н. Новгород: отд-е полигр. и оператив. печати НА МВД России, 2012. № 19. С. 109.

[2] Известно, что царь пожаловал своему посланнику в Вашингтоне только 25 тыс. долларов. См. подробнее: Толмачев Е. П. Александр II и его время: в 2 кн. Кн. 2. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 1998. С. 167.

[3] Соединенные Штаты ратифицировали соглашение 28 мая 1867 г.

[4] См. например: Барова Е. Взятка за Аляску: вернуть нельзя оставить // Еженедельник «Аргументы и Факты». Н. Новгород, 2014. № 49. С. 40; Ваганов И. В. Вологжане – первооткрыватели Русской Америки // Литературно-общественный журнал «Голос эпохи». М.: «Традиция», 2013. Вып. 4. С. 245.

[5] Archer J. H. A Matter of Honour. London: CORONET BOOKS Hodder and Stoughton, 1986. 499 p.

написанном в 1986 г. Возможно миф о том, что Аляску не продали, каким-либо образом связан с заявлениями российского правительства 1917 г. в отношении непризнания любых соглашений и договоров, заключенных царской Россией. Представляется, однако, что никакой почвы под этими версиями нет, так как на основании соглашения об уступке российских владений в Северной Америке от 30 марта 1867 г. Аляска однозначно, окончательно и бесповоротно переходила в полную собственность США.

Рассматривая сделку о продаже Аляски, следует исходить из того, что государства вступали в договорные отношения как публично-правовые образования, которые обладали государственным суверенитетом.

Передача российских колоний в Северной Америке осуществлялась в форме уступки. Данную форму в международном праве принято называть цессией (cessio)[1]. Под цессией понимается договорная уступка или передача части территории.

Уступка Аляски была произведена по цессионному межгосударственному соглашению на компенсационной основе.

Следует отметить, что приобретение территории Русской Америки на основании купли-продажи не являлось для Соединенных Штатов первым подобным прецедентом. Так, в 1803 г. за 15 млн. долларов были приобретены французские владения в Северной Америке[2].

Возвращаясь к тексту соглашения об уступке Аляски, необходимо зафиксировать, что в его вступительной части указываются

---

[1] Цессия (cessio) или договорная уступка – приобретение территории. См. подробнее: Международное право. Особ. часть: учеб. для вузов / Отв. ред. проф. Р. М. Валеев и проф. Г. И. Курдюков. М.: Статут, 2010. С. 397.

[2] Договор о продаже Луизианы был подписан 30 апреля 1803 г. в Париже. Размер приобретенной территории составил около 2,1 млн. кв. км. В настоящее время на землях, отошедших США на основании соглашения от 1803 г., располагаются следующие штаты: Арканзас, Миссури, Айова, Оклахома, Канзас, Небраска, южная часть штата Миннесота, большая часть штата Северная Дакота, практически весь штат Южная Дакота, северо-восточная часть штата Нью-Мексико, большая часть штата Монтана, часть штата Вайоминг, северная часть Техаса, восточная половина Колорадо, часть штата Луизиана (по обе стороны реки Миссисипи), включая город Новый Орлеан. См. подробнее: Луцков Н. Д. Присоединение Луизианы к США // Американский экспансионизм: Новое время [сб. науч. статей / науч. ред. Н. Н. Болховитинов]. М.: Наука, 1985. С. 9–28.

договаривающиеся стороны: Его Величество Император всея Руси и Северо-Американские Соединенные Штаты.

При этом, невзирая на масштаб сделки, уполномоченным по ведению переговоров и подписанию Конвенции был назначен барон Э. А. фон Стекль. Таким образом, межгосударственный договор подлежал подписанию даже не министром иностранных дел, а царским посланником в США в звании тайного советника. С учетом данного обстоятельства в преамбуле значится, что соглашение «было заключено и подписано соответствующими полномочными представителями сторон в городе Вашингтоне…»: от имени президента Северо-Американских Соединенных Штатов – Уильямом Генри Сьюардом, государственным секретарем; от имени Его Величества Императора всея Руси – Эдуардом Андреевичем фон Стеклем, тайным советником, чрезвычайным посланником и полномочным министром в Соединенных Штатах.

Предметом договора являются североамериканские колонии, принадлежавшие Российской империи, которые Его Величество Император всея Руси на возмездной основе передавал Соединенным Штатам[1].

Так, в статье I соглашения «Его Величество Император всея Руси соглашается уступить Северо-Американским Соединенным Штатам … всю территорию и владения, которые на данный момент находятся в собственности Его Императорского Величества на Американском континенте и прилегающих островах».

Несмотря на уступку указанной территории, стоит заметить, что данная Конвенция подвела юридическую базу для права России на все земли в Северном Ледовитом океане, которые, если посмотреть на современной

[1] На основании договора от 30 марта 1867 г. к Соединенным штатам переходили: весь полуостров Аляска, береговая полоса шириной в 10 миль южнее Аляски вдоль западного берега Британской Колумбии; архипелаг Александра; Алеутские острова с островом Атту; острова Ближние, Крысьи, Лисьи, Андреяновские, Шумагина, Тринити, Умнак, Унимак, Кадьяк, Чирикова, Афогнак и другие более мелкие острова; острова в Беринговом море: Св. Лаврентия, Св. Матвея, Нунивак и о-ва Прибылова – Св. Георгия и Св. Павла. См. Приложение IV. С. 240.

карте, начинаются от Берингова пролива и проходят до Северного полюса. Именно таким образом были определены линии русских владений в Арктике.

Историческое значение данного документа состоит прежде всего в том, что оно было одним из соглашений, на основе которых в то время происходило формирование Азиатско-Тихоокеанской границы России, остающейся практически неизменной до настоящего времени. Как отмечают исследователи В. Е. Степенко и О. А. Чернова, незыблемость государственных границ служит гарантией безопасности государства, позволяет предотвратить территориальные споры и конфликты, служит сохранению спокойствия в приграничных районах, дальнейшему укреплению и развитию сотрудничества и взаимопомощи[1]. В связи с этим сопредельные государства заключают пограничные договоры (т. е. договоры, связанные с пограничными вопросами).

В силу соглашения от 30 марта 1867 г. устранялись какие-либо основания для взаимных претензий и противоречий по территориальным вопросам, и создавалась предпосылка для того, чтобы северная часть Тихого океана стала местом сотрудничества, а не конфронтации.

Так, в соответствии с договором о продаже Аляски от 30 марта 1867 г.:

– сравнительно точно указывается западная граница уступаемых территорий, а именно то, как она проходит от начальной точки в Беринговом проливе по меридиану до Северного полюса «и продолжается точно на север, без каких-либо ограничений, в … Северный Ледовитый океан»;

– линия разграничения в Беринговом море не была четко определена, а были обозначены только три точки, по которым проходили границы: первая – исходная точка в Беринговом проливе, вторая находится «посередине между северо-западной точкой острова Святого Лаврентия и юго-восточной точкой мыса Чукотского к меридиану по сто семьдесят второму градусу западной долготы», а третья – в юго-западном направлении

---

[1] Степенко В. Е., Чернова О. А. К вопросу о формировании и реализации государственной пограничной политики Российской Федерации // Юридический мир. 2006. № 9. С. 18–26.

«посередине между островом Атту и островом Куппер Командорского архипелага на севере Тихого океана к меридиану по сто девяносто третьему градусу западной долготы». Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что в уступаемую территорию были включены все Алеутские острова к востоку от указанного меридиана.

На момент заключения соглашения о продаже Русской Америки такого обозначения границ было достаточно для того, чтобы понять, что «уступаемые территории» охватывают все земли на Аляске и прилегающих островах. Линии указанных границ не были предназначены для делимитации исключительной экономической зоны и континентального шельфа, поскольку таких институтов международного права в 1867 г. еще не существовало. Однако хотелось бы подметить, что теоретически международное право не запрещает сторонам договора дать новое назначение границам, которые были согласованы ранее.

Статья II Конвенции связана с передачей США имущественных прав на недвижимость Русской Америки, а именно: права собственности «на все принадлежащие государству площади и участки земли, никем не занятые земли, публичные здания, укрепления, казармы и иные сооружения, которые не являются частной индивидуальной собственностью». Неприкосновенными оставались лишь «церкви, которые были построены на уступаемой территории российским Правительством». Они оставались в собственности членов Православной Церкви, проживавших на продаваемых владениях. А «любые правительственные архивы, сертификаты и документы, относящиеся к уступаемым территориям и владениям и находящиеся там …, передаются уполномоченному представителю Северо-Американских Соединенных Штатов». Далее, однако, следует оговорка об обязательстве Соединенных Штатов в отношении безоговорочного предоставления заверенных копий вышеуказанных государственных бумаг российскому правительству, должностным лицам или подданным.

Нельзя не отметить, что на Аляске Русская Православная Церковь была активной. К середине XIX в. большинство коренных жителей Русской Америки крестились. Алеуты и в меньшей степени индейцы Аляски и сейчас являются православными. К моменту продажи североамериканских колоний Русская Православная Церковь насчитывала порядка 13 тыс. человек паствы[1]. Церковь также внесла большой вклад в распространение грамотности среди уроженцев Аляски.

Тем не менее с реальным приходом американцев и уходом большей части русских алеуты испытали сильное миссионерское протестантское давление. Однако упорно навязывающееся миссионерство протестантов дало неожиданный эффект – православная вера для алеутов стала их национальной верой, которая наилучшим образом удовлетворяла их личные духовные потребности. С тех пор она неизменно присутствует на Аляске как вера аборигенов.

Что касается прав собственности, то статья II соглашения от 30 марта 1867 г. представляется абсурдной, так как государство обладало только верховным политическим правом, и у него отсутствовало право собственности на строения, имущество и земли. В связи с этим выходит, что недвижимого имущества – объекта рассматриваемой статьи – в колониях у государства не было, следовательно, передавать (уступать) ему было нечего, то есть объект для формальной передачи юридически отсутствовал.

Конечно, государственный суверенитет является основой правовой природы государственной территории. Именно это качество определяет правовое отличие данной территории от других территориальных категорий. Территориальное верховенство означает полное и исключительное могущество государства на своих владениях. Оно проявляется в осуществлении государством суверенной власти над всеми лицами и организациями на своей территории (imperium) и верховном публично-правовом владении, установленном на данных землях (dominium). Это

[1] АВПРИ. Ф. 341. Оп. 888. Д. 406. Л. 52.

означает, что на территории того или иного государства не может действовать власть другой страны. На территории такого государства применяются его законы, правительственные и судебные решения, распространяющиеся на его народ и учреждения.

Но другой собственности, кроме частной собственности креолов и русских, населявших Аляску, и исключительной собственности Российско-американской компании, в Русской Америке не было. Уступленные колонии были обременены правами акционерной компании, которая имела «высочайше утвержденную концессию, что пустопорожние земли, здания, казармы и другие строения, не составляющие частной личной собственности, неотъемлемо принадлежат Компании на законном праве собственности»[1].

Таким образом, учитывая вышеизложенное, можно заключить, что правительство Российской империи продало частную собственность без проведения ее предварительной оценки и без согласия законного владельца.

Статья III договора о продаже Аляски закрепляет права жителей «уступаемой территории»: по собственному выбору, а также сохраняя обязательство «постоянной верности государству в силу рождения», они могли вернуться в Россию в трехгодичный срок. В случае же если обитатели Русской Америки предпочитали остаться на передаваемой территории, то они, «за исключением нецивилизованных диких племен», допускались «к осуществлению всех прав, преимуществ и привилегий граждан Северо-Американских Соединенных Штатов». При этом нужно отметить, что царское правительство явно проявило заботу о народе своей страны, указав в соглашении о соблюдении права собственности и свободы вероисповедования остающихся на уступаемых владениях русских граждан, а также отметив обязанность Соединенных Штатов соблюдать, обеспечивать и охранять их.

Следующая IV статья рассматриваемого документа закрепляет положения о формальной передаче предмета соглашения, т. е. территорий,

---

[1] АВПРИ. Ф. 341. Оп. 888. Д. 412. Л. 483.

владений и земель, передаваемых Северо-Американским Соединенным Штатам. Для данных целей Его Величество Император всея Руси обязуется назначить своего «уполномоченного представителя». Тем не менее в последнем предложении анализируемой статьи делается оговорка о немедленном вступлении американского правительства во владение с момента обмена ратификационными грамотами Конвенции[1], «не дожидаясь формальной передачи указанных территорий и владений».

Статья V исследуемого соглашения, в свою очередь, предусматривает незамедлительную передачу уполномоченному представителю Северо-Американских Соединенных Штатов всех военных гарнизонов и военных укреплений, находящихся на Аляске. Стороны также закрепляют договоренность об отзыве любых российских войск, располагающихся на территории продаваемых колоний, не определяя, однако, точных сроков, а ограничиваясь лишь неопределенной формулировкой: «в кратчайшие, практически осуществимые сроки».

Статья VI содержит такие важные и основополагающие условия Конвенции, как сумма, которую «Северо-Американские Соединенные Штаты соглашаются уплатить … дипломатическому или иному представителю Его Величества Императора всея Руси» – семь миллионов двести тысяч долларов золотом, и срок уплаты указанного денежного вознаграждения – «в течение десяти месяцев с момента обмена ратификациями» договора. На основании положений данной статьи также устанавливается место совершения платежа – «Государственное казначейство в городе Вашингтоне». Однако необходимо отметить, что это предписание было нарушено в ходе реализации названного пункта соглашения.

Территория, уступаемая по соглашению от 30 марта 1867 г., объявлялась независимой и свободной от каких-либо обременений, привилегий и полномочий. Российская сторона также гарантировала, что такая территория

---

[1] См.: Беляков Д. А. Текстуально-правовое оформление соглашения об уступке Аляски // Федеральный научно-практический журнал ДНК Права. Н. Новгород: тип. ООО «Стимул-СТ», 2014. № 2. Ноябрь. С. 4.

не находится во владении каких-либо компаний, корпораций или любых иных лиц, «за исключением частных владельцев личной собственности». В соответствии с заключаемой сделкой к Соединенным Штатам переходили все права, полномочия и привилегии, которыми Российская империя пользовалась на Аляске и «прилегающих неделимых землях».

Все, казалось, должно быть наоборот: сначала перечисление денежных средств, а потом – постепенная передача владений, земель, зданий, строений, военных укреплений и гарнизонов, которые находились на уступаемой территории, вывод войск, переселение жителей. Соглашение же определяло незамедлительную передачу колоний и вступление во владение США, не дожидаясь официальной передачи дел, отзыва вооруженных сил и получения денег. Более того, в договоре присутствует оговорка о том, что деньги могли быть выплачены Российской империи только через десять месяцев после ратификации. Получается, что даже порядок исполнения Конвенции, которую 30 марта 1867 г. подписали Э. А. фон Стекль и У. Г. Сьюард в городе Вашингтоне, был полностью продуман и разработан в интересах Соединенных Штатов.

Следует также заметить, что из статьи VI вытекали некоторые фундаментальные аспекты финансовых отношений. Плательщиком по соглашению является Государственное казначейство Северо-Американских Соединенных Штатов. Этот пункт был безоговорочно соблюден. А вот далее следуют некоторые нарушения. Так, местом платежа на основании подписанного договора был указан город Вашингтон. Однако на чеке место платежа – город Нью-Йорк[1]. Средства в размере 7,2 млн. долларов должны были быть выплачены наличными, а именно «золотыми монетами». Э. А. фон Стекль был указан в чеке в качестве получателя. В соответствии с условиями Конвенции он мог получить деньги, действуя в качестве дипломатического представителя Российской империи. Но сразу же после

[1] См. Приложение V. С. 241.

ратификации соглашения[1] министр иностранных дел А. М. Горчаков передал все полномочия по завершению сделки Министерству финансов. Таким образом, А. М. Горчаков был вынужден направить соответствующего представителя в г. Вашингтон. Такой представитель должен был получить денежные средства «золотыми монетами» с тем, чтобы затем доставить их на российский военный корабль и по прибытии передать в государственную казну в Санкт-Петербурге. Вместо этого барон Э. А. фон Стекль, даже не пытаясь прояснить ситуацию, получил чек на 7,2 млн. долларов, а не золотые монеты. С точки зрения оплаты золотом наличными он получил 5,4 млн. долларов в золотых монетах[2]. Разница, думается, осталась в Государственном казначействе Соединенных Штатов.

Как представляется, вышеуказанная разница в суммах на самом деле являлась стоимостью молчания. В то же время обет молчания возложило на себя и правительство России. В начале июля 1867 г. президент Соединенных Штатов Э. Джонсон представил соглашение в Конгресс для принятия решения о расчете с Россией. Но если резолюция о ратификации Конвенции была принята практически единогласно, то теперь мнения конгрессменов разделились. Пока проходило обсуждение указанной ситуации, срок оплаты истек. Тем не менее американский Конгресс никак не мог решить, стоит ли платить по договору. И только 27 июля 1868 г. было принято постановление о выделении необходимой суммы[3]. Отсюда следует, что просрочка платежа составила более чем три месяца. Практика международных договоров в таких случаях предполагает штрафные санкции или аннулирование обязательств. Однако ничего подобного не произошло.

---

[1] Высочайше ратифицированная Конвенция об уступке Северо-Американским Соединенным Штатам Российских Северо-Американских колоний от 3 мая 1867 г. Ст. 44.518 // ПСЗРИ. Собр. 2. Отд. 1. СПб.: Тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1871. Т. XLII.

[2] См. подробнее: Зинухов А. Н. Преступная сделка. Как продали Аляску // Международный ежемесячник «Совершенно секретно». 2000. № 4/131. С. 26–27.

[3] См. подробнее: Миронов И. Б. Роковая сделка: как продавали Аляску. М.: Алгоритм, 2007. С. 198–199.

Создается такое впечатление, что Э. А. фон Стекль представлял не Россию, а определенную группу влиятельных людей. В противном случае в соглашении были бы предусмотрены действия сторон при подобных обстоятельствах, и в крайнем случае его можно было признать недействительным.

В конечном итоге деньги были перечислены в «Риггс Банк» (Riggs Bank), а затем барон Э. А. фон Стекль поручил перевести 7,035 млн. долларов в «Барингс Банк» (Barings Bank) в г. Лондоне[1]. Оба названных банка на настоящий момент уже прекратили свое существование. След этих денежных средств потерялся во времени, предоставив повод для самых разнообразных мнений и теорий. На основании одной из версий чек был обналичен в Лондоне. Впоследствии на него были куплены золотые слитки, которые и предполагалось транспортировать в Российскую империю. Впрочем, доставка груза так и не была осуществлена. Корабль «Оркни» (Orkney), на борту которого находился ценный груз, 16 июля 1868 г. затонул на подходе к Санкт-Петербургу в водах Финского залива. Было ли на нем в тот момент золото, или оно в принципе не покидало границ Великобритании, до сих пор неизвестно. Компания, застраховавшая судно и груз, объявила себя банкротом, а ущерб был возмещен лишь частично. На сегодняшний день район крушения барка «Оркни» располагается в территориальных водах Финляндии. В 1975 г. в результате совместной советско-финской экспедиции было обследовано место его затопления, и обнаружены обломки судна. Проведенное исследование показало, что на корабле произошел мощный взрыв и сильный пожар. Как бы то ни было, золота найти все же не удалось – по-видимому, оно так и осталось на Туманном Альбионе[2].

---

[1] См.: История Русской Америки (1732–1867). Т. 3. Русская Америка: от зенита к закату (1825–1867) / Отв. ред. Н. Н. Болховитинов. М.: Междунар. отн-я, 1999. С. 478–479.

[2] См. подробнее: Крюков С. Как продавали Аляску? // Инф.-аналитич. изд-е «Служу Отечеству». 2013. Январь // http://www.sluzhuotechestvu.info/index.php/gazeta-sluzhu-otechestvu/arkhiv-2013/yanvar-2013/item/425-как-продавали-аляску?.html. Дата обращения: 26.06.2015.

В результате Российское государство так ничего и не получило за отказ от своих североамериканских колоний.

В соответствии с другой точкой зрения средства в действительности поступили в казначейство Российской империи. Подтверждением этому служат документы накладных, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве. Согласно этим данным за проданные Соединенным Штатам российские колонии в Северной Америке в казну поступило 11 362 481 руб. 94 коп[1]. «Из числа 11 362 481 руб. 94 коп. израсходовано за границею на покупку принадлежностей для железных дорог: Курско-Киевской, Рязанско-Козловской, Московско-Рязанской и др. 10 972 238 руб. 4 коп. Остальные же 390 243 руб. 90 коп. поступили наличными деньгами»[2]. Вопрос о том, какая из версий истинна и в наибольшей степени отражает действительное положение дел, остается открытым.

Средства в размере 165 тыс. долларов Э. А. Стекль потратил «на дела, известные императору»[3]: правовое сопровождение соглашения, лоббирование интересов в Конгрессе США, перевод средств из одного банка в другой, дорогостоящие телеграммы в российскую столицу. Кроме того, как было указано выше, 25 тыс. долларов правительство выделило барону Э. А. фон Стеклю в качестве вознаграждения за труды[4]. Более 100 тыс. долларов были списаны Санкт-Петербургом на расходы по тайной статье, поскольку Э. А. Стеклю пришлось подкупать редакторов газет для получения поддержки по заключению сделки в прессе, давать взятки политикам за соответствующие выступления в Конгрессе.

По сути, Русская Америка была уступлена за смехотворную сумму. В нее не были включены природные ресурсы (рыбные, пушные, лесные),

---

[1] РГИА. Ф. 565. Оп. 3. Д. 17843. Л. 9.

[2] Цит. по: Петров А. Ю. Деньги, полученные от продажи Аляски США, пошли на железнодорожное строительство в России // Американский ежегодник. 2002. М., 2004. С. 292.

[3] АВПРИ. Ф. 341. Ф. 888. Д. 412. Л. 430.

[4] Толмачев Е. П. Александр II и его время: в 2 кн. Кн. 2. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 1998. С. 167.

полезные ископаемые Аляски, водные пространства, стоимость недвижимого имущества, географических карт, составленных русскими исследователями, архивов русских поселений и прочих документов, представлявших собой ценный материал, в том числе для американцев, которые получили их не предприняв каких-либо усилий и не вложив в их оформление ни цента.

Так, например, только по официальной информации за 23 года в период 1868–1890 гг. с Аляски было вывезено мехов, золота и серебра, китового жира и мамонтовой кости на сумму 75,2 млн. долларов[1].

Возвращаясь к тексту Конвенции, отметим, что статья VII содержит положение о ратификации, свойственной для международного права середины XIX в.: как только настоящее соглашение будет надлежащим образом ратифицировано Северо-Американскими Соединенными Штатами, с одной стороны, и Российской империей, с другой стороны, «в городе Вашингтоне в течение трех месяцев с даты подписания данного документа, либо ранее, при наличии такой возможности, должен состояться обмен ратификациями».

Ратификация – один из старейших международно-правовых институтов, который возник почти одновременно с подписанием первого межгосударственного договора. Современный институт ратификации начал формироваться в XVIII в. Само соглашение стало предметом последующей ратификации со стороны государств. Так как большинство договоров касалось важных международных вопросов, то только после надлежащего обмена ратификационными грамотами условия и положения такого договора становились обязательными для исполнения.

Как отмечалось ранее, российская сторона ратифицировала соглашение об уступке Аляски в установленные сроки[2], а вот Сенат США сначала не

---

[1] Батуева Т. М. Экспансия на севере Тихого океана в середине XIX века и покупка Аляски в 1867 году. Томск: изд-во Томского унив-та, 1976. С. 52.

[2] Высочайше ратифицированная Конвенция об уступке Северо-Американским Соединенным Штатам Российских Северо-Американских колоний от 3 мая 1867 г. Ст. 44.518 // ПСЗРИ. Собр. 2. Отд. 1. СПб.: Тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1871. Т. XLII.

хотел ратифицировать документ[1]; сенаторы не понимали, зачем Соединенным Штатам «ледовая коробка» (англ. ice box), как называли тогда Аляску, но увещевания государственного секретаря У. Г. Сьюарда сыграли свою роль: 28 мая 1867 г. Конвенция была ратифицирована американским Конгрессом.

После обмена ратификационными грамотами между правительствами соответствующих государств Эндрю Джонсон, президент Северо-Американских Соединенных Штатов, «распорядился об обнародовании настоящего соглашения с той целью, чтобы данное соглашение и каждая его статья добросовестно соблюдались и выполнялись Северо-Американскими Соединенными Штатами и их гражданами».

Таким образом, сделка окончательно свершилась. Небывалый случай для Российской империи – добровольный отказ правительства от своей земли – конечно, должен был получить в российском обществе резко негативную оценку. Этому способствовало и такое обстоятельство, как секретная подготовка к подписанию договора, а также тот факт, что его ратификация не получила огласки в Российском государстве.

Соглашение об уступке Русской Америки, которое стало юридически действительным в 1867 г., не было широко обнародовано на территории Российской империи. Его текст был напечатан только спустя год на французском языке в закрытом издании[2]. Официальных комментариев относительно причины продажи своих североамериканских колоний царское правительство не дало. Министерство иностранных дел ограничивалось общими фразами о необходимости удовлетворения коммерческих и

---

[1] В Конституции США от 1787 г. предусматривалось, что президент нуждается в совете и согласии 2/3 присутствующих сенаторов для заключения договоров. См. подробнее: The Constitution of the United States of America. Presented by Mr. Brady of Pennsylvania. July 25, 2007. Washington: United States Government Printing Office, 2007. Article I. Section 7. P. 4.

[2] Миронов И. Б. Роковая сделка: как продавали Аляску. М.: Алгоритм, 2007. С. 189.

политических интересов обеих сторон, что являлось ключом для объяснения факторов, повлиявших на заключение рассматриваемого договора[1].

Все иные официальные оправдания уступки Аляски, которые были представлены не столько для общества, сколько для императора, так как сделка заключалась на основании его высшей воли, можно узнать только из документов, возникших в ходе подготовки к подписанию документа. Эти причины можно разделить на три группы:

а) внешняя политика – приобретение в союзники США и подрыв мощи вечного врага и конкурента России – Великобритании;

б) внутренняя политика – факторы, связанные с неспособностью эффективно управлять удаленными колониями;

в) экономические причины, вызванные нуждами пополнения казны и поиском нового источника доходов в бюджет.

Подводя итоги анализа соглашения о продаже Аляски, можно констатировать, что оно представляло собой цессионный межгосударственный договор на компенсационной основе. Сторонами соглашения являлись Северо-Американские Соединенные Штаты и Его Величество Император всея Руси в лице своих уполномоченных представителей (У. Г. Сьюард, государственный секретарь США, и Эдуард Андреевич фон Стекль, царский посланник в Вашингтоне, соответственно). Предметом договора были североамериканские колонии, которые на момент его заключения находились в собственности Российской империи. Сумма сделки составила 7,2 млн. долларов золотом. Статьи Конвенции от 30 марта 1867 г. также определяли правовой статус русских жителей Аляски, условия формальной передачи территорий, владений и военных укреплений, срок уплаты денежного вознаграждения и обмена ратификационными грамотами. Заключительные положения содержат такие стандартные характеристики, как дата (30 марта 1867 г.) и место (город Вашингтон) совершения договора.

---

[1] История внешней политики и дипломатии США 1867–1918 / РАН. Ин-т всеобщ. истории; редкол.: д-р ист. наук Г. П. Куропятник (отв. ред.) и др. М.: Наука, 1997. С. 34.

Таким образом, приходим к выводу о том, что в целом рассматриваемое соглашение представляло собой типовой договор купли-продажи со всеми сопутствующими атрибутами. Единственной интересной особенностью является его предмет – колонии Российского государства на американском континенте, так как никогда прежде Россия на добровольной основе, пусть и за денежное вознаграждение, не отказывалась от собственных территорий.

Также нельзя не отметить, что уступка Аляски была следствием дипломатических отношений и внешнеполитических связей Российской империи и Соединенных Штатов. С восшествием на престол в 1855 г. Александр II вступил в конфликт со сложившимися традициями бескомпромиссности и жесткости во внешней и внутренней политике государства, в том числе с принципом нерушимости русских земель.

Основной целью рассматриваемой сделки являлось устранение возможных конфликтов между Россией и США в будущем и укрепление альянса между двумя странами. Кроме того, Российская империя стремилась к континентальному могуществу, но отказом от своих колоний в Северной Америке потеряла стратегический приоритет в Тихоокеанском регионе во 2-й половине XIX в. Экономический эффект от данной сделки для России также был несущественным.

3.3. Причинно-следственные аспекты заключения сделки купли-продажи Аляски

Уступка Аляски Соединенным Штатам, совершенная на основании соглашения от 30 марта 1867 г., на сегодняшний день может восприниматься по-разному. У российских и зарубежных ученых имеется целый калейдоскоп мнений относительно причин, оказавших решающее воздействие на заключение такой крайне невыгодной для Российской империи сделки.

Так, в советской литературе было распространено мнение о том, что главной, если не единственной, причиной продажи Русской Америки была

экспансия Соединенных Штатов и даже угроза прямой военной конфронтации. Например, исследователь М. И. Белов был убежден, что царское правительство «пошло на бессовестную сделку» из-за опасности войны с США, и что инициатива в заключении договора купли-продажи Аляски полностью принадлежала Соединенным Штатам[1].

Следует отметить, что многие специалисты выделяют внешнюю угрозу в качестве одной из главных причин уступки Аляски в 1867 г. В частности, профессор Д. Л. Комягин полагает, что решение о продаже было весьма взвешенным и проверенным в течение полутора десятков лет на всех уровнях власти. Основную причину добровольного отказа от североамериканских колоний ученый видит в том, что петербургское правительство не могло оградить Русскую Америку от экспансии США и Англии[2].

Известный историк А. А. Фурсенко писал, что продажа Аляски была закономерным результатом ослабления самодержавия, его неспособности отстаивать дальние владения на американском континенте и эффективно управлять ими[3].

Ему вторит академик Н. Н. Болховитинов, который отмечает, что важнейшее значение в решении судьбы Аляски имела внешняя угроза, прежде всего экспансия США[4]. Тем не менее ученый приходит к довольно противоречивому выводу и отмечает, что даже эта опасность не кажется решающей, поскольку внешняя угроза русским владениям в Северной Америке в большей или меньшей степени существовала в течение многих лет. Особенно сильно она проявлялась в годы Крымской войны со стороны Англии и США, позиции которых на Тихоокеанском севере все более укреплялись. Однако, как отмечает ученый, в 60-е гг. XIX в. внешняя угроза

---

[1] Белов М. И. К столетию продажи Аляски // Известия ВГО. Т. 99. Вып. 4. 1967. С. 297.

[2] Комягин Д. Л. Приватизация как источник бюджетных доходов // Реформы и право. М.: АНО ЦППИ, 2012. № 2. С. 32–35.

[3] Фурсенко А. А. Гражданская война и Реконструкция // История США. Т. 1. 1607–1877. М.: Наука, 1983. С. 505.

[4] Болховитинов Н. Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1834–1867. М.: Наука, 1990. С. 201–202.

несколько ослабла. В заключении Н. Н. Болховитинов подчеркнул, что уязвимость колоний в случае войны и внешняя угроза имели важное, но не решающее значение, а экспансия Соединенных Штатов носила скорее потенциальный, чем реальный характер[1].

Необходимо еще раз сказать о том, что важность внешней угрозы российским колониям в Северной Америке отмечали и другие отечественные (А. И. Крушанов, Ю. А. Сем, И. Г. Стрюченко[2], Е. В. Алексеева[3], В. А. Ушаков, Н. В. Арсанукаева[4]) и зарубежные (C.-M. Nashke, H. E. Slotnick[5], I. Vinkovetsky[6]) специалисты. Кроме того, в официальных российских документах, связанных с продажей Аляски, этот фактор был также выделен как решающий[7].

Важнейшим аргументом в пользу уступки североамериканских владений признавался именно «военный фактор», т. е. полная беспомощность перед лицом внешних угроз. Эта тема отражена в официальных актах, исходивших от высокопоставленных чиновников Российской империи.

Так, в записке министра финансов М. Х. Рейтерна от 2 (14) декабря 1866 г. (накануне принятия решения об уступке Аляски) говорилось о том, что передача колоний США является желательной из политических соображений. С одной стороны, это избавит Россию от владений, которые, в

---

[1] Болховитинов Н. Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1834–1867. М.: Наука, 1990. С. 316.

[2] Крушанов А. И., Сем Ю. А., Стрюченко И. Г. Экономическое развитие Дальнего Востока в XVIII – первой половине XIX в. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). М.: Наука, 1991. С. 126.

[3] Алексеева Е. В. Русская Америка. Американская Россия? Екатеринбург: УрО РАН, 1998. С. 81.

[4] Ушаков В. А., Арсанукаева Н. В. «Аляскинская проблема» в отечественной историографии (краткий обзор) // Русское открытие Америки. Сборник статей, посвященный 70-летию академика Николая Николаевича Болховитинова. М.: РОССПЭН, 2002. С. 468–470.

[5] Nashke C.-M., Slotnick H. E. Alaska: A History of the 49th State. Norman, Oklahoma: University of Oklahoma Press, 1987. P. 61, 275.

[6] Vinkovetsky I. Russian America: An Overseas Colony of Continental Empire, 1804–1867. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 183.

[7] Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского севера, 1841–1867: Сб. док-тов [сост. Т. С. Федорова, А. Ю. Петров, А. В. Гринев, отв. ред. А. Ю. Петров]. М.: Наука, 2010. С. 315–316, 320–321, 397–399.

случае войны с одной из морских держав, она не в состоянии защитить, а с другой – в случае предполагаемой продажи Аляски Соединенные Штаты станут соседями английских колоний не только с юга, но и с северо-запада. А это, в свою очередь, не может не повлиять на укрепление дружественных отношений США с Российской империей и увеличить противоречия между США и Англией[1].

С руководителем Министерства финансов соглашается управляющий Морским министерством вице-адмирал Н. К. Краббе. В своем письме к министру иностранных дел А. М. Горчакову от 7 (19) декабря 1866 г. он отмечает, что уступка этих далеких колоний принесет пользу, поскольку у них отсутствуют надежные связи с центром, и Россия не в состоянии в случае необходимости защитить их[2]. Сам А. М. Горчаков, исходя из политических соображений[3], также указывает на отдаленность российских владений в Северной Америке и потенциальную опасность для них в случае вторжения. Он пишет: «…в случае войны наши колонии будут зависеть от милости любой враждебной державы»[4].

Впрочем, по мнению автора настоящего исследования, приведенные высказывания были абсолютно несостоятельны, поскольку потенциально начать захват американских колоний Российской империи могли только три страны: Великобритания, США и Франция. Чтобы обосновать данный тезис, как представляется, есть необходимость взглянуть на международные отношения в историческом ракурсе, так как история неотъемлема от событий, связанных с подписанием соглашения об уступке Аляски.

---

[1] См.: Тимощук В. В. Американское посольство в России в 1866 г. // Русская старина. СПб: тип. В. С. Балашева, 1887. № 1. С. 47–48.

[2] Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского севера, 1841–1867: Сб. док-тов [сост. Т. С. Федорова, А. Ю. Петров, А. В. Гринев, отв. ред. А. Ю. Петров]. М.: Наука, 2010. С. 398.

[3] Болховитинов Н. Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1834–1867. М.: Наука, 1990. С. 122.

[4] Цит. по: История Русской Америки (1732–1867). Т. 3. Русская Америка: от зенита к закату (1825–1867) / Отв. ред. Н. Н. Болховитинов. М.: Междунар. отн-я, 1999. С. 435.

На момент заключения договора купли-продажи Аляски Великобритания не представляла реальной угрозы для российских территорий в Северной Америке. Следует признать, что опасность столкновения с англичанами после восстания в Польше (1863–1864 гг.) в той или иной степени все же существовала. Подавление бунта царским российским правительством вызвало, в особенности в Англии и Франции, резко негативную реакцию как в правящих кругах, так и среди общественности. Но к моменту совершения сделки о продаже Аляски указанная опасность не была решающей, а имела скорее потенциальный характер.

Так, например, 1866 г. на Туманном Альбионе ознаменовался глубоким экономическим и политическим кризисом, приведшим к росту цен, крайней нищете рабочей части населения и общему снижению стандартов жизни рабочего класса. Официальное профсоюзное движение (The Trades Union Congress) неоднократно обвиняло власти в увеличении уровня безработицы и кризисе британской экономики. Кроме того, в это же время Англия завязывает войну против Эфиопии (1867–1868 гг.). Начав колониальные захваты еще в 1583 г., ко второй половине XIX в. Великобритания сумела овладеть землями, превышающими по площади метрополию более чем в девяносто раз[1]. Управление такими большими территориями требовало усиленного контроля. Англия хотя и подготавливала, а впоследствии направляла туда особый тип чиновников – колониальных служащих, тем не менее рассматриваемый период для Британии характеризовался национально-освободительной борьбой в колониях.

Что касается Франции, то во второй половине 60-х гг. XIX столетия – эпоха отказа от республиканской формы правления – восстановление империи во главе с пожизненным императором Наполеоном III привело к ряду серьезных проблем. Как отмечал русский юрист-международник

[1] См. подробнее: Овлащенко А. В. Притязания государств на пространства Мирового океана: историко-правовые вопросы // «Транспортное право». М.: «Юристъ», 2005. № 2. С. 23–26.

Л. А. Камаровский, «личность Наполеона III не внушала к себе доверия»[1]. Во время Австро-прусской войны 1866 г. Франция придерживалась нейтралитета, что открыло путь к победе Пруссии. Но после создания в 1867 г. Северо-Германского Союза Отто фон Бисмарк в категоричной форме отказался выполнять данные ранее Наполеону III обещания касательно «компенсации» Франции. Названные обстоятельства нанесли значительный удар по престижу второй империи.

Военная экспедиция Франции в Мексику вызвала сильнейшее недовольство Англии и США, поскольку политика Наполеона III имела своей целью превратить Мексику в колонию, в природно-ресурсный придаток Франции. Кроме того, захват Мексики должен был привести к созданию обширной империи, которая имела бы зависимость от Франции. Попытка реализовать этот план привела к длительной колониальной войне, что потребовало от Франции огромных материальных затрат и вылилось в большое количество человеческих жертв. К концу 60-х гг. XIX в. отношения Франции с большинством европейских стран заметно ухудшились.

Отказ Наполеона III от выполнения своих обязательств по франко-русскому соглашению 1859 г.[2] и попытка в 1863 г. обеспечить дипломатическую поддержку польскому восстанию настроили против французского правительства и царскую Россию. К 1867 г. ухудшились отношения Франции с Пруссией: приближающееся объединение Германии всерьез обеспокоило французские правящие круги. Колониальные авантюры Наполеона III, напряженные отношения с Великобританией – всему этому также способствовало открытие в 1869 г. Суэцкого канала, построенного в целях сопротивления Англии и оказавшегося в руках французских капиталистов. Таким образом, Франция к концу 60-х гг. XIX в. фактически оказалась в состоянии изоляции.

---

[1] Камаровский Л. А. Предложение России об ограничении вооружений // Русская мысль. 1900. № 5. С. 70.

[2] См. подробнее: Краткий курс истории России с древнейших времен до начала XXI века / Р. А. Арсланов [и др.]. М.: АСТ, Астрель, 2013. С. 535.

При этом в условиях возможного военного конфликта правительство Российской империи направило в Тихий океан крейсерскую эскадру под командованием контр-адмирала А. А. Попова, который в случае войны должен был парализовать торговое судоходство Великобритании и ее союзников (другая эскадрилья была направлена в Атлантический океан)[1]. Однако Британия и Франция не решились начать полномасштабную войну за польский вопрос с Россией. В особенности это касалось Франции, которая уже оказалась вовлеченной в войну с Мексикой. У Англии, в свою очередь, были очень напряженные отношения с Вашингтоном из-за поддержки конфедерации во время бушевавшей в США гражданской войны.

В этот период, как уже было отмечено, произошло сближение между Российским государством и Соединенными Штатами на фоне противостояния англо-французскому блоку.

Своего апогея дружеские отношения достигли в 1866 г. в ходе морской экспедиции заместителя министра военно-морского флота США Г. В. Фокса в Россию[2]. В отношениях между Россией и Соединенными Штатами существовала тенденция, направленная на взаимопомощь, пособничество и установление деловых связей. При этом особенно 1866 г. ознаменовался кульминацией сотрудничества, а также обоюдными симпатиями и благожелательностью[3].

Следовательно, с середины 60-х гг. XIX в. внешней безопасности Русской Америки ничего не грозило как минимум на срок 10 лет: с американцами были налажены почти союзнические отношения, Британия всерьез опасалась за безопасность Канады со стороны враждебных Соединенных Штатов, которые предъявляли англичанам претензии в связи с вооружением морских рейдеров для конфедератов. В то же время перед

---

[1] См. подробнее: Болховитинов Н. Н. Русские эскадры в США в 1863–1864 гг. // Новая и новейшая история. 1996. № 1. С. 195–216.

[2] Гринев А. В. Внешняя угроза Русской Америке: миф или реальность // Новая и новейшая история. 2012. № 3. С. 122.

[3] См. подробнее: Тимощук В. В. Американское посольство в России в 1866 г. // Русская старина. СПб: тип. В. С. Балашева, 1887. № 1. С. 47–75.

Францией вполне реально стояла угроза войны с Пруссией. Других потенциально опасных и враждебно настроенных противников у Российской империи не было.

Следует также отметить, что во избежание военного захвата североамериканских колоний было необходимо поддерживать мирные отношения с вышеуказанными великими державами. Кроме того, как верно указал американский исследователь Н. Э. Сол (N. E. Saul), в случае войны на море русские владения на Аляске не были уязвимы в большей степени, чем на Камчатке или другой части сибирского побережья[1].

Сами по себе русские колонии в Северной Америке не были абсолютно беззащитными: на башнях и батареях Ново-Архангельска (ныне Ситка, штат Аляска) находилось несколько десятков орудий, включая тяжелые бомбические пушки, которые в случае удачного залпа могли потопить военный корабль, сделав в нем брешь площадью более одного квадратного метра. В гарнизоне Ново-Архангельска, начиная с 1854 г., постоянно находилось от 80 до 200 солдат и офицеров регулярных войск, а также не менее 20 военных моряков. Почти все корабли Российско-американской компании были вооружены пушками, а многие из них находились под командованием морских офицеров. В случае войны на Тихом океане эти корабли под умелым руководством способны были нанести значительный урон враждебной стороне. По этой причине утверждения ряда высокопоставленных петербургских чиновников о внешней угрозе и полной беззащитности Русской Америки в случае войны с любой морской державой представляются преднамеренной фальсификацией с целью оправдать добровольный отказ от территорий Аляски[2].

---

[1] Saul N. E. Distant Friends: The United States and Russia, 1763–1867. Lawrence, Kansas: University Press of Kansas, 1991. P. 392.

[2] См.: Беляков Д. А. Социально-политические причины продажи Аляски // Бизнес и право: проблемы и перспективы: материалы IV Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 30 декабря 2013 г.) / под ред. проф. Л. А. Чеговадзе; АНО «НОЦ «ЦЕЗИУС». Нижний Новгород: АНО «НОЦ «ЦЕЗИУС», 2013. С. 188.

В самом деле, можно констатировать, что постоянной угрозы североамериканским владениям Российской империи не существовало. Опасность иностранного вторжения грозила им только в незначительные периоды военного конфликта между Россией и европейскими державами, а именно: в ходе Русско-шведской войны (1788–1790 гг.), во время Наполеоновских войн (1799–1801 гг. и 1807–1812 гг.) и Крымской кампании (1853–1856 гг.). Основной международный соперник Российского государства в середине XIX в. – Англия – не была намерена идти на конфронтацию ради Русской Америки. Британцы гораздо в большей степени испытывали страх перед возможной американской экспансией в отношении Канады[1]. Что касается Соединенных Штатов, то они еще не оправились от разрушительных последствий гражданской войны.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что тезис о военной опасности для русских владений в Северной Америке, который выдвигался великим князем Константином Николаевичем и другими правительственными деятелями в качестве главной причины уступки Аляски, был явно безосновательным. Председателя Адмиралтейств-совета легко понять – действительно, в случае какого-либо серьезного конфликта и потери колоний ответственность неизбежно легла бы на военно-морское управление и, таким образом, лично на него. Поэтому, избавившись от заморских территорий, великий князь Константин Николаевич обеспечивал себе достаточно спокойное будущее[2]. По тем же причинам на продаже Русской Америки настаивал и посланник царя в Вашингтоне Э. А. фон Стекль: американские китобои и контрабандисты проникали в территориальные воды Аляски, а это порождало жалобы со стороны Российско-американской компании. В результате этого дипломат был вынужден вести не очень

---

[1] Mazour A. G. The Prelude to Russia's Departure from America, in Morgan Sherwood's // Alaska and Its History. Seattle: University of Washington Press, 1967. P. 162.

[2] См.: Беляков Д. А. Социально-политические факторы, повлиявшие на продажу Аляски США в 1867 году // Научно-аналитический журнал «Инновации и инвестиции». 2014. № 11. С. 93.

приятные переговоры с Государственным департаментом США, что ухудшало дружественные русско-американские отношения[1].

Кроме того, в пользу бездоказательности военной причины продажи Аляски говорит тот факт, что Россия была в состоянии защитить свою территорию от экспансии тех же Соединенных Штатов, причем не только от незаконной рыбной ловли, но и от вооруженного вторжения. Следует указать и на то, что в истории русской Аляски не было примеров, когда Российская империя должна была прибегнуть к вооруженной защите колоний. Безопасность североамериканских владений обеспечивалась силами и активами Российско-американской компании. Известный морской офицер и публицист Д. И. Завалишин отмечал, что, если в колониях и случались злоупотребления, насилие со стороны власти или получение незаконного дохода от труда туземцев, то находились люди, которые брали на себя обязательства по казенному управлению и защите этих мест, что даже в самые трудные времена не стоило казне ничего[2].

Отсюда следует, что «военный фактор» исходил из ведомственных интересов и формально был одной из главных причин уступки Аляски. Однако в реальности международная обстановка с середины 1860-х гг. объективно благоприятствовала безопасности колониальной Аляски. Казалось, судьба хранила Русскую Америку на протяжении десятилетий, но только для того, чтобы колонии достались Соединенным Штатам. Однако надежды царского правительства, связанные с получением надежного союзника в лице США и с возможностью обострить англо-американские противоречия (касающиеся территории Канады), не были оправданы. А сумма, полученная от продажи колоний, была весьма незначительной по сравнению с потенциальным богатством отторгнутых территорий.

---

[1] Jensen R. J. The Alaska Purchase and Russian-American Relations. Seattle: University of Washington Press, 1975. P. 14; Gibson J. R. The Sale of Russian America to the United States // Acta Slavica Japonica. 1983. Vol. 1. P. 25.

[2] Завалишин Д. И. Российско-американская компания. Воспроизведено в оригинальной авторской орфографии изд-я 1865 г.; изд-во Университет. тип. (Катков и Ко). М.: изд. «Книга по требованию», 2012. С. 5.

Показав несостоятельность «военной угрозы», якобы грозившей дальневосточным рубежам Российской империи, переходим к анализу экономических оснований, которые способствовали совершению рассматриваемой сделки.

Защита экономического суверенитета Тихоокеанских владений России в планы петербургской администрации явно не входила.

Острый дефицит бюджета вынудил правительство Российского государства лихорадочно искать новые кредиты и сокращать казенные расходы. В связи с этим царская власть категорически отказалась принять на себя содержание заморских колоний[1].

С другой стороны, это обстоятельство в определенной степени могло побудить правительство Российской империи на получение средств от продажи североамериканских территорий для покрытия государственных расходов. Тем не менее, в соответствии с мнением ряда ученых, финансовые соображения не играли существенной роли, поскольку доход от уступки Аляски не имел ключевого значения при определении ее судьбы; полученная сумма просто терялась на общем фоне колоссальных бюджетных затрат империи[2].

Кроме того, председатель Комитета министров князь П. П. Гагарин о финансовой стороне сделки писал то, что выручка от продажи Аляски была ничтожной, и что скорее «здесь действовали соображения более высшие, а именно – политические…»[3].

Военный министр Д. А. Милютин приводит мнения английской прессы, которые касаются финансовой стороны абсолютно невыгодного для России договора, и отмечает, что сделка признавалась скорее убыточной. А одна

---

[1] См.: Гринев А. В. Динамика высшей управленческой элиты Российско-американской компании // Журнал для ученых «Клио». 2002. № 3. С. 72–84.

[2] См., например: Макарова Р. В. К истории ликвидации Российско-американской компании // Проблемы истории и этнографии Америки [сб. ст.]. М.: Наука, 1979. С. 270; Болховитинов Н. Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1834–1867. М.: Наука, 1990. С. 200.

[3] АВПРИ. Ф. 341. Оп. 888. Д. 412. Л. 484.

британская газета даже заявила, что эта сделка «ничтожна до смешного, так что было бы справедливо сказать, что США получили … колонии в качестве подарка…»[1]. Д. А. Милютин также подчеркивал абсурдность официальных аргументов, связанных с продажей русских земель, и то, что в российском правительстве пытались изменить общественное мнение.

Тщательный анализ документов показывает, что экономические мотивы продажи Аляски и доход в 7,2 млн. долларов кажутся малосущественными. Эта сумма просто теряется на фоне многомиллионных издержек Российской империи. Таким образом, можно прийти к выводу о том, что экономический фактор имел второстепенное значение[2].

Любопытно отметить, что, по мнению российского историка В. В. Похлебкина, уступка Аляски была спровоцирована американцами, которые, начиная с конца 1865 г. (после окончания гражданской войны), намеренно осуществляли скупку акций Российско-американской компании на фондовых биржах. Затем, добившись крайнего предела падения стоимости акций, систематически приобретали их по цене вдвое меньшей номинала. В свете грядущего финансового краха Российско-американская компания согласилась на предложение правительства и рассматривала его как выход из сложившейся ситуации[3]. В противовес вышеприведенному мнению достаточно будет указать на то, что в соответствии с уставными документами Российско-американской компании ее акциями могли владеть только подданные России, так как иностранцам запрещалось их приобретение[4].

Известный историк-американист Н. Н. Болховитинов занимает более сбалансированную позицию касательно экономических причин продажи

---

[1] РГБ. ОР. Ф. 169. Оп. 11. Д. 4. Л. 33.

[2] См., например: Окунь С. Б. Российско-американская компания. М., Л.: Соцэкгиз, 1939. С. 251; Болховитинов Н. Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1834–1867. М.: Наука, 1990. С. 201.

[3] Похлебкин В. В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1 000 лет в именах, датах и фактах. IX–XX вв. Вып. 2. Войны и мирные договоры. Книга I: Европа и Америка. Справочник. М.: Междунар. отн-я, 1995. С. 771.

[4] Петров А. Ю. Наталия Шелихова у истоков Русской Америки. М.: изд-во «Весь Мир», 2012. С. 131.

Аляски. Он считает, что ситуация в Российско-американской компании в 1860-х гг. была трудной, но не критичной[1]. В этой связи данное обстоятельство не могло являться важным основанием отказа от российских владений в Северной Америке.

В свою очередь исследователь Р. В. Макарова и уже упомянутый академик Н. Н. Болховитинов полагали, что основным фактором, который оказал решающее воздействие на принятие положительного решения по вопросу уступки Аляски, был все же политический.

Так, Р. В. Макарова прямо указывает на то, что продажа колоний была произведена по политическим соображениям, которые имели приоритет перед правами Российско-американской компании[2].

По словам Н. Н. Болховитинова, документы ясно показывают, что основная причина этого шага – устранение источников возможных конфликтов в будущем, дальнейшее укрепление дружественного союза между двумя странами, перенесение внимания на укрепление позиций России на Дальнем Востоке, в районе Амурской области[3].

Кроме того, приобретение Аляски Соединенными Штатами ставило в затруднительное положение английские колонии в Северной Америке.

Некоторые внешнеполитические причины заключения рассматриваемой сделки были названы советским историком С. Б. Окунем. Он считал, что дипломатия царской России подобным образом хотела отвлечь внимание Англии от Европы. Это позволило бы создать необходимую атмосферу для аннулирования невыгодного для России Парижского мирного договора, который был заключен в 1856 г. после поражения Российской империи в Крымской войне[4].

---

[1] См.: Болховитинов Н. Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1834–1867. М.: Наука, 1990. С. 191–192.

[2] Макарова Р. В. К истории ликвидации Российско-американской компании // Проблемы истории и этнографии Америки [сб. ст.]. М.: Наука, 1979. С. 270.

[3] Болховитинов Н. Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1834–1867. М.: Наука, 1990. С. 316.

[4] Окунь С. Б. Российско-американская компания. М., Л.: Соцэкгиз, 1939. С. 209.

Американский профессор С. Р. Томпкинс (S. R. Tompkins) видел причину продажи Аляски в том, что в результате «Опиумной войны» 1840 г. произошло значительное ослабление Китая. А российское царское правительство поспешило воспользоваться данным обстоятельством для включения в свои территории земель в Приамурье и Приморье[1].

Таким образом, можно заключить, что существовал ряд объективных, как экономических, так и политических причин, которые подтолкнули Российскую империю к добровольному отказу от своих владений в Северной Америке.

Тем не менее иную точку зрения выразил российский экономико-географ Г. А. Агранат. Он полагал, что причины подписания невыгодного для Российской империи договора кроются в роковой комбинации ряда крайне неблагоприятных внешних факторов, которыми стали потеря интереса царской администрации к американским колониям, выделение Дальнего Востока и Азии в качестве преимущественных векторов развития, приостановление финансовой поддержки от правительства[2].

Не соглашаясь с мнением большинства ученых, Г. А. Агранат считал, что в Русской Америке дела шли довольно хорошо, а сложное финансовое состояние Российско-американской компании сильно преувеличено, и поэтому вряд ли уступку Аляски можно считать объективно оправданной.

Следует заметить, что попытки объяснить продажу Аляски случайным совпадением неблагоприятных обстоятельств и субъективных факторов предпринимались и иными авторами. Так, доктор исторических наук А. И. Алексеев отмечал, что такие важные политические моменты, как ориентация петербургской власти на проблемы Западной Европы и Балкан, а также начало завоевания Средней Азии послужили причиной отказа от

---

[1] Tompkins S. R. Alaska: Promyshlennik and Sourdough. Norman: University of Oklahoma Press, 1945. P. 84.

[2] Агранат Г. А. Судьбы Русской Америки // США: экономика, политика, идеология. 1997. № 11. С. 56.

русских колоний в Америке[1]. Критикуя позицию великого князя Константина Николаевича, А. И. Алексеев подчеркнул, что ему был чужд героический подвиг нескольких поколений людей, которые создали Русскую Америку. А от официальных документов того времени, – продолжал он, – исходит близорукость и недальновидность, граничащая с легкомыслием[2].

Как видится, нельзя согласиться с точкой зрения А. И. Алексеева в части легкомыслия при заключении договора об уступке Аляски. Подписание соглашения 1867 г. было тщательно спланированной акцией, вызванной несколькими текущими политическими и экономическими проблемами. Путем совершения этой сделки правящая элита Российской империи стремилась удовлетворить свои сиюминутные потребности и интересы.

Рассматривая субъективный аспект в контексте причин продажи Русской Америки, важно отметить, что именно от позиции высших царских сановников в прямом смысле зависела судьба колоний[3]. Обратим внимание на некоторые факты. В 1866 г. после передачи Российско-американской компании с ее владениями из-под опеки Министерства финансов в военно-морское ведомство Аляска на самом деле попала в руки своего «заклятого врага» – великого князя Константина Николаевича[4]. Естественно, что, пользуясь такой благоприятной возможностью, он не мог не осуществить свою давнюю мечту – избавиться от заокеанских территорий как от возможного источника будущих противоречий с сильными морскими державами – Великобританией и Соединенными Штатами. Не меньшую работу в том же направлении проделал и барон Э. А. фон Стекль. Американский исследователь Р. А. Пирс (R. A. Pierce) сообщает некоторые

---

[1] Алексеев А. И. Судьба Русской Америки / Предисл. акад. А. Л. Нарочницкого, вступ. ст. акад. А. П. Окладникова. Магадан: Магаданское книжн. изд-во, 1975. С. 292.

[2] Там же. С. 302.

[3] Pierce R. A. The Russian Period in Alaskan History // Alaska Review. Proceedings of the Conference on Alaskan History, June 8–10, 1967. Anchorage, Alaska: Printing Inc. for Alaska Methodist University Press, 1967–1968. Vol. III. No. 1. P. 72.

[4] Беляков Д. А. Исследование и анализ причин продажи Аляски США в 1867 году // Юридическая наука и практика: Вестник НА МВД России. Н. Новгород: отд-е полигр. и оператив. печати НА МВД России, 2012. № 19. С. 108.

интересные факты, которые повышают подозрения в небескорыстности бывшего царского посланника в Вашингтоне в свете лоббирования им сделки по продаже Русской Америки. Так, Э. А. Стекль был женат на американке, а вскоре после реализации плана по уступке российский колоний в Северной Америке оставил дипломатическую службу и поселился в столице Франции – Париже[1]. Таким образом, великий князь Константин Николаевич и барон Э. А. фон Стекль, основываясь на своих интересах и убеждениях, приложили значительные усилия для того, чтобы исследуемая сделка состоялась.

Говоря о фундаментальных причинах продажи Русской Америки, нельзя не упомянуть такой факт, как господство в Российской империи и в ее колониях политаризма[2]. Именно доминирующая политарная система «позволяет найти ключ к пониманию причин ухода России с американского континента»[3], а также объясняет ту легкость, с которой император Александр II продал Аляску, полностью игнорируя интересы населения колоний, Российско-американской компании и общественное мнение.

Кроме того, политаризм позволяет уяснить действительные причины несовершенного характера российской колонизации Нового Света. «Общая техническая и социально-экономическая отсталость политарной Российской империи не позволяла полностью решить проблему обеспечения необходимым продовольствием и товарами населения Русской Америки

---

[1] Pierce R. A. Russian America: A Biographical Dictionary. Fairbanks, Alaska; Kingston, Ontario: The Limestone Press, 1990. P. 488–489.

[2] Политаризм (от греч. «политеа» – политика, государственное устройство) – название нескольких способов производства, основанных на специфической форме собственности – общеклассовой; формация (общественный строй), которая базируется на верховной частной собственности государства на основные средства производства и личность непосредственного производителя. Общеклассовая собственность рано или поздно приобретает форму государственной, а это неизбежно предопределяет «совпадение класса эксплуататоров если не со всем составом государственного аппарата, то, во всяком случае, с его ядром, с его основной частью». См. подробнее: Словарь философских терминов / Под. науч. ред. проф. В. Г. Кузнецова. М.: ИНФРА-М, 2005. С. 420–421.

[3] Гринев А. В., Ирошников М. П. Россия и политаризм // Вопросы истории. 1998. № 7. С. 36.

из-за слабости промышленности и торгового флота»[1]. Это сделало уязвимыми позиции русских владений в Америке.

Политаризм доминировал и в экономических отношениях, так как на Аляске в качестве преобладающих утвердились распределительные, а не рыночные капиталистические отношения (позднее эта социально-экономическая система, сформировавшаяся в Русской Америке, была воспроизведена и в СССР)[2]. Указанный факт предопределил застой производства и низкое качество продукции, что, в свою очередь, лишало Российско-американскую компанию возможности выдерживать конкуренцию на европейском и американском рынках в 60-х гг. XIX столетия и влекло за собой резкое ухудшение ее финансового положения. Дополнительных денег от колоний в казну не поступало, и Россия решила избавиться от территории, которая угрожала создать еще одну «брешь» в государственном бюджете страны.

Существовали и менее значимые причины продажи Аляски, которые также необходимо осветить в рамках настоящей работы.

Среди таких оснований необходимо назвать природный и географический факторы: суровый арктический климат, большая дистанция, разделявшая Русскую Америку и метрополию. Так, в докладе Комитета об устройстве русских американских колоний непосредственно указывалось, что для заокеанских владений Российской империи был присущ застой, причем его основная причина заключалась в географических и климатических особенностях региона[3]. Уступка Аляски стала неминуемой формальностью, так как поддержание коммуникаций в этом крае требовало немалых затрат, на которые царское правительство пойти не могло ввиду нехватки денежных ресурсов.

---

[1] Гринев А. В. Российский политаризм как главная причина продажи Аляски // Acta Slavica Iaponica. 2006. Т. 23. С. 198.

[2] См. подробнее: Гринев А. В. Русская Америка и СССР: удивительные параллели // Журнал для ученых «Клио». 1999. № 1. С. 119–127.

[3] Доклад Комитета об устройстве русских американских колоний. СПб.: тип. Департамента внеш. торговли, 1863. Ч. 1. С. 157–158.

По мнению ряда исследователей[1], при изучении и анализе причин продажи Русской Америки нельзя обходить вниманием такой момент, как находки на Аляске золота. В данном случае следует скорее не согласиться с представленной точкой зрения. В российский период североамериканских колоний не было открыто крупных месторождений золота, имели место лишь незначительные его находки в 1848–1852 гг. Беспокойство царской власти вызвало обнаружение золота близ реки Стикин, устье которой находилось на русской территории. «Однако стикинская золотая лихорадка закончилась также стремительно, как и началась из-за незначительности месторождений золота и не повлекла за собой непосредственной угрозы российским колониям»[2].

В русле обсуждения причин отказа Российской империи от своих североамериканских владений следует также указать на туземный и этнодемографический факторы. Дело в том, что индейские племена, издавна населявшие материковую часть Аляски, серьезно препятствовали русской колонизации. Это создавало проблемы и для Российско-американской компании, которая «дискредитировала себя тем, что не смогла справиться с туземным населением»[3]. В основу демографического фактора легла чрезвычайная малочисленность коренного русского населения на обширных пространствах Аляски, составлявшая не более 500 человек. Как представляется, указанные причины уступки Русской Америки нельзя рассматривать в качестве основополагающих. Так, сопротивление туземных и индейских племен в крайнем случае можно было сломить путем военного

---

[1] Нарочницкий А. Л. Экспансия США на Дальнем Востоке в 50–70-е годы XIX века // Исторические записки. М.: изд-во АН СССР, 1953. Т. 44. С. 154; Белов М. И. К столетию продажи Аляски // Известия ВГО. Т. 99. Вып. 4. 1967. С. 297; Алексеев А. И. Судьба Русской Америки / Предисл. акад. А. Л. Нарочницкого, вступ. ст. акад. А. П. Окладникова. Магадан: Магаданское книжн. изд-во, 1975. С. 202; Golder F. A. Mining in Alaska before 1867 // The Washington Historical Quarterly. 1916. Vol. 7. No. 3. P. 233–238.

[2] Беляков Д. А. Исследование и анализ причин продажи Аляски США в 1867 году // Юридическая наука и практика: Вестник НА МВД России. Н. Новгород: отд-е полигр. и оператив. печати НА МВД России, 2012. № 19. С. 106.

[3] Окунь С. Б. К истории продажи русских колоний в Америке // Исторические записки. М.: изд-во АН СССР, 1938. Т. 2. С. 225.

вмешательства. Что касается небольшого числа русского контингента в колониях, то нужно отметить, что, несмотря на это, жители Аляски осуществляли достаточно плодотворную деятельность, активно занимаясь торговлей и коммерцией, а также пропагандировали и развивали культурные ценности.

Итак, если обобщить многочисленные факты, а также мнения и аргументы отечественных и зарубежных ученых, можно прийти к однозначному выводу о том, что продажа Аляски была вызвана сложным комплексом самых разнообразных причин. Для того, чтобы понять истинные основания добровольного отказа Российского государства от своих заморских владений, эти причины необходимо рассматривать в совокупности с субъективно-личностным фактором – деятельностью великого князя Константина Николаевича и его соратников-либералов (барон Э. А. фон Стель, М. Х. Рейтерн, Н. К. Краббе и др.).

В результате проведенного исследования автором было также установлено, что негативные экономические и политические последствия от заключения соглашения об уступке Русской Америки неизмеримо превзошли те скудные позитивные результаты, которые характеризуют изучаемую сделку.

Так, получив достаточно скромную компенсацию в размере 7,2 млн. долларов Российская империя передала Соединенным Штатам обширную территорию, которая впоследствии оказалась богата природными ресурсами, такими как нефть и золото[1].

Именно последняя треть XIX в. (непосредственно после приобретения Аляски) в Соединенных Штатах получила название «позолоченного века». Это было время беспрецедентной деловой активности, связанной с

[1] Богатейшие месторождения золота и нефти были открыты уже в американский период Аляски. К концу XX в. золото- и нефтедобыча стали промышленным приоритетом штата, составляя более 80% его годового дохода. См. подробнее: Беляков Д. А. Правовое положение Аляски в составе США // Федеральный научно-практический журнал ДНК Права. Н. Новгород: тип. ООО «Центр Оперативной Печати», 2015. № 1. Март. С. 8–9.

формированием единого национального рынка и завершением освоения огромного континентального пространства[1].

Кроме того, вследствие подписания договора о продаже Аляски был сформирован опасный прецедент по юридическому оформлению уступки земельных владений, принадлежащих Российскому государству, путем обыкновенной финансовой сделки, что в перспективе может грозить нарушением территориальной целостности.

Сдача позиций на Тихом океане позволила России получить определенные кратковременные финансово-экономические дивиденды, решить часть тактических проблем, укрепить дружественные отношения с Соединенными Штатами, однако в историческом ракурсе продажа североамериканских колоний обернулась для нее крупным стратегическим проигрышем.

---

[1] Саломатин А. Ю. Борьба с коррупцией в США в XIX в. и государственная модернизация // Правоведение. 2001. № 3. С. 197.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Формирование российского геополитического пространства является многовековым историческим процессом присоединения к государству новых территорий. Отторжения от Российской империи принадлежащих ей владений происходили, как правило, только в результате военных поражений. Исключением стала уступка Аляски Соединенным Штатам, совершенная в 1867 г.

Беспрецедентное решение об отказе от североамериканских колоний было принято в период правления либерально настроенного императора Александра II. Именно либерализм, господствовавший в Российском государстве во второй половине XIX в., определил ту направленность публично-правовых отношений, в русле которой стало возможно заключение рассматриваемого международного договора.

К немногочисленным объективным предпосылкам продажи Аляски следует отнести: географическую отдаленность колоний от центра, суровый климат, крайнюю малочисленность коренного русского населения, острый дефицит бюджета в России в 1860-х гг. Все эти факторы не могут считаться необходимыми и достаточными условиями для уступки русских земель в Северной Америке.

Напротив, детальное исследование особенностей функционирования правящих элит Российской империи и США, которые на протяжении 10 лет в режиме строжайшей конфиденциальности готовили соглашение купли-продажи Русской Америки, указывает на значимость и приоритет субъективных факторов, таких как психология, философия и частные выгоды государственных деятелей, принявших это судьбоносное решение. Данный аспект диссертационного исследования позволяет понять личные мотивы в совершении эпохальной сделки.

Конвенция от 30 марта 1867 г., заключенная в форме цессионного договора на компенсационной основе, подвела правовую базу для владений

Российской империи на Тихоокеанском севере. Указанное соглашение имело важное историко-юридическое значение. На его основании была определена Азиатско-Тихоокеанская граница Российского государства, и эти линии разграничения сохранились практически без изменений на настоящий момент.

На основании проведенного анализа диссертантом выявлено, что «военный фактор», признававшийся государственными деятелями наиважнейшим аргументом в пользу уступки российских земель в Северной Америке, был явно надуманным.

Заявление о полной беспомощности и беззащитности колоний перед лицом внешних угроз было сделано великим князем Константином Николаевичем и впоследствии поддержано Э. А. фон Стеклем и остальными членами Особого комитета, включая А. М. Горчакова, который на начальном этапе подготовки сделки сомневался в целесообразности ее совершения. Данный тезис исходил скорее из ведомственных интересов и стал главной мотивировкой принимаемого в правящих кругах решения лишь формально.

В действительности международная ситуация с середины XIX в. объективно способствовала тому, чтобы Аляска осталась в составе Российской империи. Это прямым образом в свое время отмечали и члены Комитета по устройству русских американских колоний, указывая на то, что, несмотря на неэффективность Русской Америки с промышленной и аграрной точек зрения, существовали геополитические мотивы, предопределявшие необходимость сохранения Аляски. Так, только в случае удержания северо-западной части Америки Российское государство могло рассчитывать на стратегический приоритет в Тихом океане.

Однако для этого было необходимо значительно усовершенствовать инфраструктуру североамериканских владений России, что потребовало бы от царской власти существенных капиталовложений. Но пойти на внушительные траты правительство не могло и поэтому безапелляционно отреклось от обеспечения своих заморских территорий. Свою роль сыграли и

неопределенные, по мнению петербургских чиновников, экономические перспективы Аляски.

Таким образом, этот крайне невыгодный для Российской империи договор все же был заключен, и заокеанские колонии были переданы США. Как показали последующие события, приобретя Русскую Америку, Соединенные Штаты совершили одно из самых выгодных соглашений в своей истории.

За достаточно скромную компенсацию США извлекли огромные преимущества как в экономическом, так и во внешнеполитическом отношениях. Аляска занимала чрезвычайно выгодное положение, обеспечивая тем самым господство США на севере Тихого океана, а также выход на перспективный азиатский рынок. Колоссальную прибыль стала приносить американцам торговля пушниной, рыбой и лесом. Буквально через пару десятилетий после подписания судьбоносной Конвенции выручка от предпринимательской деятельности на новых для Америки владениях почти в 10 раз превысила те 7,2 млн. долларов, которые были выплачены казначейством США в качестве вознаграждения за российские колонии. На рубеже XIX–XX вв. значительный доход стали приносить и обнаруженные на купленной территории природные ресурсы и полезные ископаемые, включая богатые месторождения золота. В середине XX столетия в Русской Америке были найдены залежи нефти, добыча которой в настоящее время покрывает большую часть бюджета штата Аляска.

Полуостров Аляска и Алеутские острова, также отошедшие к США в результате заключения договора от 30 марта 1867 г., стали оплотом влияния Соединенных Штатов на обширном пространстве Тихоокеанского региона.

В заключении хотелось бы сделать акцент на том, что современная политика Российской Федерации строится на принципах сохранения находящихся под ее юрисдикцией владений и детального урегулирования вопросов о территориальных границах.

Заявленная проблематика исследования призвана, таким образом, и в дальнейшем способствовать предотвращению деструктивной центробежной тенденции совершения подобного рода сделок об уступке территорий вследствие таких объективно негативных явлений, как кризисы, либо субъективных аспектов – воли тех или иных государственных деятелей, власть которых распространяется на решение указанных вопросов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Законы и законодательные акты:

1. Манифест «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» от 18 февраля 1762 г. Ст. 11.444 // ПСЗРИ. Собр. 1. – СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XV.
2. Именной Указ, данный Сибирскому губернатору Чичерину «О приведении в подданство шести Алеутских островов» 2 марта 1766 г. Ст. 12.589 // ПСЗРИ. Собр. 1. – СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XVII.
3. Наказ, данный Комиссии о сочинении проекта Нового Уложения от 30 июля 1767 г. Ст. 12.949. // ПСЗРИ. Собр. 1. – СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XVIII.
4. «Высочайшее утвержденное генерального плана Императорского воспитательного дома исполнительное учреждение Вдовьей, Ссудной и Сохранной казны, в пользу всего общества» от 20 ноября 1772 г. Ст. 13.909 // ПСЗРИ. Собр. 1. – СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XIX.
5. Сенатский указ «О мерах к предохранению от потери раздаваемых в проценты капиталов из Воспитательного дома и из банков» от 18 июня 1773 г. Ст. 13.997 // ПСЗРИ. Собр. 1. – СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XIX.
6. Именной Указ от 7 ноября 1775 г. «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи», часть первая. Ст. 14.392 // ПСЗРИ. Собр. 1. – СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XX.
7. Сенатский указ «Об оставлении в ведении Приказа общественного призрения всех принадлежащих оному доходов и расходов» от 5 мая 1783 г. Ст. 15.726 // ПСЗРИ. Собр. 1. – СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXI.

8. Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства от 21 апреля 1785 г. Ст. 16.187 // ПСЗРИ. Собр. 1. – СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXII.
9. Манифест от 18 декабря 1797 г. «Об учреждении Государственного вспомогательного банка для дворянства». Ст. 18.274 // ПСЗРИ. Собр. 1. – СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXIV.
10. Именной Указ, данный Сенату 18 декабря 1797 г. «Уставы учетных контор и страховой конторы при Государственном ассигнационном банке учрежденных». Ст. 18.275 // ПСЗРИ. Собр. 1. – СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXIV.
11. Именной Указ, данный Государственному казначею 19 января 1798 г. «О назначении негоцианта Бергина в учрежденную для внешних казенных переводов, платежей и комиссий особую Контору». Ст. 18.331 // ПСЗРИ. Собр. 1. – СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXV.
12. Высочайше утвержденный Устав Государственного вспомогательного банка для дворянства, 17 февраля 1798 г. Ст. 18.383 // ПСЗРИ. Собр. 1. – СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXV.
13. Сенатский указ от 14 марта 1798 г. «Об открытии Главного начальства Государственного вспомогательного банка для дворянства». Ст. 18.435 // ПСЗРИ. Собр. 1. – СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXV.
14. Манифест от 25 октября 1798 г. «Об уплате капиталов, занятых из Вспомогательного банка». Ст. 18.718 // ПСЗРИ. Собр. 1. – СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXV.
15. Именной Указ, данный Сенату 8 июля 1799 г. «О именовании компании, составившейся для промыслов и торговли по Северо-восточному морю промыслов и торговли Российско-американской компанией».

Ст. 19.030 // ПСЗРИ. Собр. 1. – СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXV.

16. Именной Указ, данный Сенату 19 июля 1802 г. «О присоединении Государственного вспомогательного банка для дворянства к Заемному банку под названием 25-летней при нем Экспедиции, и о штате оной Экспедиции». Ст. 20.336 // ПСЗРИ. Собр. 1. – СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXVII.
17. Именной Указ, данный Государственному казначею графу Васильеву 30 июля 1802 г. «О доставлении пособия Приказу общественного призрения из процентов, получаемых Государственным заемным банком, и о составлении особого капитала для содержания процентами с оного 25-летней Экспедиции». Ст. 20.348 // ПСЗРИ. Собр. 1. – СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXVII.
18. Сенатский указ от 31 июля 1802 г. «О немедленном исполнении Присутственным местам требований Вспомогательного банка относительно взыскания с заемщиков за просрочку взноса процентных денег». Ст. 20.356 // ПСЗРИ. Собр. 1. – СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXVII.
19. Именной Указ, данный Сенату 6 августа 1802 г. «О раздаче из Приказов общественного призрения капиталов в проценты на таком основании, как раздаются капиталы Сохранной казны». Ст. 20.362 // ПСЗРИ. Собр. 1. – СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXVII.
20. Высочайше утвержденные проекты «Об учреждении вдовьих домов, казен и больниц» от 1 февраля 1803 г. Ст. 20.607 // ПСЗРИ. Собр. 1. – СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXVII.
21. Именной Указ, данный Санкт-Петербургскому гражданскому губернатору Кушникову 23 октября 1803 г. «О выдаче по шести процентов с капиталов, вносимых в Сохранную казну из Приказов

общественного призрения». Ст. 21.005 // ПСЗРИ. Собр. 1. – СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXVII.

22. Именной Указ, данный Министру финансов 20 мая 1805 г. «О принятии из Тобольского, Иркутского и Томского приказов общественного призрения капиталов для обращения в Государственный заемный банк и о производстве из оного им по шести процентов ежегодно». Ст. 21.762 // ПСЗРИ. Собр. 1. – СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXVIII.
23. Именной Указ, данный Калужскому гражданскому губернатору 15 мая 1806 г. «Об отдаче сумм в Приказ общественного призрения от раздачи дворянству остающихся в заимообразную ссуду купечеству». Ст. 22.126 // ПСЗРИ. Собр. 1. – СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXIX.
24. Именной Указ, данный Министру финансов 3 октября 1806 г. «О платеже процентов на капиталы Приказов общественного призрения, вносимые в Государственные заемные банки». Ст. 22.307 // ПСЗРИ. Собр. 1. – СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXIX.
25. Именной Указ, данный Астраханскому военному губернатору, Главноуправляющему Грузией графу Гудовичу «О раздаче сумм Кавказского приказа общественного призрения под залоги виноградных садов и деревянных строений» 19 октября 1806 г. Ст. 22.323 // ПСЗРИ. Собр. 1. – СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXIX.
26. Именной Указ, данный Сенату 22 марта 1808 г. «О взносе прибавочной четверти процента на купеческие капиталы до утверждения штатов о жаловании служащим по выборам от купечества в Приказы общественного призрения для приращения процентами». Ст. 22.913 // ПСЗРИ. Собр. 1. – СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXX.

27. Именной Указ, данный Министру внутренних дел князю Куракину «О правилах раздачи капиталов в заем из Приказов общественного призрения» 6 марта 1809 г. Ст. 23.520 // ПСЗРИ. Собр. 1. – СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXX.
28. Высочайше утвержденный Устав Государственного коммерческого банка от 7 мая 1817 г. Ст. 26.837 // ПСЗРИ. Собр. 1. – СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXXIV.
29. Именной Указ, данный Санкт-Петербургскому военному генерал-губернатору «О возвышении цены на недвижимые имения, принимаемые в залог Приказами общественного призрения» 4 июля 1817 г. Ст. 26.955 // ПСЗРИ. Собр. 1. – СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXXIV.
30. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 24 октября 1817 г. «О процентах в пользу Приказов общественного призрения с частных сумм в оные поступающих». Ст. 27.105 // ПСЗРИ. Собр. 1. – СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXXIV.
31. Именной Указ, данный Сенату «О приведении в исполнение постановления о пределах плавания и о порядке приморских сношений вдоль берегов Восточной Сибири, Северо-Западной Америки и островов Алеутских, Курильских и прочих» 4 сентября 1821 г. Ст. 28.747 // ПСЗРИ. Собр. 1. – СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXXVII.
32. Высочайше утвержденный Устав «Об управлении инородцев» от 22 июля 1822 г. Ст. 29.126 // ПСЗРИ. Собр. 1. – СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXXVIII.
33. Конвенция, заключенная в Санкт-Петербурге между Императором Всероссийским и Правительством Американских Соединенных Штатов «О непоколебимом сохранении состоящей между ими дружественной

связи» 5 (17) апреля 1824 г. Ст. 29.861а // ПСЗРИ. Собр. 1. – СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXXIX.

34. Высочайше утвержденная записка Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны «О новом постановлении займов из сохранных казен под залог деревень», 3 июля 1824 г. Ст. 29.937 // ПСЗРИ. Собр. 1. – СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXXIX.
35. Именной Указ, данный Сенату «О переименовании III Отделение Канцелярии Министра финансов Особенной Канцелярией по кредитной части» 5 декабря 1824 г. Ст. 30.139 // ПСЗРИ. Собр. 1. – СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XXXIX.
36. Конвенция, заключенная в Санкт-Петербурге между Императором Всероссийским и Королем Великобританским «О взаимных выгодах, относящихся до торговли, мореплавания и рыбных промыслов на Тихом океане и до границы обоюдных владений их на северо-западном берегу Америки» 16 (28) февраля 1825 г. Ст. 30.233а // ПСЗРИ. Собр. 1. – СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830. Т. XL.
37. Манифест от 1 января 1830 г. «О вкладах и ссудах в банковых установлениях». Ст. 3399 // ПСЗРИ. Собр. 2. – СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1831. Т. V. Отд. I.
38. Свод законов Российской империи. – СПб: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1857. Т. 1. Ч. 1. Ст. 47.
39. Манифест «О Всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей и об устройстве их быта» от 19 февраля 1861 г. Ст. 36.650 // ПСЗРИ. Собр. 2. Отд. 1 – СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1863. Т. XXXVI.
40. Высочайший рескрипт Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Николаевичу «Об изъявлении Монаршей признательности Его Высочеству за окончание дела по составлению Положений и Правил о крестьянах и дворовых людях, вышедших из

крепостной зависимости, о поручении Его Высочеству передать членам Главного по крестьянскому делу Комитета искреннюю Монаршую благодарность за содействие их в сем деле и о назначении Его Высочества членом и председательствующим Комитета для устройства всего вообще сельского состояния» от 19 февраля 1861 г. Ст. 36.651 // ПСЗРИ. Собр. 2. Отд. 1 – СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1863. Т. XXXVI.

41. Высочайше ратифицированная Конвенция об уступке Северо-Американским Соединенным Штатам Российских Северо-Американских колоний от 3 мая 1867 г. Ст. 44.518 // ПСЗРИ. Собр. 2. Отд. 1. – СПб.: Тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1871. Т. XLII.
42. Высочайше утвержденное Городовое Положение от 16 июня 1870 г. Ст. 48.498 // ПСЗРИ. Собр. 2. Отд. 1 – СПб.: тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1874. Т. XLV.
43. Именной Указ, данный Правительствующему Сенату «О закрытии Верховной Распорядительной Комиссии, упразднении III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии и об учреждении Министерства почт и телеграфов» от 6 августа 1880 г. Ст. 61.279 // ПСЗРИ. Собр. 2. Отд. 1. – СПб.: Тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1884. Т. LV.
44. Высочайше утвержденное Положение о губернских и уездных земских учреждениях от 12 июня 1890 г. Ст. 6927 // ПСЗРИ. Собр. 3. Отд. 1. – СПб.: Гос. тип., 1893. Т. X.
45. Высочайше утвержденное Городовое Положение от 11 июня 1892 г. Ст. 8708 // ПСЗРИ. Собр. 3. – СПб.: Гос. тип., 1895. Т. XII.
46. Манифест «Об учреждении Государственной Думы» от 6 августа 1905 г. Ст. 26.656 // ПСЗРИ. Собр. 3. Отд. 1. – СПб.: Гос. тип., 1908. Т. XXV.

Нормативно-правовые документы, акты официального делопроизводства, сборники документальных материалов:

47. Акты, собранные Кавказской Археографической Коммиссиею. Том 1 / Под ред. А. П. Берже. – Тифлис: тип. Главн. Упр-я Наместника Кавказского, 1866. – 827 с.
48. Внешняя политика России XIX и начала XX в.: Документы Российского Министерства иностранных дел / Отв. ред. А. Л. Нарочницкий. – М.: Наука, 1982, сер. II (1815-1830), т. 5(13). – 830 с.
49. Доклад Комитета об устройстве русских американских колоний. – СПб.: тип. Департамента внеш. торговли, 1863. – Ч. 1. – 404 с.
50. Доклад Комитета об устройстве русских американских колоний. – СПб.: тип. Департамента внеш. торговли, 1863. – Ч. 2: Приложения к докладу Комитета об устройстве русских американских колоний. – 613 с.
51. К истории Российско-американской компании (Сборник док. материалов) / Под ред. А. И. Блинова, И. М. Кураева, О. Н. Мухиной, П. И. Павлова (отв. ред.). – Красноярск: Красноярский Гос. архив; Красноярский Гос. пед. институт, 1957. – 181 с.
52. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (UNCLOS) (заключена в г. Монтего-Бее 10.12.1982) (с изм. от 23.07.1994) // Собрание законодательства РФ, 01.12.1997. № 48. Ст. 5493.
53. Конституционное право России: Сборник нормативных правовых актов и документов (по состоянию на 1 августа 1996 г.) / Сост. и автор вступит. ст. проф. А. Е. Козлов. – М.: БЕК, 1996. – 700 с.
54. Министерская система Российской империи [сб. док-тов]: к 200-летию министерств в России / Сост. Д. И. Раскин. – М.: РОССПЭН, 2007. – 920 с.
55. Политика европейских держав в Юго-Восточной Азии: (60-е годы XVIII – 60-е годы XIX вв.): документы и материалы // Сост. А. Г. Тартаковский и др. – М.: изд-во восточной литературы, 1962. – 656 с.

56. Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского севера, 1841–1867: Сб. док-тов [сост. Т. С. Федорова, А. Ю. Петров, А. В. Гринев, отв. ред. А. Ю. Петров]. – М.: Наука, 2010. – 483 с.
57. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 3 Акты Земских соборов / Под общ. ред. О. И. Чистякова, отв. ред. тома А. Г. Маньков. – М.: Юрид. литер-ра, 1985. – 512 с.
58. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 7. Документы крестьянской реформы / Под общ. ред. О. И. Чистякова, отв. ред. тома О. И. Чистяков. – М.: Юрид. литер-ра, 1989. – 432 с.
59. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в.: сб. документов / Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР, Центр. гос. архив Военно-Мор. Флота СССР; [сост.: Т. С. Федорова (отв. сост.), Л. В. Глазунова, Г. Н. Федорова]. – М.: Наука, главная ред. вост. лит-ры, 1989. – 400 с.
60. Сборник законов грузинского царя Вахтанга VI. Изд. А. С. Френкеля / Под ред. Д. З. Бакрадзе. – Тифлис: тип. И. Мартиросянца и «Кавказского Обозрения» (Н. И. Френкель), 1887. – 423 с.
61. Сборник пограничных договоров, заключенных Россией с соседними государствами. – СПб: тип. Тренке и Фюсно, 1891. – 368 с.
62. Соглашение между СССР и Соединенными Штатами Америки о линии разграничения морских пространств (вместе с «Договоренностью в форме обмена Нотами о досрочном применении положений Соглашения»), заключено в г. Вашингтоне 01.06.1990 // Бюллетень международных договоров. – 2008. – № 1. – С. 33–37.

Архивные материалы:

63. Архив внешней политики Российской империи МИД РФ. Фонд 133: «Канцелярия Министерства иностранных дел».
64. Архив внешней политики Российской империи МИД РФ. Фонд 170: «Посольство в Вашингтоне».

65. Архив внешней политики Российской империи МИД РФ. Фонд 341: «Собрание документальных материалов по истории Российско-американской компании (РАК) и русских владений в Северной Америке».
66. Государственный архив Российской Федерации. Фонд 678: «Александр II».
67. Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Фонд 169: «Милютин Д. А».
68. Российский государственный исторический архив. Фонд 560: «Общая канцелярия министра финансов».
69. Российский государственный исторический архив. Фонд 565: «Департамент государственного казначейства Министерства финансов».
70. Российский государственный исторический архив. Фонд 994: «Мордвиновы: Тимофей Иванович (ум. 1687); Иван Тимофеевич (ум. 1700), участник северной войны; Семен Иванович (1701–1777), адмирал; Александр Семенович (1753–1832), полномочный министр России в Генуе; гр. Николай Семенович (1754–1845), член Адмиралтейств-коллегии, министр морских сил, председатель департаментов государственной экономии и гражданских и духовных дел Государственного совета, председатель Вольного экономического общества; гр. Александр Николаевич (1799–1858), художник и другие».
71. Российский государственный исторический архив. Фонд 1149: «Департамент законов Государственного совета».
72. Российский государственный исторический архив. Фонд 1284: «Департамент общих дел Министерства внутренних дел».

Монографии, отдельные издания, научные статьи, периодическая печать:

73. Абдулатипов, Р. Г., Болтенкова, Л. Ф., Яров, Ю. Ф. Федерализм в истории России / Р. Г. Абдулатипов, Л. Ф. Болтенкова, Ю. Ф. Яров; в 3-х кн. Кн. 1. – М.: Республика, 1992. – 383 с.

74. Авакьян, С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность / С. А. Авакьян. – 2-е изд. – М.: РЮИД; Сашко, 2000. – 528 с.

75. Автономов, А. С., Бачило, И. Л., Бондаренко, А. А., Гришковец, А. А. и др. Исполнительная власть в России. История и современность, проблемы и перспективы развития. К 80-летию Института государства и права РАН / А. С. Автономов, И. Л. Бачило, А. А. Бондаренко, А. А. Гришковец и др.; отв. ред. Н. Ю. Хаманева. – М.: Новая правовая культура, 2004. – 568 с.

76. Агранат, Г. А. Судьбы Русской Америки / Г. А. Агранат // США: экономика, политика, идеология. – 1997. – № 11. – С. 52–63.

77. Алексеев, А. И. Судьба Русской Америки / А. И. Алексеев; предисл. акад. А. Л. Нарочницкого, вступит. статья акад. А. П. Окладникова. – Магадан: Магаданское книжн. изд-во, 1975. – 327 с.

78. Алексеев, А. С. Русское государственное право / А. С. Алексеев. – М.: изд-во «Грамота», 1892. – 473 с.

79. Алексеева, Е. В. Русская Америка. Американская Россия? / Е. В. Алексеева. – Екатеринбург: УрО РАН, 1998. – 255 с.

80. Алексеева, И. В., Зеленев, Е. И., Якунин, В. И. Геополитика в России. Между Востоком и Западом (конец XVIII – начало XX века) / И. В. Алексеева, Е. И. Зеленев, В. И. Якунин. – СПб: изд-во СПбГУ, 2001. – 304 с.

81. Альперович, М. С. Завершение испанской колонизации Америки в XVIII в. / М. С. Альперович // Новая и новейшая история. – 1993. – № 5. – С. 53–63.

82. Анисимов, Н. А. Ратификация Конвенции № 169 – назревшая необходимость и гарантия будущего коренных малочисленных народов России / Н. А. Анисимов // Мир коренных народов. Живая Арктика. – 2003. – № 13. – С. 33–36.

83. Антология мировой политической мысли: в 5 т. – Т. 3. Политическая мысль в России: X – первая половина XIX вв. / Рук. проекта Г. Ю. Семигин. – М.: «МЫСЛЬ», 1997. – 798 с.

84. Аренс, Г. Юридическая энциклопедия или органическое изложение науки о праве и государстве на основании принципов этической философии права (пер. с нем.) / Г. Аренс. – М.: тип. А. Семена, 1863. – 534 с.

85. Арсланов, Р. А. Краткий курс истории России с древнейших времён до начала XXI века / Р. А. Арсланов, М. Н. Мосейкина, Т. Н. Смирнова, В. В. Керов. – М.: АСТ, Астрель, 2013. – 1019 с.

86. Бабурин, В. Л. Эволюция российских пространств: от Большого взрыва до наших дней (инновационно-синергетический подход) / В. Л. Бабурин. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 272 с.

87. Баглай, М. В. Конституционное право Российской Федерации / М. В. Баглай. – 6-е изд., измен. и доп. – М.: «НОРМА», 2007. – 784 с.

88. Барова, Е. Взятка за Аляску: вернуть нельзя оставить / Е. Барова // Еженедельник «Аргументы и Факты». – Нижний Новгород, 2014. – № 49. – С. 40.

89. Батуева, Т. М. Экспансия на севере Тихого океана в середине XIX века и покупка Аляски в 1867 году / Т. М. Батуева. – Томск: изд-во Томского унив-та, 1976. – 58 с.

90. Безобразов, В. П. Об устройстве поземельного кредита в империи и о занятиях Комиссии, Высочайше утвержденной 10 июля 1859 г. для устройства земских банков / В. П. Безобразов. Записка члена – управляющего делами Комиссии В. П. Безобразова, представленная г-ну Министру финансов в мае 1861 г. – СПб.: изд-е Комиссии для устройства земских банков, 1861. – 32 с.

91. Безобразов, В. П. О некоторых явлениях денежного обращения в России в связи с промышленностью, торговлей и кредитом / В. П. Безобразов. – М.: Унив. тип., 1863. – 40 с.

92. Белов, М. И. К столетию продажи Аляски / М. И. Белов // Известия ВГО. – Т. 99. – Вып. 4. – 1967. – С. 290–300.

93. Беляков, Д. А., Биюшкина, Н. И. Инновационные методы преподавания правовых дисциплин на примере проблемы изучения сделки о продаже Аляски / Д. А. Беляков, Н. И. Биюшкина // Всероссийский научный журнал «Историческая и социально-образовательная мысль». – 2015. – Т. 7. – № 2. – С. 102–105.

94. Беляков, Д. А., Биюшкина, Н. И. Социально-экономические и геополитические последствия уступки Аляски / Д. А. Беляков, Н. И. Биюшкина // Теоретическая и прикладная экономика. – 2015. – № 4. – С. 1–10. DOI: 10.7256/2409-8647.2015.4.17105. URL: http://e-notabene.ru/etc/article_17105.html.

95. Беляков, Д. А., Биюшкина, Н. И. Специфика договорных отношений Российской империи и США по поводу уступки Аляски / Д. А. Беляков, Н. И. Биюшкина // Мир политики и социологии. – СПб.: Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2015. – № 10. – С. 90–95.

96. Беляков, Д. А, Биюшкина, Н. И. Теоретико-правовые проблемы заключения соглашения об отчуждении Аляски: учебное пособие / Д. А. Беляков, Н. И. Биюшкина. – Нижний Новгород: ООП НОУ ВПО «Нижегородская правовая академия», 2016. – 95 с.

97. Беляков, Д. А. Исследование и анализ причин продажи Аляски США в 1867 году / Д. А. Беляков // Юридическая наука и практика: Вестник НА МВД России / гл. ред. В. М. Баранов. – Н. Новгород: отд-е полигр. и оператив. печати НА МВД России, 2012. – № 19. – 105–109.

98. Беляков, Д. А. Классификация и правовая характеристика договора об отчуждении Аляски / Д. А. Беляков // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – 2017. – Т. 5. – № 1 (17) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://esj.pnzgu.ru.

99. Беляков, Д. А. Политаризм как один из основных факторов отчуждения Аляски / Д. А. Беляков // Юридическая наука и практика: Вестник НА МВД России / гл. ред. В. М. Баранов. – Н. Новгород: отд-е полигр. и оператив. печати НА МВД России, 2013. – № 22. – С. 76–80.
100. Беляков, Д. А. Правовое положение Аляски в составе США / Д. А. Беляков // Федеральный научно-практический журнал ДНК Права / гл. ред.: д. ю. н., проф. Л. А. Чеговадзе. – Н. Новгород: тип. ООО «Центр Оперативной Печати», 2015. – № 1. Март. – С. 8–10.
101. Беляков, Д. А. Практическая реализация процесса уступки Аляски / Д. А. Беляков // Правовое поле современной экономики. – СПб.: Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2015. – № 10. – С. 116–120.
102. Беляков, Д. А. Русско-американские отношения в середине XIX века / Д. А. Беляков // Мировая политика. – 2015. – № 4. – С. 103–114. DOI: 10.7256/2409-8671.2015.4.17252. URL: http://e-notabene.ru/wi/article_17252.html.
103. Беляков, Д. А. Социально-политические причины продажи Аляски / Д. А. Беляков // Бизнес и право: проблемы и перспективы: материалы IV Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 30 декабря 2013 г.) / под ред. проф. Л. А. Чеговадзе; АНО «НОЦ «ЦЕЗИУС». – Нижний Новгород: АНО «НОЦ «ЦЕЗИУС», 2013. – С. 183–190.
104. Беляков, Д. А. Социально-политические факторы, повлиявшие на продажу Аляски США в 1867 году / Д. А. Беляков // Научно-аналитический журнал «Инновации и инвестиции». – 2014. – № 11. – С. 91–93.
105. Беляков, Д. А. Текстуально-правовое оформление соглашения об уступке Аляски / Д. А. Беляков // Федеральный научно-практический журнал ДНК Права / гл. ред.: д. ю. н., проф. Л. А. Чеговадзе. – Н. Новгород: тип. ООО «Стимул-СТ», 2014. – № 2. Ноябрь. – С. 3–9.

106. Берендтс, Э. Н. К вопросу о юридической силе старых шведских основных законов в Финляндии / Э. Н. Берендтс // Журнал Министерства юстиции. – Петроград: Сенат. тип., 1915. – № 2 (февраль). – С. 1–72.

107. Биюшкина, Н. И. Дискриминационно-охранительные отношения в российском государстве в период правления Александра III (с марта 1881 г. по 1894 г.): монография / Н. И. Биюшкина. – М.: Nota Bene, 2011. – 303 с.

108. Биюшкина, Н. И., Кисилева, А. В. Судебная реформа в Российской империи 1864–1917 гг.: (на материалах Нижегородской губернии): монография / Н. И. Биюшкина, А. В. Кисилева. – Н. Новгород: Гладкова О. В., 2007. – 243 с.

109. Биюшкина, Н. И. Победоносцев К. П. Консервативный национализм или умеренный реформизм / Н. И. Биюшкина // Актуальные проблемы российского права. – 2009. – № 3 (12). – С. 62–68.

110. Биюшкина, Н. И. Политико-правовые взгляды Н. Х. Бунге / Н. И. Биюшкина // История государства и права. – 2010. – № 1. – С. 37–39.

111. Биюшкина, Н. И. Правовой статус поднадзорных лиц в конце XIX века / Н. И. Биюшкина // Вестник Академии права и управления. – 2011. – № 22. – С. 107–113.

112. Биюшкина, Н. И. Проблемы правового регулирования административного надзора в РФ / Н. И. Биюшкина // Административное и муниципальное право. – 2014. – № 9. – С. 922–928.

113. Биюшкина, Н. И. Становление отрасли полицейского права как науки / Н. И. Биюшкина // Вестник Академии права и управления. – 2011. – № 23. – С. 112–118.

114. Бобылев, В. С. Внешняя политика России эпохи Петра I: монография / В. С. Бобылев. – М.: изд-во УДН, 1990. – 168 с.

115. Болдырев, Н. В. Учение Жана Бодена о государстве и государственной власти / Н. В. Болдырев // Журнал Министерства народного просвещения. – 1910. – № 1. Ч. 25. Январь. Отд. 2. – С. 57–91.
116. Болховитинов, Н. Н. Доктрина Монро: происхождение и характер / Н. Н. Болховитинов. – М.: изд-во ИМО, 1959. – 336 с.
117. Болховитинов, Н. Н. Как продали Аляску / Н. Н. Болховитинов // Международная жизнь. – 1988. – №7. – С. 120–131.
118. Болховитинов, Н. Н. Россия открывает Америку (1732–1799): монография / Н. Н. Болховитинов. – М.: Междунар. отн-я, 1991. – 304 с.
119. Болховитинов, Н. Н. Русские эскадры в США в 1863–1864 гг. / Н. Н. Болховитинов // Новая и новейшая история. – 1996. – № 1. – С. 195–216.
120. Болховитинов, Н. Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1834–1867 / Н. Н. Болховитинов. – М.: Наука, 1990. – 368 с.
121. Болховитинов, Н. Н. Становление русско-американских отношений (1775–1815) / Н. Н. Болховитинов. – М.: Наука, 1966. – 639 с.
122. Боровой, С. Я. Кредит и банки России (сер. XVII в. – 1861 г.) / С. Я. Боровой. – М.: Госфиниздат, 1958. – 288 с.
123. Братусь, Д. А. Понятие «юридическая природа»: актуальные проблемы теории и практики / Д. А. Братусь // Юрист. – 2009. – № 8. – С. 28–39.
124. Броунли, Я. Международное право: в 2 кн. / Я. Броунли. – Пер. с англ. С. Н. Андрианова. Под ред. и с вступ. ст. Г. И. Тункина. – М.: изд-во «Прогресс», 1977. Кн. 1. – 538 с.
125. Бушуев, С. К. А. М. Горчаков [дипломат: 1798–1883] / С. К. Бушуев; под ред. и с предисл. В. П. Якубовского. – М.: изд-во ИМО, 1961. – 109 с.
126. Ваганов, И. В. Вологжане – первооткрыватели Русской Америки / И. В. Ваганов // Литературно-общественный журнал «Голос эпохи». – М.: «Традиция», 2013. – Вып. 4. – С. 238–245.
127. Васильева, Л. Н. Регулирование прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов: опыт Российской

Федерации / Л. Н. Васильева // Журнал российского права. – 2005. – № 6. – С. 153–158.

128. Венгеров, А. Б. Теория государства и права: учеб. для юрид. вузов / А. Б. Венгеров. – 3-е изд. – М.: Юриспруденция, 2000. – 528 с.
129. Виноградов, П. Г. Очерки по теории права / П. Г. Виноградов. – М.: А. А. Левенсон, 1915. – 155 с.
130. Воронин, В. Е. Великий князь Константин Николаевич: становление государственного деятеля: монография / В. Е. Воронин – М.: Русский мир, 2002. – 244 с.
131. Гамбаров, Ю. С. Курс гражданского права. Т. I. Часть общая / Ю. С. Гамбаров. – СПб: тип. М. М. Стасюлевича, 1911. – 793 с.
132. Гамбаров, Ю. С. Право в его основных моментах / Ю. С. Гамбаров // Правоведение. – 1995. – № 4–5. – С. 97–133.
133. Гефтер, А. В. Европейское международное право / А. В. Гефтер. – Пер. бар. К. Таубе. Предисл.: Ф. Ф. Мартенс, проф. С.-Петерб. ун-та. – СПб.: тип. В. Безобразова и Ко, 1880. – 619 с.
134. Гибсон, Дж. Р. Проблема снабжения продовольствием Русской Америки / Дж. Р. Гибсон // История Русской Америки (1732–1867). Т. 3. Русская Америка: от зенита к закату (1825–1867) / Отв. ред. акад. Н. Н. Болховитинов. Пер. Л. М. Троицкой. – М.: Международные отношения, 1999. – С. 234–320.
135. Глушкова, С. И. Права человека в России / С. И. Глушкова. – М.: «Юристъ», 2005. – 494 с.
136. Горбунов, А. В. Методологические основы учения Л. ф. Штейна об управлении / А. В. Горбунов // Журнал министерства юстиции. – 1899. – № 1. – С. 157–185.
137. Градовский, А. Д. Начала русского государственного права. Т. 1. О государственном устройстве / А. Д. Градовский. – СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1875. – 436 с.

138. Градовский, А. Д. Собрание сочинений. Т. 2. История местного управления в России / А. Д. Градовский. – СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1899. – 492 с.

139. Гринев, А. В. Внешняя угроза Русской Америке: миф или реальность / А. В. Гринев // Новая и новейшая история. – 2012. – № 3. – С. 108–124.

140. Гринев, А. В. Динамика высшей управленческой элиты Российско-американской компании / А. В. Гринев // Журнал для ученых «Клио». – 2002. – № 3. – С. 72–84.

141. Гринев, А. В. Золото Русской Америки: Несостоявшийся Клондайк / А. В. Гринев // Американский ежегодник 2001. – М.: Наука, 2003. – С. 138–162.

142. Гринев, А. В., Ирошников, М. П. Россия и политаризм / А. В. Гринев, М. П. Ирошников // Вопросы истории. – 1998. – № 7. – С. 36–46.

143. Гринев, А. В. Причины продажи Русской Америки США в отечественной историографии / А. В. Гринев // Журнал для ученых «Клио». – 2000. – № 2. – С. 17–26.

144. Гринев, А. В. Российский политаризм как главная причина продажи Аляски / А. В. Гринев // Acta Slavica Iaponica. – 2006. – Т. 23. – С. 171–202.

145. Гринев, А. В. Русская Америка и СССР: удивительные параллели / А. В. Гринев // Журнал для ученых «Клио». – 1999. – № 1. – С. 119–127.

146. Дамешек, Л. М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – нач. XX в.) / Л. М. Дамешек. – Иркутск: изд-во Ирк. ун-та, 1986. – 168 с.

147. Даневский, В. П. Мысли о каперстве и морской войне / В. П. Даневский // Юридический вестник. – 1878. – № 4. – С. 459–489.

148. Даневский, В. П. Пособие к изучению истории и системы международного права. Вып. I / В. П. Даневский. – Харьков: тип. А. Н. Гусева (бывш. В. С. Бирюкова), 1892. – 230 с.

149. Дерюжинский, В. Ф. Полицейское право: Пособие для студентов / В. Ф. Дерюжинский. – 3-е изд. – СПб.: Сенат. тип., 1911. – 550 с.

150. Десницкий, С. Е. Юридическое рассуждение о пользе знания отечественного законоискусства и о надобном возобновлении оного в государственных высокопокровительствуемых училищах / С. Е. Десницкий // Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей (вторая половина XVIII в.). – М.: Госполитиздат, 1959. – С. 99–264.

151. Добрынин, Н. М. Государственное управление: Теория и практика. Современная версия новейшей истории государства. Т. 2 / Н. М. Добрынин; науч. ред. А. Н. Митин. – Новосибирск: Наука, 2010. – 519 с.

152. Дубровин, А. К. Правовой статус сотрудника полиции: теоретико-правовой аспект / А. К. Дубровин // Российская юстиция. – 2011. – № 12. – С. 61–62.

153. Дугин, А. Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России / А. Г. Дугин. – М.: «Арктогея», 1997. – 608 с.

154. Елистратов, А. И. Основные начала административного права / А. И. Елистратов. – М.: изд. Г. А. Лемана, 1914. – 332 с.

155. Еремян, В. В. Так было ли на Руси ордынское иго? Средневековая государственность сквозь призму отношений даннической зависимости / В. В. Еремян // «Административное и муниципальное право». – М.: Nota Bene, 2008. – № 3. – С. 53–76.

156. Ефимов, А. В. Очерки истории США. 1492–1870 гг. / А. В. Ефимов. – Изд. 2-е. – М.: Гос. учебно-педагогич. изд-во Мин. просвещ. РСФСР, 1958. – 439 с.

157. Жарко, С. Б. Российская демократическая печать и гражданская война в США 1861–1865 гг. / С. Б. Жарко // Працы гістарычнага факультэта: навук. зб. Вып. 1 / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2006. – С. 63–65.

158. Забелин, И. Е. История русской жизни с древнейших времен / И. Е. Забелин. – М.: тип. Грачева, 1876. – Ч. 1. – 647 с.

159. Завалишин, Д. И. Российско-американская компания / Д. И. Завалишин; воспроизведено в оригинальной авторской орфографии изд-я 1865 г.; изд-во Университет. тип. (Катков и Ко). – М.: изд. «Книга по требованию», 2012. – 44 с.

160. Зеленева, И. В. Геополитика и геостратегия России (XVIII – первая половина XIX века) / И. В. Зеленева; отв. ред. В. С. Ягья. – 2-е изд, испр. – СПб.: ИД СПбГУ, 2005. – 270 с.

161. Зеньковский, В. В. История русской философии / В. В. Зеньковский. – М.: Академический проект, Раритет, 2001. – 880 с.

162. Зинухов, А. Н. Преступная сделка. Как продали Аляску / А. Н. Зинухов // Международный ежемесячник «Совершенно секретно». – 2000. – № 4/131. – С. 26–27.

163. Золотницкий, В. Т. Сокращение естественного права, выбранное из разных авторов для пользы российского общества / В. Т. Золотницкий. – СПб.: тип. Сухопут. кадет. корп., 1764. – 148 с.

164. Зорич, В. А. Математический анализ: в 2-х ч. / В. А. Зорич. – М.: Наука, 1981. – Ч. 1. – 544 с.

165. Зубов, В. Е. Опыт реформирования гражданской службы во второй половине XIX в.: проблема оценки / В. Е. Зубов // Государственная служба. – 2007. – № 4. – С. 87–92.

166. Зырянова, М. Ю. К истории образования Российско-американской компании / М. Ю. Зырянова // Русская Америка, 1799–1867: Материалы международной конференции «К 200-летию образования Российско-американской компании» / Отв. ред. акад. Н. Н. Болховитинов. – М.: Наука, 1999. – С. 160–172.

167. Исаев, И. А. История государства и права России: учеб. для вузов / И. А. Исаев. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: «Юристъ», 2004. – 797 с.

168. Исаев, И. А. Топос и номос: пространства правопорядков / И. А. Исаев. – М.: «НОРМА», 2007. – 416 с.

169. История буржуазного конституционализма XVII–XVIII вв. / Редкол.: Грацианский П. С., Каленский В. Г., Нерсесянц В. С. (Отв. ред.) – М.: Наука, 1983. – 296 с.

170. История внешней политики и дипломатии США 1867–1918 / РАН. Ин-т всеобщ. истории; редкол.: д-р ист. наук Г. П. Куропятник (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 1997. – 384 с.

171. История Русской Америки (1732–1867): в 3-х т. / Отв. ред. Н. Н. Болховитинов. – Т. 1. Основание Русской Америки (1732–1799). – М.: Междунар. отн-я, 1997. – 480 с.; – Т. 2. Деятельность Российско-американской компании (1799–1825). – М.: Междунар. отн-я, 1999. – 470 с.; – Т. 3. Русская Америка: от зенита к закату (1825–1867). – М.: Междунар. отн-я, 1999. – 560 с.

172. История США: [в 4-х т.] / редкол.: Г. Н. Севостьянов (гл. ред.) и др. – Т. 1. 1607–1877 / [Н. Н. Болховитинов, Л. Ю. Слезкин, А. А. Фурсенко и др.]; редкол.: Н. Н. Болховитинов (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 1983. – 687 с.

173. Кагарлицкий, Б. Ю. Периферийная империя: циклы русской истории / Б. Ю. Кагарлицкий. – М.: Алгоритм, изд-во Эксмо, 2009. – 576 с.

174. Казанский, П. Е. Власть Всероссийского Императора / П. Е. Казанский; сост., вступ. ст. и прим. М. Б. Смолина. – М.: изд-во Москва, 1999. – 512 с.

175. Казарян, П. Л. Генезис политической ссылки в России (конец XV – начало XIX вв.) / П. Л. Казарян. – Владивосток: изд-во Якут. ГУ, 1999. – 48 с.

176. Камаровский, Л. А. Предложение России об ограничении вооружений / Л. А. Камаровский // Русская мысль. – 1900. – № 5. – С. 69–99.

177. Капустин, М. Н. Международное право: конспект лекций / М. Н. Капустин. – Ярославль: тип. Губ. зем. управы, 1873. – 87 с.

178. Капустин, М. Н. Обозрение предметов международного права / М. Н. Капустин. – Вып. 2: [Отд.] II–VI. – 1856. – Вып. 3: [Отд.] VII–X. –

1856. – Вып. 4: Консулы. Трактаты. – 1859 // Вып. 2–4. – М.: Университет. тип., 1856–1859. – 368 с.

179. Карамзин, Н. М. История государства Российского: в 3 кн. / Н. М. Карамзин. – Кн. 1. – СПб.: Кристалл, 2000. – 703 с.; – Кн. 2. – СПб.: Кристалл, 2000. – 749 с.; – Кн. 3. – СПб.: Кристалл, 2000. – 783 с.
180. Карганов, В. В. Конец ордынского ига / В. В. Карганов. – М.: Наука, 1984. – 152 с.
181. Каспэ, С. И. Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика / С. И. Каспэ. – М.: «РОССПЭН», 2001. – 256 с.
182. Каченовский, Д. И. Курс международного права / Д. И. Каченовский. – Ч. 1. – Харьков: Университет. тип., 1863. – LXVIII, 120 с.
183. Каширкина, А. А. Представления о субъектах международного публичного права в классической доктрине XVII–XIX вв. / А. А. Каширкина // Междунар. публ. и частн. право. – 2003. – № 1 (10). – С. 49–54.
184. Кипарисов, В. Ф. О свободе совести. Опыт исследования вопроса в области истории церкви и государства с I по IX вв. / В. Ф. Кипарисов. – Вып. 1. – М.: Сильвестр, архимандрит, 1883. – 386 с.
185. Кистяковский, Б. А. Государство и личность / Б. А. Кистяковский // Права человека и правовая мысль России (XVIII – начало XIX вв.): Антология / Авт.-сост. Грачев А. А., Куницын А. С. – Курск: изд-во РОСИ, 2001. – С. 219–246.
186. Ключевский, В. О. Курс русской истории: в 5 ч. / В. О. Ключевский. – Ч. 1. – М.: тип. Моск. Гор. Арнольдо-Третьяковского училища глухонем., 1911. – 464 с.; – Ч. 2. – 3-е изд. – М.: тип. Моск. Гор. Арнольдо-Третьяковского училища глухонем. и П. П. Рябушинского, 1912. – 516 с.; – Ч. 3. – 2-е изд. – М.: тип. Моск. Гор. Арнольдо-Третьяковского училища глухонем. и П. П. Рябушинского, 1912. – 480 с.; – Ч. 4. – 2-е изд. – М.: тип. Тов-ва Рябушинских, 1915. – 495 с.; – Ч. 5. – Пг.: ГИЗ, 1921. – 352 с.

187. Ключевский, В. О. Русская история. Полный курс лекций / В. О. Ключевский; послесловие, коммент. А. Ф. Смирнова. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2004. – 831 с.

188. Ковалевский, М. М. Взаимоотношение свободы и общественной солидарности / М. М. Ковалевский // Вехи. Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909–1910 гг. – М.: изд-во Молодая гвардия, 1991. – С. 269–293.

189. Кодан, С. В. Имперские параметры государства и права в России (вторая половина XVII – начало XX века) / С. В. Кодан // Российский юридический журнал. – 2013. – № 1. – С. 16–18.

190. Козлова, Е. И., Кутафин, О. Е. Конституционное право России: учеб. для студентов высш. учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Е. И. Козлова, О. Е. Кутафин. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: «Юристъ», 2004. – 587 с.

191. Комягин, Д. Л. Приватизация как источник бюджетных доходов / Д. Л. Комягин // Реформы и право. – М.: АНО ЦППИ, 2012. – № 2. – С. 32–35.

192. Коржихина, Т. П., Сенин, А. С. История российской государственности / Т. П. Коржихина, А. С. Сенин. – М.: Фирма «Интерпракс» 1995. – 348 с.

193. Коркунов, Н. М. Лекции по общей теории права / Н. М. Коркунов. – 2-е изд. / Предисл. проф. И. Ю. Козлихина. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – 428 с.

194. Коркунов, Н. М. Русское государственное право / Н. М. Коркунов. – Т. 1. Введение и общая часть / Под ред. и с доп.: Авалов З. Д., Горенберг М. Б., Соколов К. Н. – 8-е изд., печат. без перемен с 6-го, испр. – СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1914. – 633 с.; – Т. 2. Часть особенная. – 2-е изд., перераб. – СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1897. – 596 с.

195. Котляревский, С. А. Власть и право. Проблема правового государства / С. А. Котляревский. – М.: тип. «Мысль» Н. П. Меснянкин и Ко, 1915. – 420 с.

196. Котляревский, С. А. Правовое государство и внешняя политика / С. А. Котляревский. – М.: тип. Г. Лисснера и Д. Совко, 1909. – 430 с.

197. Кочешев, С. П. Правовые основы применения оружия и боевой техники / С. П. Кочешев // «Военно-юридический журнал». – М.: Юрист, 2008. – № 4. – С. 12–17.

198. Кроткова, Н. В. Взгляды С. А. Котляревского на конституционный строй Российской империи и Советской России / Н. В. Кроткова // Государство и право. – 2008. – № 3. – С. 73–84.

199. Крушанов, А. И., Сем, Ю. А., Стрюченко, И. Г. Экономическое развитие Дальнего Востока в XVIII – первой половине XIX в. – История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.) / А. И. Крушанов, Ю. А. Сем, И. Г. Стрюченко. – М.: Наука, 1991. – 471 с.

200. Кузнецов, Э. В. Философия права в России / Э. В. Кузнецов; вступ. ст.: Д. А. Керимов. – М.: Юрид. литер-ра, 1989. – 208 с.

201. Лаптева, Л. Е. Региональное и местное управление в России (вторая половина XIX века) / Л. Е. Лаптева. – М.: изд-во ИГиП РАН, 1998. – 151 с.

202. Лешков, В. Н. О древней русской дипломатии / В. Н. Лешков // Речи и отчет, произнесенные в торжественном собрании имп. Моск. ун-та 17 июня 1847 г. – М.: Университет. тип., 1847. – С. 1–88.

203. Липень, С. В. Система категорий конституционного правотворчества в проектах преобразования государственного строя Российской империи / С. В. Липень // История государства и права. – 2013. – № 2. – С. 25–28.

204. Лист, Ф. Международное право в систематическом изложении / Ф. Лист. – Пер. с 6 нем. изд. под ред. и с предисл. проф. В. Э. Грабаря. С доп. ред. и Очерком частного международного права, сост. проф. бар. Б. Э. Нольде. – 3-е рус. изд., соверш. перераб. – Юрьев (Дерпт): тип. К. Маттисена, 1912. – 574 с.

205. Лукашук, И. И. Современное право международных договоров: в 2 т. / И. И. Лукашук. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – Т. 1. Заключение международных договоров. – 658 с.

206. Луцков, Н. Д. Присоединение Луизианы к США / Н. Д. Луцков // Американский экспансионизм: Новое время [сб. науч. статей / науч. ред. Н. Н. Болховитинов]. – М.: Наука, 1985. – С. 9–28.

207. Любавский, М. К. Историческая география России в связи с колонизацией / М. К. Любавский. – М.: Типо-лит. [Титяева?], 1909. – 405 с.

208. Любимов, Н. А. Михаил Никифорович Катков и его историческая заслуга: по документам и личным воспоминаниям / Н. А. Любимов. – СПб.: тип. тов-ва «Обществ. польза», 1889. – 356 с.

209. Майорова, О. Е. Бессмертный Рюрик: Празднование Тысячелетия России в 1862 г. / О. Е. Майорова // Новое литературное обозрение. – 2000. – № 43. – С. 137–165.

210. Макарова, Р. В. К истории ликвидации Российско-американской компании / Р. В. Макарова // Проблемы истории и этнографии Америки [сб. ст.]. – М.: Наука, 1979. – С. 264–274.

211. Малиновский, В. Ф. Размышление о преобразовании государственного устройства России / В. Ф. Малиновский // Антология мировой политической мысли: в 5 т. – Т. 3. Политическая мысль в России: X – первая половина XIX вв. / Рук. проекта Г. Ю. Семигин и др. – М.: «МЫСЛЬ», 1997. – С. 609–614.

212. Мартенс, Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов (по изд. 1904 г.) / Ф. Ф. Мартенс. – М.: «Юрид. колледж МГУ», 1996. – Т. 1. – 313 с.

213. Международное право. Особ. часть: учеб. для вузов / Отв. ред. проф. Р. М. Валеев и проф. Г. И. Курдюков. – М.: Статут, 2010. – 624 с.

214. Международное право: учеб. для вузов / Отв. ред. Г. В. Игнатенко, О. И. Тиунов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: «НОРМА», 2005. – 624 с.

215. Меркель, А. Юридическая энциклопедия / А. Меркель. – Пер. Ф. К. Зейделя; под ред. В. М. Грибовского. – СПб.: изд. юрид. книж. магазина Н. К. Мартынова, 1902. – 256 с.

216. Минаева, Н. В. Потаенные конституции России / Н. В. Минаева. – М.: Посев, 2010. – 224 с.

217. Миронов, И. Б. Аукцион «Россия». Как продавали Аляску / И. Б. Миронов. – М.: Алгоритм, 2010. – 288 с.

218. Миронов, И. Б. Роковая сделка: как продавали Аляску / И. Б. Миронов. – М.: Алгоритм, 2007. – 288 с.

219. Молодцов, С. В. Международно-правовой режим открытого моря и континентального шельфа / С. В. Молодцов. – М.: изд-во АН СССР, 1960. – 348 с.

220. Муромцев, С. А. Определение и основное разделение права / С. А. Муромцев. – М.: тип. А. И. Мамонтова и Ко, 1879. – 240 с.

221. Нарочницкий, А. Л. Экспансия США на Дальнем Востоке в 50–70-е годы XIX в. / А. Л. Нарочницкий // Исторические записки. – М.: изд-во АН СССР, 1953. – Т. 44. – С. 130–176.

222. Нелидов, Н. К. Юридические и политические основания государственной службы. Государственная служба. Отд. 1 / Н. К. Нелидов. – Ярославль: тип. Губ. зем. управы, 1874. – 292 с.

223. Николаев, В. Александр II: биография (Серия «Биографии и мемуары») / В. Николаев. – М.: Захаров, 2005. – 431 с.

224. Новгородцев, П. И. Государство и право / П. И. Новгородцев // Вопросы философии и психологии. Кн. IV (74). – М.: Высш. шк., 1904. – 450 с.

225. Новиков, Н. И. Избранные сочинения / Н. И. Новиков. – М.-Л.: Гос. изд-во худож. литер-ры, 1954. – 744 с.

226. Овлащенко, А. В. Притязания государств на пространства Мирового океана: историко-правовые вопросы / А. В. Овлащенко // «Транспортное право». – М.: «Юристъ», 2005. – № 2. – С. 23–26.

227. Окунь, С. Б. К истории продажи русских колоний в Америке / С. Б. Окунь // Исторические записки. – М.: изд-во АН СССР, 1938. – Т. 2. – С. 209–239.

228. Окунь, С. Б. Российско-американская компания / С. Б. Окунь. – М., Л.: Соцэкгиз, 1939. – 260 с.

229. Онищенко, Н. М. Правовая система: проблемы теории: монография / Н. М. Онищенко. – Киев: Ин-т гос. и права им. В. М. Корецкого НАН Украины, 2002. – 352 с.

230. Оппенгейм, Л. М. Международное право / Л. М. Оппенгейм. – М.: Позис, 2000. – 185 с.

231. Осавелюк, А. М. Конституционное право зарубежных стран / А. М. Осавелюк. – М.: изд. ЮНИТИ-ДАНА, 2010. – 511 с.

232. Пайпс, Р. Россия при старом режиме / Р. Пайпс. – Пер. с англ. В. Козловского. – М.: Независимая газета, 1993. – 423 с.

233. Палкин, А. Г. К вопросу о территориальных претензиях к США / А. Г. Палкин // Вестник Челябинского гос. университета. – 2009. – Вып. 40. – С. 40–45.

234. Панов, Н. И. Методологические аспекты формирования понятийного аппарата юридической науки / Н. И. Панов // Правоведение. – 2006. – № 4. – С. 18–28.

235. Пасецкий, В. М. Фердинанд Петрович Врангель / В. М. Пасецкий. – М.: Наука, 1975. – 160 с.

236. Петров, А. Ю. Деньги, полученные от продажи Аляски США, пошли на железнодорожное строительство в России / А. Ю. Петров // Американский ежегодник. 2002. – М., 2004. – С. 291–292.

237. Петров, А. Ю. История Русской Америки / А. Ю. Петров. – Вологда: изд-во ВГПУ, 2010. – 130 с.

238. Петров, А. Ю. Наталия Шелихова у истоков Русской Америки / А. Ю. Петров. – М.: изд-во «Весь Мир», 2012. – 304 с.

239. Петров, А. Ю. Образование Российско-американской компании / А. Ю. Петров; отв. ред. Н. Н. Болховитинов; [Рос. акад. наук, Ин-т всеобщей истории]. – М.: Наука, 2000. – 153 с.

240. Петрова, Е. А. Место Конституции в правовой системе США / Е. А. Петрова // Иваново-Вознесенский юрид. вестник. – 2003. – № 11/12. – С. 34–40.

241. Печерин, Я. И. Исторический обзор правительственных, общественных и частных кредитных установлений в России / Я. И. Печерин. – СПб.: тип. В. Ф. Киршбаума, 1904. – 142 с.

242. Политическая мысль Новейшего времени. Персоналии, идеи, концепции: Краткий справочник / Сост. Михайлова Е. М. – Чебоксары: ЧКИ РУК, 2010. – 40 с.

243. Похлебкин, В. В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1 000 лет в именах, датах и фактах. IX–XX вв. Вып. 2. Войны и мирные договоры. Книга I: Европа и Америка. Справочник / В. В. Похлебкин. – М.: Междунар. отн-я, 1995. – 784 с.

244. Правовая политика как научная теория в историко-правовых исследованиях: монография / Под ред. д. ю. н., д. ф. н. О. Ю. Рыбакова. – М.: Статут, 2011. – 408 с.

245. Правовые системы стран мира. Энциклопедический справочник. – 3-е изд., перераб. и доп. / Отв. ред. д. ю. н., проф. А. Я. Сухарев. – М.: «НОРМА», 2003. – 976 с.

246. Радищев, А. Н. Избранные философские и общественно-политические произведения / А. Н. Радищев. – М.: Госполитиздат, 1952. – 676 с.

247. Радищев, А. Н. Полное собрание сочинений в 3 т. / А. Н. Радищев. – М.; Л.: изд-во АН СССР, 1952. – Т. 3. – 676 с.

248. Ратцель, Ф. Народоведение. В 2 т. / Ф. Ратцель. – Пер. с нем. Д. А. Коропчевского. – 3-е изд. – М.: типо-лит. тов-ва «Просвещение», 1903. – Т. 1. – 764 с.

249. Рахимов, С. Т. Социально-правовой статус татарских учебных заведений последней четверти XVIII – начала XX вв. / С. Т. Рахимов // Ислам в татарском мире: история и современность: Материалы международного симпозиума. Казань, 29 апреля – 1 мая 1996 г. // Панорама-Форум, Казань, 1997. – № 12. – С. 71–82.

250. Рейснер, М. А. Право свободного исповедания / М. А. Рейснер // Вестник права. Журнал юридического общества Санкт-Петербургского университета. – 1899. – № 9. Ноябрь. – С. 85–102.

251. Рокот, В. Князь Русской Америки. Д. П. Максутов. Серия «Россия забытая и неизвестная» / В. Рокот. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. – 351 с.

252. Саломатин, А. Ю. Борьба с коррупцией в США в XIX в. и государственная модернизация / А. Ю. Саломатин // Правоведение. – 2001. – № 3. – С. 196–206.

253. Саломатин, А. Ю. Государственное и муниципальное управление в США: От эпохи модернизации к постмодернизационному обществу и государству: Курс лекций для студентов специальностей «Государственное и муниципальное управление» и «Юриспруденция» / А. Ю. Саломатин. – Пенза: ИИЦ ПГУ, 2004. – 99 с.

254. Саломатин, А. Ю. Основные этапы формирования гражданского общества в США, середина XVIII – начало XX вв. / А. Ю. Саломатин // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2011. – № 3. – С. 2–7.

255. Саломатин, А. Ю. Президентская власть в США и ее представители (сравнительные политологические и конституционно-правовые очерки): монография / А. Ю. Саломатин. – М.: Норма: Инфра-М, 2015. – 240 с.

256. Саломатин, А. Ю. Теневые стороны американской правовой жизни (конец XVIII – XIX вв.) / А. Ю. Саломатин // Правовая политика и правовая жизнь. – 2002. – № 1. – С. 47–62.

257. Саломатин, А. Ю., Терехин, В. А. Правовая политика как научная теория в историко-правовых исследованиях / А. Ю. Саломатин, В. А. Терехин;

под ред. О. Ю. Рыбакова // Российская юстиция. – 2012. – № 4. – С. 73–74.

258. Самодаева, Л. Н. Применение структурно-функционального анализа в изучении муниципального права / Л. Н. Самодаева // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. – 2012. – № 3 (10). – С. 54–56.
259. Сирота, Н. М. Геополитика (Краткий курс) / Н. М. Сирота. – СПб.: Питер, 2006. – 172 с.
260. Сирый, С. П. Восьмой морской министр императорского флота России адмирал Н. К. Краббе / С. П. Сирый // Морской вестник. – СПб.: ООО Изд-во «МорВест», 2009. – №4. – С. 120–123.
261. Словарь философских терминов / Под. науч. ред. проф. В. Г. Кузнецова. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 731 с.
262. Соловьев, С. М. История России с древнейших времен. В 15 кн. / С. М. Соловьев. – Кн. 1 (Т. 1, 2). Подгот. к печ. Г. Д. Цинзерлинг и В. С. Рыкалова. Коммент. В. Т. Пашуто. Отв. ред. Л. В. Черепнин. АН СССР. Ин-т истории. – М.: изд-во соц.-эконом. литер-ры, 1959. – 811 с.
263. Солонцов, З. М. Дипломатическая борьба США за господство на море и противоречия империалистических держав (1918–1945 гг.) / З. М. Солонцов. – М.: изд-во ИМО, 1962. – 416 с.
264. Сперанский, М. М. Проекты и записки / М. М. Сперанский; под ред. С. Н. Валка; АН СССР. Ин-т истории. Ленингр. отд-ние. – М.; Л.: изд-во АН СССР, 1961. – 244 с.
265. Степанов, В. Л. Михаил Христофорович Рейтерн / В. Л. Степанов // Отечественная история. – 1994. – № 6. – С. 33–50.
266. Степенко, В. Е., Чернова, О. А. К вопросу о формировании и реализации государственной пограничной политики Российской Федерации / В. Е. Степенко, О. А. Чернова // Юридический мир. – 2006. – № 9. – С. 18–26.
267. Стоянов, А. Н. Очерки истории и догматики международного права / А. Н. Стоянов. – Харьков: Университет. тип., 1875. – 753 с.

268. Тарановский, Ф. В. Учебник энциклопедии права / Ф. В. Тарановский. – Юрьев: тип. К. Маттисена, 1917. – 534 с.

269. Тарасов, И. Т. Краткий очерк науки административного права. Т. 1: Конспект лекций / И. Т. Тарасов. – Ярославль: типо-лит. Э. Г. Фальк, 1888. – 386 с.

270. Татищев, В. Н. Избранные произведения / В. Н. Татищев; под общ. ред. С. Н. Валка. – Л.: Наука, 1979. – 464 с.

271. Таубе, М. А. История зарождения современного международного права (средние века). Т. I: Введение и часть общая / М. А. Таубе. – СПб.: типо-лит. П. И. Шмидта, 1894. – 370 с.

272. Тимощук, В. В. Американское посольство в России в 1866 г. / В. В. Тимощук // Русская старина. – СПб: тип. В. С. Балашева, 1887. – № 1. – С. 47–75.

273. Толмачев, Е. П. Александр II и его время: в 2 кн. / Е. П. Толмачев. – Кн. 2. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 1998. – 288 с.

274. Туманов, С. Н. К вопросу о понятии и структуре функции государства / С. Н. Туманов // Вестник Пермского университета. Юридические науки [Отв. уч. секретарь ред. совета: д. ю. н. В. Г. Голубцов; гл. ред.: д. ю. н., проф. О. А. Кузнецова]. – 2012. – Вып. 4 (18). – С. 33–42.

275. Туровский, Р. Ф. Русская геополитическая традиция / Р. Ф. Туровский // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. – 1996. – № 5. – С. 51–64.

276. Ушаков, В. А., Арсанукаева, Н. В. «Аляскинская проблема» в отечественной историографии (краткий обзор) / В. А. Ушаков, Н. В. Арсанукаева // Русское открытие Америки: Сб. ст., посв. 70-летию акад. Н. Н. Болховитинова. – М.: РОССПЭН, 2002. – С. 467–477.

277. Федорова, С. Г. Русское население Аляски и Калифорнии (конец XVIII века – 1867 г.) / С. Г. Федорова. – М.: Наука, 1971. – 296 с.

278. Философский век. Альманах. Вып. 2. Просвещенная личность в российской истории: проблемы историософской антропологии.

Материалы Международной конференции. Санкт-Петербург, 23–26 июня 1997 г. / Отв. ред. Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. – СПб.: Санкт-Петербургский Центр Истории Идей, 1997. – 223 с.

279. Философский энциклопедический словарь / Отв. ред. С. С. Аверинцев. – М.: Сов. энциклопедия, 1989. – 815 с.
280. Фонвизин, Д. И. Рассуждение о непременных государственных законах / Д. И. Фонвизин // Собрание сочинений в 2 т. – М.; Л.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1959. – Т. 2. – С. 254–267.
281. Франк, С. Л. Русское мировоззрение / С. Л. Франк. – СПб.: Наука, 1996. – 736 с.
282. Хиггинс, Ф., Коломбос, Д. Международное морское право / Ф. Хиггинс, Д. Коломбос. – Пер. с англ. В. В. Зайцевой, Н. И. Кузьминского. Под ред. С. Б. Крылова (Предисл.). – М.: изд-во «Иностранная литература», 1953. – 714 с.
283. Хоскинг, Дж. Россия: Народ и империя (1552–1917) / Дж. Хоскинг. – Пер. с англ. С. Н. Самуйлова. – Смоленск: Русич, 2001. – 512 с.
284. Чибиряев, С. А. Великий русский реформатор: жизнь, деятельность, политические взгляды М. М. Сперанского / С. А. Чибиряев. – М.: Наука, 1989. – 216 с.
285. Чичерин, Б. Н. Курс государственной науки / Б. Н. Чичерин. – М.: тип. тов-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1894. – Ч. 1. Общее государственное право. – 482 с.
286. Шелихов Григорий Иванович – Колумб Российский: библиограф. указ. / Сост. А. А. Кравченко; рук. Г. С. Дрожжина. – Иркутск: Ирк. колледж культуры, 2010. – 60 с.
287. Шершеневич, Г. Ф. Общая теория права: учеб. пособие (по изданию 1910–1912 гг.). Вып. 1 / Г. Ф. Шершеневич. – М.: Юрид. колледж МГУ, 1995. – Т. I. – 308 с.
288. Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.) / Г. Ф. Шершеневич. – М.: Спарк, 1995. – 556 с.

289. Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / Ф. Энгельс. – По изд.: Маркс К., Энгельс Ф.; Избранные произведения. В 3-х т. Т. 3. – М.: Политиздат, 1986. – 639 с.

290. Энциклопедический словарь Ф. Ф. Павленкова. – 4-е вновь пересмотр. изд. – СПб.: тип. Ю. Н. Эрлих, 1910. – 3104 стб. – 1555 с.

291. Эсмен, А. Основные начала государственного права / А. Эсмен. – Пер. с фр. Н. Кончевской. Под ред. и с предисл. М. М. Ковалевского. – М.: изд. К. Т. Солдатенкова, 1898. – 456 с.

292. Ященко, А. С. Новая теория государственного права / А. С. Ященко // Журнал Мин. юстиции. – СПб., 1911. – № 5 (Май). – С. 226–255.

Диссертации и авторефераты диссертаций:

293. Балабанова, Н. А. Государственно-правовые воззрения С. Е. Десницкого: дисс. … канд. юрид. наук: 12.00.01 / Наталья Александровна Балабанова. – Владимир, 2006. – 148 с.

294. Беренов, А. Р. Деятельность Российско-американской компании в северной части Тихого океана: 1799–1867 гг.: дисс. … канд. историч. наук: 07.00.02 / Александр Рашидович Беренов. – Воронеж, 2005. – 226 с.

295. Биюшкина, Н. И. Политико-правовое развитие Российского государства в условиях охранительного внутриполитического курса (1870–1890-е гг.): автореф. дисс. ... докт. юрид. наук: 12.00.01 / Надежда Иосифовна Биюшкина. – Нижний Новгород, 2012. – 55 с.

296. Биюшкина, Н. И. Политико-правовое развитие Российского государства в условиях охранительного внутриполитического курса (1870–1890-е гг.): дисс. ... докт. юрид. наук: 12.00.01 / Надежда Иосифовна Биюшкина. – Нижний Новгород, 2012. – 689 с.

297. Биюшкина, Н. И. Проведение судебной реформы 1864 г. в Российском государстве: на примере Нижегородской губернии: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Надежда Иосифовна Биюшкина. – Нижний Новгород, 1998. – 261 с.

298. Воронин, В. Е. Деятельность великого князя Константина Николаевича в контексте реформирования социально-политического строя России (60–70-е гг. XIX в.): дисс. … докт. историч. наук: 07.00.02 / Всеволод Евгеньевич Воронин. – М., 2009. – 775 с.

299. Гринев, А. В. Российская колонизация Аляски: ее ход, характер и результаты: дисс. … докт. историч. наук: 07.00.02 / Андрей Вальтерович Гринев. – Санкт-Петербург, 2000. – 647 с.

300. Ермолаев, А. Н. Российско-американская компания в Сибири и на Дальнем Востоке (1799–1871 гг.): дисс. ... докт. историч. наук: 07.00.02 / Алексей Николаевич Ермолаев. – Кемерово, 2013. – 611 с.

301. Киселев, Е. А. Правовое положение коренных малочисленных народов Приамурья: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Евгений Александрович Киселев. – Хабаровск, 2001. – 171 с.

302. Петров, А. Ю. Российско-американская компания: хозяйственная деятельность на отечественном и зарубежном рынках: 1799–1867 гг.: дисс. … докт. историч. наук: 07.00.03 / Александр Юрьевич Петров. – М., 2006. – 478 с.

303. Рувинский, Р. З. Правовая идеология европейского либерализма и британский колониальный правопорядок в XVIII–XIX вв.: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Роман Зиновьевич Рувинский. – Нижний Новгород, 2011. – 29 с.

304. Рувинский, Р. З. Правовая идеология европейского либерализма и британский колониальный правопорядок в XVIII–XIX вв.: дисс. … канд. юрид. наук: 12.00.01 / Роман Зиновьевич Рувинский. – Нижний Новгород, 2011. – 215 с.

305. Саломатин, А. Ю. Модернизация государства и права в США, конец XVIII – XIX вв.: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук: 12.00.01 / Алексей Юрьевич Саломатин. – Саратов, 2004. – 50 с.

306. Саломатин, А. Ю. Модернизация государства и права в США, конец XVIII – XIX вв.: дисс. ... докт. юрид. наук: 12.00.01 / Алексей Юрьевич Саломатин. – Пенза, 2004. – 452 с.

307. Соколовский, С. В. Антропологическое знание в правовом и политическом дискурсах: дисс. ... докт. историч. наук: 07.00.07 / Сергей Валерьевич Соколовский. – М., 2009. – 384 с.

Иностранная литература:

308. Archer, J. H. A Matter of Honour / J. H. Archer. – London: CORONET BOOKS Hodder and Stoughton, 1986. – 499 p.

309. Benyekhlef, K. L'Internet: un reflet de la concurrence des souverainetés / K. Benyekhlef // Lex Eletronica. – Vol. 8, n°1, automne 2002. – 18 p. Disp. sur: http://www.lex-electronica.org/files/sites/103/8-1_benyekhlef.pdf.

310. Cook, W. L. Flood Tide of Empire: Spain and Pacific Northwest, 1543–1819 / W. L. Cook. – New Haven and London: Yale University Press, 1973. – 620 p.

311. Documents of American Democracy: A Collection of Essential Works. Edited by Roger L. Kemp. – McFarland: Kindle Edition, 2010. – 250 p.

312. Gibson, J. R. Imperial Russia in Frontier America: The Changing Geography of Supply of Russian America, 1784–1867 / J. R. Gibson. – New York and Oxford: Oxford University Press, 1976. – 257 p.

313. Gibson, J. R. The Sale of Russian America to the United States / J. R. Gibson // Acta Slavica Japonica. – 1983. – Vol. 1. – P. 15–37.

314. Gilmore, G. The Ages of American Law / G. Gilmore. – New Haven, CT: Yale University Press, 1977. – 154 p.

315. Golder, F. A. Mining in Alaska before 1867 / F. A. Golder // The Washington Historical Quarterly. – 1916. – Vol. 7. – No. 3. – P. 233–238.

316. Jensen, R. J. The Alaska Purchase and Russian-American Relations / R. J. Jensen. – Seattle: University of Washington Press, 1975. – 185 p.

317. Liszt, F. v. Das Volkerrecht. Systematisch dargeschtelt / F. v. Liszt. – 12. bearb. Aufl. – Berlin: Vrlg. v. Julius Springer 1925. – 286 s.

318. Luhmann, N. Das Recht der Gesellschaft / N. Luhmann. – Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1995. – 599 s.

319. Testa, M. de, Gautier, A. Le Diplomate russe Edouard de Stoeckl et la cession de l'Alaska aux États-Unis / Marie de Testa & Antoine Gautier // Drogmans et diplomates européens auprès de la Porte ottomane. – Istanbul: Éditions ISIS, 2003. – P. 463–469.

320. Mazour, A. G. The Prelude to Russia's Departure from America, in Morgan Sherwood's / A. G. Mazour // Alaska and Its History. – Seattle: University of Washington Press, 1967. – P. 159–170.

321. Mortimer, G. Observations & Remarks Made During a Voyage … in the Brig Mercury, commanded by John Henry Cox, Esq. / G. Mortimer. – London: printed for the author, 1791. – Reprint Amst., 1975. – 96 p.

322. Nashke, C.-M., Slotnick, H. E. Alaska: A History of the 49th State / C.-M. Nashke, H. E. Slotnick. – 2nd ed. – Norman, Oklahoma: University of Oklahoma Press, 1987. – 349 p.

323. Neff, S. C. A short history of international law / S. C. Neff // International law; ed. by M. D. Evans. – Oxford: Oxford University Press, 2006. – P. 29–55.

324. Pierce, R. A. Russian America: A Biographical Dictionary / R. A. Pierce. – Fairbanks, Alaska; Kingston, Ontario: The Limestone Press, 1990. – 555 p.

325. Pierce, R. A. The Russian Period in Alaskan History / R. A. Pierce // Alaska Review. Proceedings of the Conference on Alaskan History, June 8–10, 1967. – Anchorage, Alaska: Printing Inc. for Alaska Methodist University Press, 1967–1968. – Vol. III. – No. 1. – P. 63–73.

326. Saul, N. E. Distant Friends: The United States and Russia, 1763–1867 / N. E. Saul. – Lawrence, Kansas: University Press of Kansas, 1991. – 460 p.

327. Seton-Watson, H. The Russian empire, 1801–1917 (Oxford History of Modern Europe) / H. Seton-Watson. – Oxford: Oxford University Press, 1988. – 840 p.

328. Sturgis, W. Examination of the Russian Claims on the North West Coast of America / W. Sturgis // North American Review. – October 1822. – No. 37. – P. 370–401.

329. The Constitution of the United States of America / Presented by Mr. Brady of Pennsylvania. July 25, 2007. – Washington: United States Government Printing Office, 2007. – 79 p.

330. Tompkins, S. R. Alaska: Promyshlennik and Sourdough / S. R. Tompkins. – Norman: University of Oklahoma Press, 1945. – 350 p.

331. Triepel, H. Volkerrecht und Landesrecht / H. Triepel. – Leipzig: Vrlg. von C. L. Hirschfeld, 1899. – 452 s.

332. Vinkovetsky, I. Russian America: An Overseas Colony of Continental Empire, 1804–1867 / I. Vinkovetsky. – Oxford: Oxford University Press, 2011. – 272 p.

333. Vinkovetsky, I. Why Did Russia Sell Alaska? / I. Vinkovetsky // Acta Slavica Iaponica. – 2006. – T. 23. – P. 202–210.

334. Watt, H. M. Globalisation and Comparative Law / H. M. Watt // Reimann M., Zimmermann R. (eds.). The Oxford Handbook of Comparative Law. – Oxford: Oxford University Press, 2006. – P. 579–607.

Интернет-ресурсы:

335. Туманов, С. Н. Зарождение теории о функциях государства в России: начало XX в. / С. Н. Туманов // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2013. – Вып. № 4 [79] // http://cyberleninka.ru/article/n/zarozhdenieteoriiofunktsiyahgosudarstvavrossii-nachaloxxv. Дата обращения: 21.02.2015.

336. Шеймин, П. Н. Полиция / П. Н. Шеймин // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона / Под ред. проф. И. Е. Андреевского, К. К. Арсеньева и заслуж. проф. О. О. Петрушевского. – СПб.: изд. Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон (С.-Петербург), 1890–1907 // http://www.vehi.net/brokgauz. Дата обращения: 11.03.2015.

337. Служба государственная // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона / Под ред. проф. И. Е. Андреевского, К. К. Арсеньева и заслуж. проф. О. О. Петрушевского. – СПб.: изд. Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон (С.-Петербург), 1890–1907 // http://www.vehi.net/brokgauz. Дата обращения: 12.03.2015.

338. Теплов, Г. Н. Соч.: Знания, касающиеся вообще до философии для пользы тех, которые о сей материи чужестранных книг читать не могут / Г. Н. Теплов. – СПб., 1751 // http://litcey.ru/filosofiya/42177/index.html. Дата обращения: 13.04.2015.

339. Яценко, Н. Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. Серия «Учеб. для вузов. Спец. литература» / Н. Е. Яценко. – СПб.: изд-во «Лань», 1999 // http://www.slovarnik.ru/html_tsot/p/potestarnost5.html. Дата обращения: 23.04.2015.

340. https://ru.wikipedia.org/wiki/Каперы. Дата обращения: 20.05.2015.

341. https://ru.wikipedia.org/wiki/Продажа_Аляски#/media/File:Alaska_1867.jpg Дата обращения: 15.06.2015.

342. Лебедев, С. В. Какой была Русская Америка / С. В. Лебедев // Инф.-аналитич. служба «Русская народная линия». 24.10.2012 // http://ruskline.ru/analitika/2012/10/24/kakoj_byla_russkaya_amerika. Дата обращения: 17.06.2015.

343. Крюков, С. Как продавали Аляску? / С. Крюков // Инф.-аналитич. изд-е «Служу Отечеству». – 2013. Январь // http://www.sluzhuotechestvu.info/index.php/gazeta-sluzhu-otechestvu/arkhiv-2013/yanvar-2013/item/425-как-продавали-аляску?.html. Дата обращения: 26.06.2015.

Приложение I

«Особый комитет» в лицах

1. Александр II Николаевич (1818–1881); Император Всероссийский, Царь Польский и Великий князь Финляндский (1855–1881)[1]

Александр II Николаевич – старший сын Николая I и Александры Федоровны. На царский престол вступил 18 февраля 1855 г. Император Александр II вошел в русскую историю как проводник широкомасштабных либеральных реформ. Не будучи реформатором по призванию, Александр II стал таковым в ответ на потребности общественного строя того времени.

Либеральная идеология стала господствующей в Российской империи в эпоху правления Александра II. Именно в русле либерализма стало возможным совершение сделки об уступке Аляски. Но стоит сказать, что в целом царствование Александра II характеризовалось расширением границ Российского государства. Так, к России были присоединены Средняя Азия, Северный Кавказ, Дальний Восток, Бессарабия, Батуми. Исключением стала лишь продажа Соединенным Штатам территории Русской Америки за 7,2 млн. долларов в 1867 г.

Погиб 1 марта 1881 г. в результате террористического акта, подготовленного тайной организацией «Народная воля».

2. Великий князь Константин Николаевич Романов (1827–1892)[2]

Константин Николаевич Романов – младший сын Николая I и Александры Федоровны. Великий князь Константин Николаевич – одна из самых ярких и противоречивых фигур Дома Романовых. В 1853 г. Константин Николаевич возглавил Морское министерство и был произведен в вице-адмиралы. В период Крымской войны принимал участие в защите Кронштадта. С 1855 г. – адмирал, глава морского ведомства, а с 1860 г. – председатель Адмиралтейств-совета. В ходе своей деятельности придерживался ценностей либерализма, сыграл значимую роль в реформах своего старшего брата – императора Александра II. В 1865 г. назначен на должность Председателя Государственного совета. Наряду с бароном Э. А. фон Стеклем был ключевой персоной при продвижении идеи об уступке Аляски. Эта сделка была осуществлена в первую очередь именно по инициативе великого князя Константина Николаевича. Последний годы жизни провел в политическом бездействии. Умер в Павловске 13 января 1892 г.

---

[1] Николаев В. Александр II: биография / Серия «Биографии и мемуары». М.: Захаров, 2005. 431 с.

[2] Воронин В. Е. Великий князь Константин Николаевич: становление государственного деятеля: монография. М.: Русский мир, 2002. 244 с.

3. Александр Михайлович Горчаков (1798–1883)[1]

Сын княжеского рода Горчаковых. Родился в семье генерал-майора князя М. А. Горчакова и баронессы Е. Д. Ферзен. Получил образование в Царскосельском лицее. Политическую карьеру начал с назначения на должность секретаря посольства в Лондоне в 1822 г. Проработав секретарем и советником посольств в Риме, Берлине и Вене, к 1855 г. утвердился в качестве посланника при австрийском дворе. В апреле 1856 г. А. М. Горчаков стал министром иностранных дел Российской империи. Его политическая и дипломатическая деятельность четко определялась обстоятельствами, при которых он вступил в управление министерством (поражение в Крымской войне и подписание Парижского мирного договора).

А. М. Горчаков был единственным членом «Особого комитета», который сомневался в правильности принятия решения об уступке Аляски. Но убеждения великого князя Константина Николаевича, Н. К. Краббе и М. Х. Рейтерна сыграли свою роль – на заседании министр иностранных дел проголосовал за продажу Русской Америки.

Политическая карьера А. М. Горчакова фактически завершилась Берлинским конгрессом в 1878 г. Скончался в Баден-Бадене в 1883 г. Являлся последним канцлером Российской империи (1867–1883).

4. Михаил Христофорович Рейтерн (1820–1890)[2]

Сын генерал-лейтенанта Х. Р. Рейтерна и Е. И. Гельфрейх. Как и А. М. Горчаков получил образование в Царскосельском лицее. Государственную службу начал в Министерстве финансов, продолжил – в Министерстве юстиции. В 1854 г. был переведен в Морское министерство, где присоединился к числу соратников великого князя Константина Николаевича. В 1858 г. М. Х. Рейтерн был назначен на должность статс-секретаря и заведующего Комитетом железных дорог; в 1860 г. занял пост управляющего делами Финансового комитета. 23 января 1862 г. М. Х. Рейтерн стал министром финансов Российской империи.

Тесная деловая связь с великим князем Константином Николаевичем предопределила отношение М. Х. Рейтерна к идее об уступке Аляски – министр финансов был одним из тех, кто активно продвигал совершение этой сделки в правительстве. На заседании «Особого комитета» (1866 г.) определил порог суммы – не менее 5 млн. долларов. В 1881 г. назначен председателем Комитета министров. В 1890 г. возведен в графское достоинство. Скончался в том же году в Царском Селе.

---

[1] Бушуев С. К. А. М. Горчаков [дипломат: 1798–1883] / Под ред. и с предисл. В. П. Якубовского. М.: изд-во ИМО, 1961. 109 с.

[2] Степанов В. Л. Михаил Христофорович Рейтерн // Отечественная история. 1994. № 6. С. 33–50.

5. Николай Карлович Краббе (1814–1876)[1]

Сын Георгиевского кавалера, генерал-лейтенанта К. К. Краббе. Окончил курс Морского кадетского корпуса.

В 1830 г. произведен в гардемарины, в 1832 г. – в мичманы. В 1836–1837 гг. служил на Каспийском море. В 1838 г. получил звание лейтенанта и работал в Главном морском штабе. В 1853 г. назначен флигель-адъютантом и вице-директором инспекторского департамента Морского министерства.

В период Крымской войны принимал активное участие в защите Севастополя и в 1856 г. бал награжден чином контр-адмирала.

Н. К. Краббе учредил первые базы на Дальнем Востоке, основал боеспособные океанские флотилии и преобразовал парусный деревянный русский флот в паровой и броненосный. При непосредственном участии Н. К. Краббе произошло перевооружение артиллерии на судах.

С 1860 г. – управляющий Морским министерством Российской империи. Будучи ближайшим помощником великого князя Константина Николаевича, Н. К. Краббе был сторонником идеи продажи Аляски. Действуя по поручению Константина Николаевича Романова, морской министр оказывал давление на А. М. Горчакова, побуждая того проголосовать за уступку Русской Америки. Таким образом, сыграл заметную роль в совершении рассматриваемой сделки.

С 1862 г. – вице-адмирал, а с 1869 г. – адмирал.

Умер в 1876 г. в звании адмирала-генерал-адъютанта.

6. Эдуард Андреевич фон Стекль (1804–1892)[2]

Немецкое написание имени и фамилии – Eduard von Stoeckl или Stoeckle – Штекль.

Сын австрийского дипломата в Стамбуле А. фон Штекля и М. Пизани, дочери итальянского переводчика на российской службе в Стамбуле. С 1850 г. занимал пост поверенного российского посольства в Вашингтоне. В 1854 г. назначен на должность царского посланника в Вашингтоне.

Э. А. фон Стекль был женат на американской гражданке. Состоял в дружеских отношениях со многими политиками Соединенных Штатов, включая государственного секретаря У. Г. Сьюарда, с которым вел непосредственные переговоры о продаже Аляски, завершившиеся подписанием Конвенции 30 марта 1867 г.

Подал в отставку в 1869 г. и уехал во Францию. До конца жизни прожил в Париже, где и скончался в 1892 г.

---

[1] Сирый С. П. Восьмой морской министр императорского флота России адмирал Н. К. Краббе // Морской вестник. СПб.: ООО Изд-во «МорВест», 2009. №4. С. 120–123.

[2] Marie de Testa & Antoine Gautier. Le Diplomate russe Edouard de Stoeckl et la cession de l'Alaska aux États-Unis. Drogmans et diplomates européens auprès de la Porte ottomane. Istanbul: Éditions ISIS, 2003. P. 463–469.

Высочайше ратифицированная Конвенция об уступке Северо-Американским Соединенным Штатам Российских Северо-Американских колоний от 3 мая 1867 г.[1]

44518.—Мая 3. Высочайше ратификованная конвенція объ уступкѣ Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ Россійскихъ Сѣверо-Американскихъ колоній.

Указъ Правительствующаго Сената 6 Октября 1867 года.—Правительствующій Сенатъ слушали предложеніе Управляющаго Министерствомъ Юстиціи, отъ 4 Сентября сего 1867 года, слѣдующаго содержанія: Государь Императоръ удостоилъ, въ 3-й день Мая 1867 года, Высочайшей ратификаціи, заключенный въ Вашингтонѣ $\frac{18}{30}$ Апрѣля текущаго года, договоръ объ уступкѣ Россійскихъ Сѣверо-Американскихъ колоній. Эта ратификація, по установленному порядку, обмѣнена на ратификацію Правительства Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Копію съ означеннаго договора и Русскій переводъ онаго, сообщенные Государственнымъ Канцлеромъ Княземъ Горчаковымъ, онъ, Управляющій Министерствомъ Юстиціи, предлагаетъ Правительствующему Сенату. При семъ слушали и самую копію съ означеннаго договора. Приказали: Напечатавъ потребное количество экземпляровъ помянутаго договора, разослать оные, для свѣдѣнія и должнаго, въ чемъ до кого касаться можетъ, исполненія, Его Императорскому Высочеству Намѣстнику Кавказскому, Намѣстнику въ Царствѣ Польскомъ, Министрамъ и Главноуправляющимъ отдѣльными частями, однимъ—при указахъ, а другимъ—чрезъ передачу къ дѣламъ Оберъ-Прокурора 1-го Департамента Правительствующаго Сената при копіяхъ съ опредѣленія Сената; равно при указахъ: Учредительному въ Царствѣ Польскомъ Комитету, Генералъ-Губернаторамъ, Военнымъ Губернаторамъ, Губернаторамъ, Губернскимъ, Областнымъ и Войсковымъ Правленіямъ; въ Святѣйшій же Правительствующій Синодъ, во всѣ Департаменты Правительствующаго Сената и Общія оныхъ Собранія сообщить при вѣдѣніяхъ, въ Департаментъ Министерства Юстиціи—при копіи съ опредѣленія, а для напечатанія въ установленномъ порядкѣ, Конторѣ Сенатской Типографіи передать при извѣстіи.

Конвенція.

Божіею поспѣшествующею милостію, Мы, Александръ Вторый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Московскій, Кіевскій, Владимірскій, Новгородскій, Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Царь Польскій, Царь Сибирскій, Царь Херсониса Таврическаго, Царь Грузинскій; Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Литовскій, Волынскій, Подольскій и Финляндскій, Князь Эстляндскій, Лифляндскій, Курляндскій и Семигальскій, Самогитскій, Бѣлостокскій, Корельскій, Тверской, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ; Государь и Великій Князь Новагорода Низовскія земли, Черниговскій, Рязанскій, Полоцкій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондійскій, Витебскій, Мстиславскій и всея Сѣверныя страны Повелитель; и Государь Иверскія, Карталинскія и Кабардинскія земли и области Арменскія и Горскихъ Князей и иныхъ Наслѣдный Государь и Обладатель, Наслѣдникъ Норвежскій, Герцогъ Шлезвигъ-Голстинскій, Стормарнскій, Дитмарсенскій и Ольденбургскій и проч. и проч. и проч. Объявляемъ чрезъ сіе, что, вслѣдствіе взаимнаго соглашенія между Нами и Правительствомъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, Полномочные Наши заключили и подписали въ Вашингтонѣ, $\frac{18}{30}$ Апрѣля сего 1867 года, договоръ объ уступкѣ Нашихъ Сѣверо-Американскихъ колоній; договоръ сей отъ слова до слова гласитъ тако:

Его Величество Императоръ Всероссійскій и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, желая упрочить, если возможно, существующее между ними доброе согласіе, назначили на сей конецъ своими Полномочными, а именно: Его Величество Императоръ Всероссійскій Эдуарда Стекля, Своего Тайнаго Совѣтника, Чрезвычайнаго Посланника и Полномочнаго Министра въ Соединенныхъ Штатахъ, а Президентъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ Статсъ-Секретаря Вильяма Сюарда. Каковые Полномочные, по взаимномъ сообщеніи своихъ полномочій, найденныхъ въ доброй и надлежащей формѣ, постановили и подписали нижеслѣдующія статьи:

Статья I.

Его Величество Императоръ Всероссійскій симъ обязуется уступить Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ, немедленно по обмѣнѣ ратификацій, всю территорію съ Верховнымъ на оную правомъ, владѣемымъ нынѣ Его Величествомъ на Американскомъ материкѣ, а также прилегающіе къ ней острова. Сказанная территорія заключается въ нижеозначенныхъ географическихъ границахъ, а именно: восточною границею служитъ линія разграниченія между Россійскими и Британскими владѣніями, въ Сѣверной Америкѣ, какъ таковая линія постановлена конвенціею, заключенною между Россіею и Великобританіею $\frac{16}{28}$ Февраля 1825 года (50233 а) и какъ оная опредѣлена въ статьяхъ III и IV сказанной конвенціи, а именно:

«Начиная съ самой южной точки острова, именуемаго Принцъ Валлійскій (Prince of Wales), каковая точка находится подъ 54 градусомъ 40 минутами сѣверной широты и между 131 и 133 градусомъ западной долготы (считая отъ Гринвичскаго меридіана), вышесказанная черта протянется къ сѣверу вдоль по проливу, называемому Портландскій каналъ (Portland Channel), до той точки твердой земли, гдѣ она касается 56 градуса сѣверной широты. Отсюда черта разграниченія послѣдуетъ по хребту горъ, простирающихся въ параллельномъ направленіи съ берегомъ до точки пересѣченія на 141 градусѣ западной долготы (отъ того же меридіана), и наконецъ отъ сей точки пересѣченія та же меридіальная линія 141 градуса составитъ, въ своемъ продолженіи до Ледовитаго моря, границу между Россійскими и Великобританскими владѣніями на твердой землѣ сѣверо-западной Америки.

«Ст. IV. Въ отношеніи къ чертѣ разграниченія, опредѣленной въ предыдущей статьѣ, разумѣется: 1) что островъ, именуемый Принцъ Валлійскій (Prince of Wales), принадлежать будетъ Россіи весь безъ изъятія; (но съ сего числа въ силу сей уступки, Соединеннымъ Штатамъ)».

«2) Что вездѣ, гдѣ хребетъ горъ, простирающихся въ параллельномъ направленіи съ берегомъ отъ 56 градуса сѣверной широты до точки пересѣченія подъ 141 градусомъ западной долготы, отстоять будетъ далѣе 10 морскихъ миль отъ океана, граница между владѣніями Великобританскими и вышеозначеннымъ берегомъ, яко долженствующимъ принадлежать Россіи (т. е. граница владѣній, уступленныхъ настоящею конвенціею), проведена будетъ параллельною чертою съ кривизнами берега и не можетъ идти далѣе десяти морскихъ миль отъ онаго».

Западная граница уступленныхъ территорій проходитъ чрезъ точку въ Беринговомъ проливѣ подъ шестьдесятъ пятымъ градусомъ и тридцатью минутами сѣверной широты въ ея пересѣченіи меридіаномъ, отдѣляющимъ на равномъ разстояніи острова Крузенштерна или Игналукъ отъ острова Ратманова или Нунарбукъ и направляется по прямой линіи безграничпо къ сѣверу, доколѣ она совсѣмъ не теряется въ Ледовитомъ океанѣ. Начиная съ той же исходной точки эта западная граница идетъ оттуда почти въ югозападномъ направленіи чрезъ Беринговъ проливъ и Берингово море, такъ что она проходитъ въ равномъ разстояніи между сѣверо-западною оконечностью острова Св. Лаврентія и юго-восточною оконечностью Чукотскаго носа до меридіана сто семидесяти двухъ градусовъ западной долготы; отъ сего пункта, начиная отъ точки пересѣченія этого меридіана, граница идетъ въ юго-западномъ направленіи, проходя на равномъ разстояніи между островомъ Атту и островомъ Куппера, лежащимъ въ группѣ малыхъ острововъ Командорскихъ въ Сѣверномъ Тихомъ океанѣ до меридіана сто девяносто трехъ градусовъ западной долготы, и такимъ образомъ включаетъ въ уступленную территорію всѣ Алеутскіе острова, лежащіе къ востоку отъ сего меридіана.

Статья II.

Съ территоріею уступленною, согласно предъидущей статьѣ, верховной власти Соединенныхъ Штатовъ, связано право собственности на всѣ публичныя земли и площади, земли никѣмъ незанятыя, всѣ публичныя зданія, укрѣпленія, казармы и другія зданія, несоставляющія частной собственности. Однако постановляется, что храмы, воздвигнутые Россійскимъ Правительствомъ на уступленной территоріи, остаются собственностью членовъ Православной церкви, проживающихъ на этой территоріи и принадлежащихъ къ этой церкви. Всѣ дѣла, бумаги и документы Правительства, относящіеся до вышеозначенной территоріи и нынѣ тамъ хранящіеся, передаются уполномоченному Соединенныхъ Штатовъ; но Соединенные Штаты, во всякое время, когда встрѣтится надобность, выдаютъ Россійскому Правительству, Россійскимъ чиновникамъ или Россійскимъ подданнымъ, которые того потребуютъ, засвидѣтельствованныя копіи съ этихъ документовъ.

Статья III.

Жители уступленной территоріи могутъ, по своему желанію, возвратиться въ Россію въ трехгодичный срокъ, сохраняя свою національность; но если они предпочитаютъ оставаться въ уступленной странѣ, то они, за исключеніемъ однакожъ дикихъ туземныхъ племенъ, должны быть допущены къ пользованію всѣми правами, преимуществами и льготами, предоставленными гражданамъ Соединенныхъ Штатовъ, и имъ должны быть оказываемы помощь и покровительство въ полномъ пользованіи свободою, правомъ собственности и исповѣданіемъ своей вѣры. Дикія же племена будутъ подчинены законамъ и правиламъ, которые отъ времени до времени могутъ быть постановляемы Соединенными Штатами въ отношеніи къ туземнымъ племенамъ этой территоріи.

Статья IV.

Его Величество Императоръ Всероссійскій назначитъ въ возможно скоромъ времени уполномоченнаго или уполномоченныхъ для формальной передачи уполномоченному или уполномоченнымъ отъ Соединенныхъ Штатовъ вышеуступленныхъ: территоріи, Верховнаго права и частной собственности, со всѣми принадлежностями, и для всякихъ другихъ дѣйствій, которыя окажутся нужными по сему предмету. Но уступка съ правомъ немедленнаго вступленія во владѣніе, тѣмъ не менѣе должна считаться полною и безусловною со времени обмѣна ратификацій, не дожидаясь формальной передачи оныхъ.

Статья V.

Немедленно послѣ обмѣна ратификацій сей конвенціи, всякія укрѣпленія или военные посты, находящіеся въ уступленной территоріи, передаются уполномоченному Соединенныхъ Штатовъ, и всѣ Русскія войска, расположенныя въ этой территоріи, выводятся въ удобный для обѣихъ сторонъ срокъ.

Статья VI.

На основаніи вышеустановленной уступки, Соединенные Штаты обязываются заплатить въ Казначействѣ въ Вашингтонѣ, въ десятимѣсячный срокъ со времени обмѣна ратификацій сей конвенціи, дипломатическому представителю или иному Его Величеством Императоромъ Всероссійскимъ надлежаще уполномоченному лицу, семь милліоновъ двѣсти тысячъ долларовъ золотою монетою. Вышепостановленная уступка территоріи и Верховнаго на оную права, симъ признается свободною и изъятою отъ всякихъ ограниченій, привилегій, льготъ или владѣльческихъ правъ Россійскихъ или иныхъ компаній, законнымъ порядкомъ, или инымъ образомъ учрежденныхъ, или таковыхъ же правъ товариществъ, за исключеніемъ только правъ собственности, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, и уступка эта, симъ установленная, заключаетъ въ себѣ всѣ права, льготы и привилегіи, нынѣ принадлежащія Россіи въ сказанной территоріи, ея владѣніяхъ и принадлежностяхъ.

Статья VII.

По надлежащей ратификаціи сей конвенціи Его Величествомъ Императоромъ Всероссійскимъ съ одной стороны, и Президентомъ Соединенныхъ Штатовъ, съ надлежащаго раз-

рѣшенія Сената съ другой стороны, ратификаціи будутъ обмѣнены въ Вашингтонѣ въ трехмѣсячный срокъ, отъ сего числа, или ранѣе, буде возможно.

Въ удостовѣреніе чего обоюдные Уполномоченные подписали сію конвенцію съ приложеніемъ печатей своихъ гербовъ.

Учинено въ Вашингтонѣ $\frac{18}{30}$ Марта тысяча восемь сотъ шестьдесятъ седьмаго года.

(М. П.) (подп.) Эдуардъ Стекль.

(М. П.) (подп.) Вильямъ Г. Сюардъ.

Того ради, по довольномъ разсмотрѣніи сего договора, Мы приняли оный за благо, подтвердили и ратификовали, яко же симъ за благо пріемлемъ, подтверждаемъ и ратификуемъ во всемъ его содержаніи, обѣщая Императорскимъ Нашимъ словомъ за Насъ, Наслѣдниковъ и Преемниковъ Нашихъ, что все, въ помянутомъ договорѣ постановленное, соблюдаемо и исполняемо будетъ ненарушимо. Въ удостовѣреніе чего Мы, сію Нашу Императорскую ратификацію собственноручно подписавъ, государственною Нашею печатью утвердить повелѣли. Дана въ С.-Петербургѣ Мая 3-го дня въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемь сотъ шестьдесятъ седьмое, Царствованія же Нашего въ тринадцатое.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано тако:

«АЛЕКСАНДРЪ».

(М. П.)

Контрасигнировалъ: Вице-Канцлеръ Князь А. Горчаковъ.

---

[1] Высочайше ратифицированная Конвенция об уступке Северо-Американским Соединенным Штатам Российских Северо-Американских колоний от 3 мая 1867 г. Ст. 44.518 // ПСЗРИ. Собр. 2. Отд. 1. СПб.: Тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1871. Т. XLII.

Приложение III

Соглашение об уступке российских владений в Северной Америке и его ратификация Северо-Американскими Соединенными Штатами[1]

Treaty concerning the Cession of the Russian Possessions in North America by his Majesty the Emperor of all the Russias to the United States of America: June 20, 1867	**Соглашение, касающееся уступки российских владений в Северной Америке Его Величеством Императором всея Руси в пользу Северо-Американских Соединенных Штатов: 20 июня 1867 года**
March 30, 1867	**30 марта 1867 года**
Treaty concerning the Cession of the Russian Possessions in North America by his Majesty the Emperor of all the Russias to the United States of America; Concluded March 30, 1867; Ratified by the United States May 28, 1867; Exchanged June 20, 1867; Proclaimed by the United States June 20, 1867.	*Соглашение, касающееся уступки российских владений в Северной Америке Его Величеством Императором всея Руси в пользу Северо-Американских Соединенных Штатов; заключено 30 марта 1867 года; ратифицировано Северо-Американскими Соединенными Штатами 28 мая 1867 года; обмен ратификационными грамотами состоялся 20 июня 1867 года; опубликовано Северо-Американскими Соединенными Штатами 20 июня 1867 года.*
BY THE PRESIDENT OF THE UNITED STATES OF AMERICA. A PROCLAMATION.	**ОТ ИМЕНИ ПРЕЗИДЕНТА СЕВЕРО-АМЕРИКАНСКИХ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ. ПРОКЛАМАЦИЯ.**
Whereas a treaty between the United States of America and his Majesty the Emperor of all the Russias was concluded and signed by their respective plenipotentiaries at the city of Washington, on the thirtieth day of March, last, which treaty, being in English and French languages, is, word for word as follows:	Принимая во внимание, что соглашение между Северо-Американскими Соединенными Штатами и Его Величеством Императором всея Руси было заключено и подписано соответствующими полномочными представителями сторон в городе Вашингтоне тридцатого марта этого года; при этом соглашение было составлено на английском и французском языках и сформулировано дословно следующим образом:
(the French version is omitted for brevity)	(текст соглашения на французском языке опущен в целях краткости изложения)

[1] Оригинальный текст соглашения на английском языке: Documents of American Democracy: A Collection of Essential Works. Edited by Roger L. Kemp. McFarland: Kindle Edition, 2010. Alaska Purchase Treaty. P. 201–203. Перевод на русский язык представлен в авторском варианте.

The United States of America and His Majesty the Emperor of all the Russias, being desirous of strengthening, if possible, the good understanding which exists between them, have, for that purpose, appointed as their Plenipotentiaries: the President of the United States, William H. Seward, Secretary of State; and His Majesty the Emperor of all the Russias, the Privy Councillor Edward de Stoeckl, his Envoy Extraordinary and Minister Plenipotentiary to the United States.	Северо-Американские Соединенные Штаты и Его Величество Император всея Руси, желая по возможности закрепить взаимные договоренности между сторонами, назначают для указанной цели своих полномочных представителей: Президент Северо-Американских Соединенных Штатов – Уильяма Генри Сьюарда, государственного секретаря; Его Величество Император всея Руси – Эдуарда Андреевича фон Стекля, тайного советника, чрезвычайного посланника и полномочного министра в Северо-Американских Соединенных Штатах.
And the said Plenipotentiaries, having exchanged their full powers, which were found to be in due form, have agreed upon and signed the following articles:	Вышеуказанные представители сторон, обменявшись полномочиями, которые были определены как соответствующие установленной форме, согласовали и подписали следующие статьи:
ARTICLE I.	**СТАТЬЯ I.**
His Majesty the Emperor of all the Russias agrees to cede to the United States, by this convention, immediately upon the exchange of the ratifications thereof, all the territory and dominion now possessed by his said Majesty on the continent of America and in the adjacent islands, the same being contained within the geographical limits herein set forth, to wit: The eastern limit is the line of demarcation between the Russian and the British possessions in North America, as established by the convention between Russia and Great Britain, of February 16 (28), 1825, and described in Articles III and IV of said convention, in the following terms:	В соответствии с настоящей Конвенцией Его Величество Император всея Руси соглашается уступить Северо-Американским Соединенным Штатам, незамедлительно с момента обмена ее ратификациями, всю территорию и владения, которые на данный момент находятся в собственности Его Императорского Величества на Американском континенте и прилегающих островах, находящихся в географических границах, определяемых в настоящем документе, а именно: восточной границей служит линия разграничения владений России и Британии в Северной Америке, как установлено Конвенцией между Россией и Великобританией от 16 (28) февраля 1825 года и описано в статьях III и IV указанной Конвенции следующим образом:
Commencing from the southernmost point of the island called Prince of Wales Island, which point lies in the parallel of 54 degrees 40 minutes north latitude, and between the 131st and the 133rd degree of west longitude, (meridian of Greenwich,) the said line shall ascend to the north along the channel called Portland channel, as far as the point of the	Начиная от самой южной точки острова, именуемого островом Принца Уэльского, которая находится на параллели 54 градусов 40 минут северной широты и между 131 и 133 градусом западной долготы (Гринвичский меридиан), указанная граница поднимается на север по каналу, именуемому Портландский канал,

continent where it strikes the 56th degree of north latitude; from this last-mentioned point, the line of demarcation shall follow the summit of the mountains situated parallel to the coast as far as the point of intersection of the 141st degree of west longitude (of the same meridian); and finally, from the said point of intersection, the said meridian line of the 141st degree, in its prolongation as far as the Frozen ocean. IV. With reference to the line of demarcation laid down in the preceding article, it is understood –	до той точки твердой земли, где она касается 56 градуса северной широты; от последней указанной точки граница следует к горным вершинам, расположенным параллельно береговой полосе, до точки пересечения с 141 градусом западной долготы (того же Гринвичского меридиана); и, наконец, от указанной точки пересечения приведенная выше меридианная линия 141 градуса продолжается до самого Северного Ледовитого океана. IV. С учетом границы, установленной в предыдущей статье, согласовано, что –
1st. That the island called Prince of Wales Island shall belong wholly to Russia (now, by this cession, to the United States.)	1. Остров, именуемый островом Принца Уэльского, должен полностью принадлежать России (отныне, в соответствии с настоящей уступкой, – Северо-Американским Соединенным Штатам).
2nd. That whenever the summit of the mountains which extend in a direction parallel to the coast from the 56th degree of north latitude to the point of intersection of the 141st degree of west longitude shall prove to be at the distance of more than ten marine leagues from the ocean, the limit between the British possessions and the line of coast which is to belong to Russia as above mentioned (that is to say, the limit to the possessions ceded by this convention) shall be formed by a line parallel to the winding of the coast, and which shall never exceed the distance of ten marine leagues therefrom.	2. Во всех случаях, когда вершины гор, которые простираются в направлении, параллельном береговой полосе от 56 градуса северной широты до точки пересечения с 141 градусом западной долготы, оказываются на расстоянии более десяти морских лиг от океана, граница между британскими владениями и береговой линией, принадлежащей, как указано выше, России (т. е. граница владений, уступаемых в соответствии с настоящей Конвенцией), устанавливается посредством черты, параллельной изгибу береговой полосы; при этом граница ни при каких обстоятельствах не будет располагаться на расстоянии, превышающем десять морских лиг от указанного места.
The western limit within which the territories and dominion conveyed, are contained, passes through a point in Behring's straits on the parallel of sixty-five degrees thirty minutes north latitude, at its intersection by the meridian which passes midway between the islands of Krusenstern, or Ignalook, and the island of Ratmanoff, or Noonarbook, and proceeds due north, without limitation, into the same Frozen ocean. The same western limit, beginning at the same initial point, proceeds thence in a course nearly southwest through Behring's straits and Behring's sea, so as to pass midway between the northwest point of	Западная граница, в пределах которой находятся уступаемые территории и владения, проходит через точку в Беринговом проливе на параллели шестьдесят пятого градуса и тридцати минут северной широты в ее пересечении с меридианом, который, в свою очередь, проходит посередине между островом Крузенштерна, или Игналук, и островом Ратманова, или Нунарбук, и продолжается точно на север, без каких-либо ограничений, в уже упомянутый Северный Ледовитый океан. Вышеуказанная западная граница, начинающаяся от той же самой

the island of St. Lawrence and the southeast point of Cape Choukotski, to the meridian of one hundred and seventy-two west longitude; thence, from the intersection of that meridian, in a south-westerly direction, so as to pass midway between the island of Attou and the Copper island of the Kormandorski couplet or group in the North Pacific ocean, to the meridian of one hundred and ninety- three degrees west longitude, so as to include in the territory conveyed the whole of the Aleutian islands east of that meridian.	исходной точки, следует непосредственно на юго-запад через Берингов пролив и Берингово море, проходя посередине между северо-западной точкой острова Святого Лаврентия и юго-восточной точкой мыса Чукотского к меридиану по сто семьдесят второму градусу западной долготы; от названного места, от точки пересечения с указанным выше меридианом, граница следует в юго-западном направлении, проходя посередине между островом Атту и островом Куппер Командорского архипелага на севере Тихого океана к меридиану по сто девяносто третьему градусу западной долготы; таким образом, в уступаемую территорию включаются все Алеутские острова, лежащие к востоку от указанного меридиана.
ARTICLE II.	**СТАТЬЯ II.**
In the cession of territory and dominion made by the preceding article are included the right of property in all public lots and squares, vacant lands, and all public buildings, fortifications, barracks, and other edifices which are not private individual property. It is, however, understood and agreed, that the churches which have been built in the ceded territory by the Russian government, shall remain the property of such members of the Greek Oriental Church resident in the territory, as may choose to worship therein. Any government archives, papers, and documents relative to the territory and dominion aforesaid, which may be now existing there, will be left in the possession of the agent of the United States; but an authenticated copy of such of them as may be required, will be, at all times, given by the United States to the Russian government, or to such Russian officers or subjects as they may apply for.	В уступку территории и владений, совершенную на основании предыдущей статьи, включаются: право собственности на все принадлежащие государству площади и участки земли, никем не занятые земли, публичные здания, укрепления, казармы и иные сооружения, которые не являются частной индивидуальной собственностью. Стороны, однако, установили и согласовали, что церкви, которые были построены на уступаемой территории российским Правительством, останутся в собственности членов Православной Церкви, проживающих на данной территории и совершающих по своему выбору богослужение в указанной церкви. Любые правительственные архивы, сертификаты и документы, относящиеся к уступаемым территориям и владениям и находящиеся там на настоящий момент, передаются уполномоченному представителю Северо-Американских Соединенных Штатов; но заверенные копии таких документов, при необходимости, будут в любое время предоставлены Северо-Американскими Соединенными Штатами российскому Правительству, либо таким российским должностным лицам или подданным, которые обратятся с соответствующей просьбой.

ARTICLE III.	**СТАТЬЯ III.**
The inhabitants of the ceded territory, according to their choice, reserving their natural allegiance, may return to Russia within three years; but if they should prefer to remain in the ceded territory, they, with the exception of uncivilized native tribes, shall be admitted to the enjoyment of all the rights, advantages, and immunities of citizens of the United States, and shall be maintained and protected in the free enjoyment of their liberty, property, and religion. The uncivilized tribes will be subject to such laws and regulations as the United States may, from time to time, adopt in regard to aboriginal tribes of that country.	Жители уступаемой территории, в соответствии с их выбором, а также с сохранением обязательства постоянной верности государству в силу рождения, могут вернуться в Россию в течение трех лет; но если они предпочтут остаться на уступаемой территории, то они, за исключением нецивилизованных диких племен, должны быть допущены к осуществлению всех прав, преимуществ и привилегий граждан Северо-Американских Соединенных Штатов, при этом их свобода, права собственности и религия должны соблюдаться и охраняться. Нецивилизованные дикие племена подпадают под действие таких законов и нормативных актов, которые Северо-Американские Соединенные Штаты вправе в любое время принимать в отношении туземных племен соответствующей страны.
ARTICLE IV.	**СТАТЬЯ IV.**
His Majesty the Emperor of all the Russias shall appoint, with convenient despatch, an agent or agents for the purpose of formally delivering to a similar agent or agents appointed on behalf of the United States, the territory, dominion, property, dependencies and appurtenances which are ceded as above, and for doing any other act which may be necessary in regard thereto. But the cession, with the right of immediate possession, is nevertheless to be deemed complete and absolute on the exchange of ratifications, without waiting for such formal delivery.	В кратчайшие возможные сроки Его Величество Император всея Руси должен назначить уполномоченного представителя или представителей для целей формальной передачи соответствующему уполномоченному представителю или представителям, назначенному/назначенным от имени Северо-Американских Соединенных Штатов, территории, владений, собственности, зависимых и прилегающих неделимых земель, уступаемых на основании вышеприведенных положений, а также для совершения иных действий, которые могут быть необходимы в этом отношении. Однако уступка с правом немедленного вступления во владение будет тем не менее считаться полностью и безоговорочно совершенной с момента обмена ратификациями, не дожидаясь формальной передачи указанных территорий и владений.
ARTICLE V.	**СТАТЬЯ V.**
Immediately after the exchange of the	Незамедлительно после обмена

ratifications of this convention, any fortifications or military posts which may be in the ceded territory shall be delivered to the agent of the United States, and any Russian troops which may be in the territory shall be withdrawn as soon as may be reasonably and conveniently practicable.	ратификациями настоящей Конвенции любые укрепления или военные гарнизоны, которые могут находиться на уступленной территории, должны быть переданы уполномоченному представителю Северо-Американских Соединенных Штатов, а любые российские войска, находящиеся на указанной территории, должны быть отозваны в кратчайшие, практически осуществимые сроки.
ARTICLE VI.	**СТАТЬЯ VI.**
In consideration of the cession aforesaid, the United States agree to pay at the treasury in Washington, within ten months after the exchange of the ratifications of this convention, to the diplomatic representative or other agent of his Majesty the Emperor of all the Russias, duly authorized to receive the same, seven million two hundred thousand dollars in gold. The cession of territory and dominion herein made is hereby declared to be free and unencumbered by any reservations, privileges, franchises, grants, or possessions, by any associated companies, whether corporate or incorporate, Russian or any other, or by any parties, except merely private individual property holders; and the cession hereby made, conveys all the rights, franchises, and privileges now belonging to Russia in the said territory or dominion, and appurtenances thereto.	В качестве вознаграждения за уступаемую территорию Северо-Американские Соединенные Штаты соглашаются уплатить в Государственном казначействе в городе Вашингтоне, в течение десяти месяцев с момента обмена ратификациями настоящей Конвенции, дипломатическому или иному представителю Его Величества Императора всея Руси, надлежащим образом уполномоченному на получение указанной ниже суммы, семь миллионов двести тысяч долларов золотом. Территория и владения, уступаемые в соответствии с настоящей Конвенцией, настоящим объявляются свободными и не обремененными какими-либо ограничениями, привилегиями, полномочиями, государственными субсидиями, а также не находятся во владении каких-либо ассоциированных компаний, независимо от того, зарегистрированы ли они в качестве юридического лица, являются ли такие компании российскими или нет, либо любых иных лиц, за исключением частных владельцев личной собственности; в соответствии с уступкой, осуществляемой на основании настоящего документа, передаются все права, полномочия и привилегии, в настоящий момент принадлежащие России на указанной территории или владениях и прилегающих неделимых землях.
ARTICLE VII.	**СТАТЬЯ VII.**
When this convention shall have been duly ratified by the President of the United States,	Как только настоящая Конвенция будет должным образом ратифицирована

by and with the advice and consent of the Senate, on the one part, and on the other by his Majesty the Emperor of all the Russias, the ratifications shall be exchanged at Washington within three months from the date hereof, or sooner if possible.	Президентом Северо-Американских Соединенных Штатов после консультаций с Сенатом и его последующим согласием, с одной стороны, и Его Величеством Императором всея Руси, с другой стороны, в городе Вашингтоне в течение трех месяцев с даты подписания данного документа, либо ранее, при наличии такой возможности, должен состояться обмен ратификациями.
In faith whereof, the respective plenipotentiaries have signed this convention, and thereto affixed the seals of their arms.	В удостоверение вышеизложенного полномочные представители сторон подписали настоящую Конвенцию и скрепили ее печатями с гербами соответствующих государств.
Done at Washington, the thirtieth day of March, in the year of our Lord one thousand eight hundred and sixty-seven.	Совершено в городе Вашингтоне тридцатого марта тысяча восемьсот шестьдесят седьмого года от рождества Христова.
[L. S.] WILLIAM H. SEWARD.	[М. П.] УИЛЬЯМ ГЕНРИ СЬЮАРД.
[L. S.] EDOUARD DE STOECKL.	[М. П.] ЭДУАРД АНДРЕЕВИЧ ФОН СТЕКЛЬ.
And whereas the said Treaty has been duly ratified on both parts, and the respective ratifications of the same were exchanged at Washington on this twentieth day of June, by William H. Seward, Secretary of State of the United States, and the Privy Counsellor Edward de Stoeckl, the Envoy Extraordinary of His Majesty the Emperor of all the Russias, on the part of their respective governments, Now, therefore, be it known that I, Andrew Johnson, President of the United States of America, have caused the said Treaty to be made public, to the end that the same and every clause and article thereof may be observed and fulfilled with good faith by the United States and the citizens thereof.	Принимая во внимание, что указанное Соглашение было должным образом ратифицировано обеими сторонами, а также, что обмен соответствующими ратификационными грамотами состоялся в городе Вашингтоне в настоящую дату двадцатого июня между Уильямом Генри Сьюардом, государственным секретарем Северо-Американских Соединенных Штатов, и Эдуардом Андреевичем фон Стеклем, тайным советником, чрезвычайным посланником Его Величества Императора всея Руси, действующих от имени правительств договаривающихся государств, то, с учетом вышеизложенного, доводится до всеобщего сведения, что я, Эндрю Джонсон, Президент Северо-Американских Соединенных Штатов, распорядился об обнародовании настоящего Соглашения с той целью, чтобы данное Соглашение и каждая его статья добросовестно соблюдались и выполнялись Северо-Американскими Соединенными Штатами и их гражданами.

In witness whereof, I have hereunto set my hand, and caused the seal of the United States to be affixed.	В подтверждение вышеизложенного я скрепляю настоящий документ своей подписью и поручаю проставить на нем печать Северо-Американских Соединенных Штатов.
Done at the city of Washington, this twentieth day of June in the year of our Lord one thousand eight hundred and sixty-seven, and of the Independence of the United States the ninety-first.	Совершено в городе Вашингтоне, в настоящую дату двадцатого июня тысяча восемьсот шестьдесят седьмого года от рождества Христова и девяносто первого года независимости Северо-Американских Соединенных Штатов.
[L. S.] ANDREW JOHNSON	[М. П.] ЭНДРЮ ДЖОНСОН
By the President:	От имени Президента:
William H. Seward, Secretary of State	Уильям Генри Сьюард, государственный секретарь

Приложение IV

Карта территорий Северо-Западной Америки, переданных Российской империей Северо-Американским Соединенным Штатам по соглашению от 30 марта 1867 г.[1]

[1] https://ru.wikipedia.org/wiki/Продажа_Аляски#/media/File:Alaska_1867.jpg. Дата обращения: 15.06.2015.

Приложение V

Чек на 7,2 миллиона долларов, предъявленный Соединенными Штатами для оплаты покупки Аляски[1]

[1] См.: Рокот В. Князь Русской Америки. Д. П. Максутов. Серия «Россия забытая и неизвестная». М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. С. 79.